

Тайна Фэшн Авеню

МЁРТВЫЙ

—

ХИТ

СЕЗОНА

Кристин Демайо-Райс

Модельер Джереми Сент — Джеймс — это все, что Лора Карнеги могла бы хотеть от мужчины. Он великолепен, богат и талантлив. И тот факт, что все говорят, что он — гей, не мешает ей мечтать оказаться в объятиях своего босса. На самом деле, она подозревает, что недоступность — это часть его шарма.

Когда поручитель Джереми был найден мертвым в своем кабинете, и его стали обвинять в этом преступлении, он доверил Лоре, и только Лоре, ключи от дизайнерской мастерской. Она хочет вытащить его из тюрьмы, и в ходе поиска настоящего убийцы и раскрытия банды продавцов фальшивок, она, под маской темпераментного художника, обнаруживает человека полного тайн. Человека, который определенно не гей, и не так недоступен, как кажется на первый взгляд.

«Мертвый — хит сезона»

Кристин Демайо-Райс

Лора опаздывала.

Не на столько, чтобы прийти на работу позже всех, и не так, как если бы она пропустила видео — конференцию или же примерку, или что — то в этом роде. Скорее опаздывала чисто теоретически, потому что, приходя обычно в семь тридцать утра, могла рассчитывать перекинуться парой слов со своим боссом необыкновенно одаренным вундеркиндом и двукратным победителем CFDA1 — о последних тенденциях в *Vogue*. С тем, в кого она была влюблена. И с тем, кто, разумеется, был геем. Поэтому Лора опаздывала не на работу, а на случайный разговор с предметом своего воздыхания, неспособным ею заинтересоваться.

Войдя в лифт этим особенным воскресным утром, Лора оказалась в компании женщины с идеально обесцвеченным блондинистым хвостом и продавцом, от которого пахло так, что можно было подумать, что он весело провел субботний вечер, она знала, что опаздывала.

Ее опоздание было не напрасным, ну или, по крайней мере, могло помочь ее боссу. Она просто не могла позволить девушке в розовом пальто сойти с поезда R, не будучи допрошенной, потому что, либо та была самой искусной швейей на расстоянии трех штатов, либо у неё была просто первоклассная подделка.

Что бы ни случилось, девушке нужно было или предложить работу, или допросить, потому что розовое пальто, о котором идет речь, это пальто от Данателло, в четырехстах экземплярах, ставшее бестселлером и, оказавшись одновременно на обложках декабрьских выпусках *Vazaar* и *Elle*, стоило работы двум высокооплачиваемым редакторам. Таким образом, как только первые четыре сотни были распроданы в Бергдорфе и Блумингдейле, стоимость использованного пальто стала больше стоимости нового.

ICFDA (англ. *Council of Fashion Designers of America*) — американская некоммерческая организация, занимающаяся разработкой модных стандартов, решением проблем модной индустрии США и координацией деятелей американской моды.

Но, на девушке, которой на секунду было не больше двадцати трех и ростом не более пятидесяти двух дюймов, с ярко окрашенными черными и слишком тщательно выпрямленными волосами, в юбке, далекой от лестных похвал, было не пальто от Донателло. Определенно нет. Лора догадалась об этом по розовой пуговичной нити на пальто мисс Хипстер. Девушка продвинулась ближе к выходу. Лора, последовала за ней, уловив не только безошибочный аромат хорошо любимой собаки, но и разглядев розовую нить, на которой была закреплена пуговица. Нить явно была поддельной, сделанной из высокопрочного хлопка.

Лора хорошо знала, что на пальто Донателлы были нанизаны пуговицы горного хрусталя, с ниткой, которая соответствовала серебру кнопок. Она знала это, потому что она и помощник дизайнера сами выбирали нить из вискозных образцов. У них было два оттенка серой вискозной нити, скрученных друг с другом, чтобы подходить по оттенку к цвету металла, делая нить более незаметной.

Однако она не видела никаких других недостатков в это пальто говорящих ей о том, что оно поддельное. Ткань была идентичной. Воротничок лежал прямо на шее. Сшито оно было по лекалам похожим на те, которыми пользовался Сент — Джеймс. Только пуговичная нить портила впечатление.

Поезд стал медленно тормозить, приближаясь к 31-й улице, и мисс Хипстер в поддельном пальто от Джереми Сен — Джеймс собиралась, видимо здесь, выйти. Лора последовала за девушкой, чтобы узнать, где та купила это явно поддельное пальто.

Подделки — проклятие индустрии моды, огромный водоворот, затягивающий миллионы, и оставляя бедных модельеров, таких как Лора, без работы. Черный рынок товаров низкого качества нарушал каждую букву закона о товарных знаках, авторских правах и интеллектуальной собственности, созданного для защиты художников и ремесленников.

Но миссис Хипстер не собиралась выходить на 31-й улице, и Лора, отчаявшись придумать, как повежливей поинтересоваться о происхождении пальто, последовала за ней на 29-ю улицу, находившуюся слишком далеко от ее работы, чтобы повернуть назад.

Как только Лора увидела, что девушка вошла на корейский рынок на Бродвее, она решила, что ни за что не повернет назад. Уже слишком Лора была увлечена тайной этого розового жакета. Идя за госпожой Хипстер, как для себя назвала девушку Лора, она прикручивала в голове разные варианты. В лучшем случае думала она, собака госпожи Хипстер, несомненно, вонючая, истекающая слюной тварь, которую она держала в своей однокомнатной квартире в Бушвике, пережевала пуговицы, и хозяйке пришлось заменить их любой ниткой, которую нашла в своем наборе для шитья. В худшем случае она была боссом банды создающей подделки, и она подвергла свою жизнь опасности, приблизившись к ней.

Лора влетела на Корейский рынок и тут же увидела мисс Хипстер в кофе. Пойдя в кофе, Лора взяла себе маленький одноразовый бумажный стаканчик кофе. Кофе был не свежим, и она ничуть не пожалела, что взяла именно маленький стаканчик.

— О боже, — воскликнула Лора, как бы случайно проливая горячий напиток на пиджак.

— Мне очень жаль! Он попал куда — nibудь?

Пятно кофе тут же впиталось в ворс ткани. Женщина должна была просто взбеситься. Да и как же не взбесится, пальто от Донателло стоило четыре тысячи долларов. Но девушка не выглядела так, как будто могла позволить себе что — то большее, чем винтажные вещи из Гудвилла.

Мисс Хипстер промокнула пятно салфеткой.

— Все в порядке. Думаю, в основном, оно отстирается.

— В основном? Либо эта женщина пьяна, что можно предположить по остальной части её гардероба, либо пальто и в правду было дешевым. — Лора протянула её еще салфеток, и они вместе отошли от касс. — Мне кажется, еще осталось на пуговице. — Мисс Хипстер посмотрела на неё, но ничего не обнаружила. — Если пуговица испачкана, то я видела похожие, в бакалейной лавке Гарри. Но ума не приложу, где взять такие нитки.

Лора выжидающе замолчала. Мисс Хипстер посмотрела на свою пуговицу:

— Нет, все в порядке. И нитки просто розовые. Я могу купить их где угодно. — Она улыbnулась и начала рассчитываться с кассиром.

У нее не было розовых ниток дома.

И это означает, что она не перешивала пуговицы.

А значит, пуговицы на пальто были с самого начала.

Так что это подделка. Подделка. Подделка. Подделка! Не переставая стучало в голове у Лоры.

— Классное пальто, сказала Лора мисс Хипстер, которая подсчитывала никели и пенни со сдачи.

— Где вы его купили? — Спросила Лора.

— Моя мама прислала его из Китая. — Девушка развернулась на своих старомодных ковбойских сапогах и ушла.

Похоже, её даже не заботило, что вся продукция Джереми изготавливается здесь, в США, на 40-й улице и никогда не поставляется в Азию, подумала Лора. Конечно, есть вариант, что ее просто пытаются запутать, сказав, что вещь из — за океана, это достаточно распространённый прием, но даже если это и так, ей все равно не удастся найти источник появления поддельного пальто на рынке. Лора постояла еще минуту, глядя на уходящую миссис Хипстер, и не спеша отправилась в офис, подальше от маленького корейского магазинчика с плохим кофе.

Возможно, я опаздываю, думала Лора, но когда Лора вошла в лифте вместе с другими воскресными трудоголиками, она точно была уверена, что с Джереми её ждет, наверняка, трудный разговор. Взглянув на свое отражение в блестящей латуни дверей лифта, она увидела женщину, которая не выглядела такой же уверенной, как она себя чувствовала.

Она стянула шерстяную шапочку и пригладила волосы.

Миссия дома Джереми Сент — Джеймса заключалась в том, чтобы одеть женщин, так, чтобы они, не стыдились ни своего тела, ни своего, дохода. Если есть грудь, её надо приподнять, растяжки на коже — скрыть, сделать акцент на талии — пожалуйста, вот вам пояс. Если у вас гуляющий муж, одежда должна вернуть его. А если хотите завести любовника, то, у Джереми Сент — Джеймса всегда есть пятисотдолларовая рубашка, которая бы приблизила вас к этой цели.

Одежда от Джереми выглядела слишком хорошо, слишком сексуально, чтобы быть созданной гетеросексуальным умом. Эта мысль снова вернула Лору с небес на землю. Он был великолепным, блестящим и надежным. Поэтому каждое утро она вставала и тащилась в офис, чтобы только поговорить с ним, поскольку в другие моменты она слишком нервничала, чтобы вымолвить и слово.

Восемь утра было еще слишком рано для работы почти всех, кроме Лоры и Джереми.

Приемная светилась от скрытого освещения, согревая белые стены, темную деревянную мебель и редкие красные орхидеи. Цементный пол был окрашен в серый цвет только на несколько тонов теплее, чем городские улицы. Стеклянная и деревянная стойка регистрации была пуста, но скомканная салфетка от HasBean в проволочной мусорной корзине подсказала ей, что у Джереми уже на месте, и что на столе её будет ожидать кофе. Она приложила к турникету свою ключ — карту и еще раз отрепетировала в голове историю о поддельном пальто от Донателло.

Лора выбросила паршивый корейский кофе. По дороге, он согревал её, но сейчас, став холодным, он был ей больше не нужен.

Каждое утро Джереми приносил ей какое —нибудь причудливое кофейное варево собственного производства, удивляя ее каждые две недели, новым сиропом или рисунком на пенке. Этот знак внимания был крайне приятен, но в тоже время заставлял нервничать, потому что он иногда останавливался и болтал в течение десяти минут о соседе снизу или о новом ресторане. А иногда бросал короткое приветствие, которое заставляло болезненно сжиматься её сердце.

Когда он приходит первым, как сегодня, ее будет ждать кофе с пластиковой ложечкой и двумя видами сиропа сверху, а он уже будет в своем кабинете, кричать на своих проклятых рабочих или сгорбиться над отчетами, сведенными в таблицы. Он отмахнется, когда она поблагодарит его за кофе. В такие дни ей приходилось напоминать себе, что он гей. Ему

нравились друзья — девушки и большие члены. Она просто тратит свое время. Она должна просто полностью отказаться от мужчин.

Она подошла к своему столу, и, прежде чем поставила на него сумку, увидела, что кофе разлит. Это само по себе сильно удивляло. Джереми ненавидел беспорядок в любой форме. А тут её ножницы были залиты так, что пока она их вытерла, то наполовину пропитала платок. Остальной бардак хоть и был незначительным, но сильно раздражал.

Металлические лекала и пенал нужно было высушить в первую очередь, чтобы не проржавели. Чистые бумажки для записок можно было сразу же выкидывать, а все её выкройки хаотично валялись слева от стула.

Лора вытащила из лужи кофе канцелярскую кнопку, не зная куда её и положить. Еще вчера, Джереми положил её на стол, когда увидел, прикрепленные к пробковой доске, наброски дизайнера Кармеллы. Он, едва взглянув на всю коллекцию, сорвал со стенда эскиз одной единственной рубашки, и, тыча её этим в лицо, спросил:

— Кто захочет эту женщину? Она, что валялась на кухонном полу за пятнадцать минут до свидания? Или может наш офис переехал в сарай?

Грейси Померанц, финансист компании, в своем костюме от Шанель, глумливо захихикала. Этот неуместный смех, по мнению этой престарелой дамы, должен был унижить Кармеллу, но Джереми сделал вид, что не слышит Грейси. Он поднял кнопку и положил ее на стол Лоры, затем обратился к Кармелле:

— Прекрати тратить время. У нас есть весенний показ через две недели, и некогда заниматься ерундой.

Сказано это было так, что любая другая женщина упала бы в обморок, но Кармелла принимала все стойко. И, чем больше замечаний делал её Джереми, тем более творческой она становилась.

— Джереми? — Позвала Лора, мечась между уборкой стола и поиском босса. Проверив, что кофе больше не прольется, она направилась по коридору к кабинету Джереми, по дороге продолжая протирать свои многострадальные ножницы. Липкий слой кофе на них, сводил её с ума, и ей хотелось стереть его как можно скорее. Вдруг Лора услышала, как сдавленно Джереми дышит, она ускорила шаг.

Кабинет Джереми был в полном беспорядке, с образцы ткани, доски для заметок, обрезки валялись по всему полу. Стол был пуст. Потом она заметила Джереми, как всегда великолепного, но сейчас выглядевшего как загнанное животное: огромные шоколадные глаза были не подвижны, коричневые волосы выглядели немного взъерошеннее чем всегда. На нем был вязаный блейзер и футболка, его повседневная одежда на выходные.

Он держал сжатые кулаки перед собой, как будто он сажал невидимый самолет. В руке у него был зажат отрез шармеца в черно — белую полоску из весенней коллекции.

— Джереми? Ты в порядке?

Он посмотрел на нее и как будто хотел что — то сказать, но ничего не вышло.

— Ты что, Джереми, мух ловишь? — сказала она, в попытке заставить его улыбнуться. Но он никак не среагировал и посмотрел на пол.

Лора последовала его взгляду и чуть не уронила ножницы на мертвое тело.

Глава 2

Крик Лоры никто не услышал, кроме Джереми и трупа, чье лицо было укрыто беккермановской шинелью. Несколько секунд Лора стояла не подвижно, пока краем глаза не заметила, как вздрагивает Джереми.

— Что случилось? — спросила Лора, переводя дух.

— Когда, я вошел, она уже была здесь. Отрез? Я снял его с её шеи. Думал, что это спасет её, — попытался, что — то объяснить Джереми.

— Откинь пальто, — зачем — то выдавил он из себя, взглядом указывая на лежащую на полу женщину.

Одна из туфель лодочек с рекламой Via Spiga, принадлежавшей распластанной на полу женщине валялась в нескольких шагах от неё; вторая, продолжала болтаться на носках.

Загорелые ноги и руки со спортивными часами лежали в неестественной позе, как у старой куклы, выброшенной в сточную канаву. Шуба и шляпка в тон валялись в углу, подобно «дохлому» зверю, а рука хваталась за кусочки измельченной бумаги, раскиданной по полу как рубленая капуста.

Лора наклонилась и откинула край пальто. Случайно, она задела стоящую на краю банку, в которой лежало с полдюжины медных пуговиц с логотипом Сент — Джеймс. Звук от падающих пуговиц был такой, что на секунду Лоре показалось, что она опрокинула на пол целую банку этих проклятых пуговиц.

— Это мисс Померанц, — прошептала девушка, ощупывая шею женщины в поисках пульса. Она не была уверена, что ищет в правильном месте, но почувствовав под пальцами холод кожи и увидев глаза Грейси Померанц с растекшейся тушью и съехавшей с радужки контактной линзой, поняла, что это уже в принципе не важно.

— Вы звонили в полицию? — спросила она Джереми.

— Надо уходить. — странным голосом выдавил мужчина.

— Нам надо убратсья отсюда! — произнес он и отшвырнул кусок шармеза, до сих пор зажатого у него в руке.

В коридоре он, схватив её за локоть, потащил в сторону мастерской. Войдя вовнутрь, Лора, быстро подошла к своему столу, по прежнему залитому кофе, и набрала 911, а Джереми принялся что — то искать на столе Кармеллы. Рассказав диспетчеру все, что тому было необходимо знать, она повесила трубку, мысленно прикинув, все, что потребуется полиции, они смогут узнать от неё лично, когда придут на место.

— Что случилось? — спросила она еще раз.

— В смысле, что случилось? — тоном, не терпящим возражений, ответил Джереми, скрестив руки на груди.

— Грейси, лежит мертвая, в твоём кабинете! — начала разговор Лора. Она прекрасно знала, как и все в фирме, что у Грейси был свой кабинет наверху, изысканный, где она вместе с Джереми принимала клиентов и покупателей.

Будучи финансовым поручителем Джереми, она была источником дохода, для компании в трудные времена года, которые наступали каждый раз перед покупкой тканей. Когда Джереми захотел расширить бизнес, вложила в него некоторую сумму денег, которую потом вернула себе, в виде процента с полученной фирмой прибили. И что самое вопиющее для Лоры, утверждала, что именно благодаря её, её каждодневным заботам, бренд так далеко

продвинулся. Это была своеобразная привилегия, которой Грейс злоупотребляла каждый день.

— Вот что я хочу, чтобы ты сделала, — сказал Джереми. — Ты должна честно и откровенно ответить на вопросы полиции, когда они их зададут, и я сделаю то же самое, хорошо? И больше об этом я говорить не хочу.

— Мне жаль, что я опоздала сегодня, — устало прошептала Лора.

— Почему? Убила бы ее между семью тридцатью и восемью?

— Нет! — ответила Лора.

— Тогда не вмешивайся. Что бы ни случилось сегодня, мы должны сосредоточиться на показе. У нас шоу через две недели и все пойдет под откос, если мы не продолжим работать.

Он был прав, хотя слышать это было в данной ситуации, как — то бесчеловечно. Эта компания была его жизнью. Лора никогда не слышала, чтобы он говорил о любви к кому-либо. У него были друзья или люди, которых он знал в бизнесе. Они с Лорой в этом были очень похожими. Работа бала для них смыслом жизни.

Все, что знала о нем Лора, о его личной жизни, так это только то, что его родители жили в Канаде. И он никогда не говорил о каком — либо другом из членов семье. Никаких домашних животных.

Он часто и без предупреждения путешествовал. Утром по прибытию на работу Кармелле или Лоре мог позвонить его личный помощник, Тинто Бенито, человека, которого они никогда не встречали, сообщить им, что Джереми не будет в течение двух недель или десяти дней, а Грейси остается за старшего. Ни звонков. Ни писем. Ничего. Иногда Грейси сообщала им, что Джереми не выйдет, и им предстояло обойтись без своего босса какое — то время. Но когда он возвращался, наступал ад. Таким кротким и немногословным, как сейчас Лора увидела впервые.

— Не волнуйся, — сказала она, и прежде чем смогла остановиться, добавила, — я не позволю бизнесу сойти с рельс. Это было обещание, которое она понятия не имела, как исполнить.

— Я рассчитываю на тебя, — ответил он нерешительным голосом.

— Я видела поддельное Донателло, — сказала девушка.

— На одной девушке в поезде. Я последовал за ней. Поэтому опоздала.

— Ты проследила за ней? — с удивлением спросил Джереми.

— Она сказала, что ее мать купила его в Китае. Так что, кто — то конкурирует с тобой в Азии, — продолжила Лора.

Он усмехнулся. Она сосредоточилась на красивой маленькой складке на нижней губе, которая исчезла, когда он улыбнулся.

— Ты остановила ее, и спросила, где она ее взяла? — с улыбкой произнес Джереми.

— Да. Я подумала, что ты можешь рассказать Грейси, потому что мне как — то не хочется.

Её и так от меня подташнивает, не стоит бесить её больше.

В этот момент Лора поняла, что говорит о Грейси так, как будто она еще жива. А еще поняла, что теперь за контроль над подделками будет отвечать Джереми, который сделает это с удовольствием.

Прозвенел звонок в фойе, и Лора нервно подскочила. До этого момент она даже не осознавала, как была напряжена.

— Я открою. — сказала она и побежала в приемную.

Четыре полицейских, два в форме и два в гражданском, судя по всему детективы, стояли за стеклянной дверью. Вид у них был такой, как будто они сломают к чертям эту дверь, если им это потребуется. Поэтому Лора быстро открыла им её.

— Меня зовут детектив Канингеми, а это детектив Самуэльсон. В офисе кто —нибудь еще есть? — сказал первый детектив с бруклинским акцентом, который звучал так, будто у него во рту была жвачка. Полицейские в форме, быстро пронеслись мимо девушки, бесцеремонно оттолкнув её.

— Я и Джереми Сент — Джеймс, — ответила Лора. — Больше быть никого не должно.

— Сегодня воскресенье. Почему здесь вообще кто — то есть? — спросил один из детективов.

— В следующую пятницу показ, — ответила Лора приглушенным голосом.

— У Великого поста четыре пятницы, но я не собираюсь посещать мессы каждый понедельник, — изрек из себя детектив Канингеми.

— Будешь, если потребуется восстанавливать церковь каждую среду, — ответил Самуэльсон, продолжая осматриваться по сторонам.

Детектив Канингеми ухмыльнулся.

— Проходите, — сказал он, как будто это был его кабинет, и это она к нему пришла. Было ощущение, что они ведут себя так, как их учили в академии.

Джереми стоял спиной, разговаривая с Самуэльсоном, жестикулируя с присущим ему изяществом и подчеркивая тот факт, что он был высоким, стройным и гибким. Когда он повел детектива прямо по коридору, у нее в голове крутились такие мысли, что лучше бы о них никто не узнал.

Когда голоса мужчин исчезли, Канингеми усадила Лору на кожаный диван в приемной, и попросил рассказать, что случилось этим утром в мельчайших подробностях. Она рассказала, что шесть или семь дней в неделю, особенно перед показом, она приходит в офис в 7:30 и уходит, когда закончит работу. В неделю у неё получалось от пятидесяти до семидесяти часов, в зависимости от времени года.

— И сколько вам за это платят? — спросил он.

— Меньше чем вам, но зато никто в меня не стреляет, — ответила Лора.

Детектив ухмыльнулся.

— Так вы дизайнер? Или что — то типа того?

— Я модельер, — уточнила Лора.

— Рисуете цветочки — бабочки на ткани? — продолжил Канингеми.

Её всегда поражало, что люди носят одежду каждый день, но никто не задумывается, как она делается.

— Ваша мама когда —нибудь шила что —нибудь для вас? — задала Лора вопрос Канингеми.

— Да, пасхальный костюм, когда мне было семь. Светло — синий, он был отвратительный, на мой взгляд.

— Прежде чем она сшила его, ей пришлось вырезать детали из ткани, верно? — не дождавшись ответа, Лора продолжила, — Она положила кальку на отрез ткани, сколола их и вырезала. И форма выкройки перенеслась на форму изделия, не так ли? — Лора посмотрела на детектива.

— Вы делаете формы, — сказал он.

— Верно. Я делаю лекала для того, чтобы одежда сидела. Если лекала будут неверны, то

одежда будет сидеть отвратительно. — закончила пояснения Лора.

Он смотрел на нее секунду, как бы говоря: «И это работа?», а затем вернулся к делу.

— Расскажите мне, что вы увидели сегодня утром, когда вошли в кабинет, — спросил Канингеми.

— Хорошо. В первую очередь, я ввела свой код и...

— У вас есть собственный код? — удивился Канингеми.

— У всех есть.

Лора попыталась подсмотреть, что он нацарапал в своем маленьком черном блокноте.

— Свет был включен, поэтому я решила, что Джереми уже пришел, ведь Рене всегда его отключает, когда уходит из офиса.

— Вы заметили еще что —нибудь необычное?

— В корзине была темная салфетка из Has Bean, где Джереми пьет кофе.

— После этого вы подошли к своему столу, — уточнил Канингеми.

— Да, а потом направилась в его кабинет.

— Зачем?

— Чтобы поблагодарить его за кофе. — она чуть было не сказала «тупица», но во время себя остановила.

— Там лежала Грейси. Джереми тоже стоял там, очень напуганный, — продолжила Лора.

— Можете описать, как он выглядел, — спросил детектив.

— Он стоял там, как... — она встала и попыталась повторить позу Джереми.

Канингеми посмотрела на нее сверху вниз.

— Его руки были выставлены перед собой?

— Да.

— А кулаки были сжаты?

— Да, вот так. — она резким движением выставила кулаки и согнула локти, точно так же, как Джереми, словно управляя самолетом.

— В них что —нибудь было? — спросил Канингеми.

— Да, черно — белый пробник, — пояснила Лора.

Из пустого взгляда Канингеми стало понятно, что, что такое пробник он не знает, поэтому Лоре пришлось объяснять:

— Продавцы тканей, такие как Terry Distorni, которые являются нашим главным поставщиком, хотят, чтобы мы использовали их ткани в своих коллекциях. Для этого они посылают нам маленькие образцы того, что у них есть. Они называются пробники или отрезки, в зависимости от размера. Мы получаем таких отрезков около сотни в сезон. Нам решать, какие ткани будут использоваться для сезонной коллекции, но по этому отрезку они могут спрятать ткань уже в промышленных масштабах.

— И у Джереми был один из таких отрезков, когда вы его видели? — спросил Канингеми Лору.

— Да. Он сказал, что снял с его с трупа, чтобы узнать, жива ли она, — пояснила детективу Лора.

— И?

— И я тоже проверяла ее пульс. Имею в виду, приложила пальцы к шее, но она была уже холодной. И пульса не было. Тогда я и позвонила вам.

Канингеми откинулся на спинку стула и перелистнул блокнот, закинув ногу на ногу. На

нем были носки в «ромбики». На левом носке растянулась резинка, и он был слегка приспущен.

— Вам не следует так хранить носки, — сказала Лора, указывая на растянутую резинку.

— Вы, сворачиваете носки, вкладывая один вовнутрь другой, прежде чем положить в ящик, и поэтому резинка на одном из них всегда растягивается, или они оба растягиваются.

— Моя девушка хорошо складывает белье. — он холодно улыбнулся.

— Вы знали жертву? Может быть, успели выяснить, как она устроила свой ящик для нижнего белья? — на этот раз он улыбнулся по — настоящему.

«Хочешь пошутить? Ок».

— Грейси Померанц была финансовым поручителем Джереми, — пояснила Лора.

— Она обычно рано приходила на работу? — спросил Канингеми.

— Она появлялась за несколько недель до шоу, но нет, не так рано, и она никогда не была в мастерской. Она проводила все свое время в выставочном зале и своем кабинете на другой стороне офиса, — ответила Лора.

— Когда вы видели ее в последний раз?

— Около пятнадцати минут назад. — Лора слабо улыбнулась. — Ладно, шучу. Прошлым вечером мы все были здесь до семи часов. Она пришла примерно... ну не знаю, около десяти утра и работала с Джереми в офисе. Я понятия не имею, о чем они говорили.

— В какое время она ушла?

— Возможно около два часа, но я была очень занята. Возможно, это было позже. Она заявила, что — то стервозное и ушла. Но для неё это в порядке вещей.

Он кивнул ей, призывая рассказать подробнее. Судя по всему тоже один из академических приёмчиков.

— Я работал над тем платьем. Оно висело на манекене. Грейси подошла и сказала: «Это похоже на картофельный мешок, Лора. Если вы не собираетесь делать работу правильно, мы можем найти другого ребенка прямо из школы, чтобы сделать это». — Сказала она так, потому что Джереми нанял меня прямо из Парсонса, и ей это не нравилось. Чтобы лишний раз не злить её, я спросила: «Что ты имеешь в виду? Что талия слишком большая? Или длина неправильная? Сделай, как бы ты предложила». Она схватила мои булавки и начала втыкать их куда попало, думая, что она делает это правильно, но вместо этого она сделала еще хуже. Поэтому я просто позволила ей закончить, и когда она закончила, я сказал: «О, хорошо, я так и поступлю». Она положила булавки и ушла. Все это было странно, знаете, она могла сделать лучше, потому что она всегда шила лекалам Баттеррика.

— Она с кем —нибудь еще разговаривала после этого?

Лора еще раз прокрутила в голове момент как Грейси отходит от нее. Она была одета в лавандовый костюм, похожий на костюм пластического хирурга и туфлями на шпильке в тон, которые, несомненно, требуют реальной операции.

— Она сказала что — то Джереми, но я не расслышала. И он крикнул её в след: «Не смей уходить». Но больше ничего. Хотя, они все время кричали друг на друга.

— Ты очень откровенна, — сказал Канингеми. — Мне это нравится в свидетеле.

— Спасибо. Но только не называйте меня после этого Френком. — скокетничала Лора.

Он кивнул, поняв шутку, хотя это было совсем не весело. Канингеми закрыл свой маленький блокнот и пообещал связаться, если возникнут еще вопросы. Когда она вернулась к своему столу, то увидела, что то, что раньше было офисом Джереми, теперь стало местом

преступления. Повсюду были вспышки камер. Невыносимо жужжали рации. Какие — то люди кричали приказы. А женщина в синей форме скидывала бумаги Лауры в пластиковый пакет.

— Они нужны мне, — воскликнула она.

Канингеми обернулся.

— У вас есть только одна пара ножниц? — спросил он.

— У меня есть тканевые ножницы. Но если бы я разрезал ими бумагу, то они бы быстро затупились.

Он посмотрел на нее, как будто она сошла с ума. Она попыталась вспомнить, что он не портной. Он жил, как и все остальные. Ножницы были для него таким инструментом, который он купил в Target, когда ездил туда за покупками, о которых уже и не вспомнит, а затем сразу потерял и нашел их в ящике через год. Для нее же они были продолжением самой себя. Она хотела спросить его, будет ли он пользоваться оружием, которое нашел в задней части ящика, но ей нужны были эти ножницы, и она не хотел рисковать снова неудачно пошутив.

— Мы на месте происшествия, — напомнил он. — И эти ножницы могут быть уликой.

— Пожалуйста, войдите в моё положение. Я не могу работать без них.

— Что они здесь делали?

— Я их сушила. На них пролили кофе.

— Когда вы пролили кофе? — он сделал заметку.

— Оно уже было разлито. Она показала на свой рабочий стол.

Когда Лора увидела, что Канингеми сделал еще одну заметку в блокноте, она поняла, что, только что открыла мир неприятностей.

Полиция забрала Джереми в участок для допроса. Поэтому у Лоры не получилось попрощаться с ними или получить более подробные инструкции для дальнейшей работы.

Более того, она даже не знала, чем это все может закончиться. Приравнивается ли посещение участка для допроса к аресту? Были ли ему выдвинуты какие — нибудь обвинения? Она была очень далека от таких криминальных тонкостей. Все её знания по данному вопросу заключались, в лучшем случае, просмотром криминальной хроники и заголовками газет, которые она могла вскользь прочитать по дороге на работу. Это жутко расстраивало.

Тело убрали в большой черный пакет. Полицейские сделали еще пару телефонных звонков и собрали все нужные им улики. Даже сфотографировали пятно от кофе на столе Лоры с четырех сторон. А затем просто огородили место преступления желтой лентой и ушли, за исключением детективов, которые остались ждать остальных сотрудников.

Ближе к десяти начали приходить остальные работники. Лора понимала, что не сможет продолжить работу, до тех пор, пока все это не прояснится, и что показ в следующую пятницу нормально точно не пройдет. Со всеми срочно нужно было провести совещание и вкратце объяснить, что случилось.

Первым, кто приехал, была Кармелла. Ее алиби подтвердили спертый запах сигарет, алкоголя и пота. И все это в воскресенье утром, поэтому полицейские отпустили ее на её рабочее место и позволили приступить к работе. Лора вспомнила, что вчера вечером пересеклась с ней на вечеринке в лофте, в паре кварталов от работы. У Кармеллы была какая — то ссора с парнем, которого Лора никогда не видела раньше, и в шуме и суматохе толпы, пришедших на вечеринку гостей, она потеряла Кармеллу из виду. Лора и ушла, домой пораньше не дожидаясь окончания вечера.

Джереми рассказывал Лауре, что он нанял Кармеллу в качестве старшего дизайнера из мертвого подразделения в офисах LVMH в Милане. Говорил, что весь ее талант был заключен в её носе, что было комплиментом, поскольку он выступал на столько, что требовал собственного почтового индекса. Нос был её изюминкой, подчеркивающая её и без того прекрасную внешность. Она была метр семьдесят ростом, с шестым размером одежды, безупречной кожей, миленькой стрижкой «под мальчика», прямыми зубами, длинной шеей и так далее и тому подобное. Да Лора бы отдала все за тот нос.

— Что случилось прошлой ночью? — спросила Лора. — Кто был тот парень?

Кармелла отмахнулась, ее и без того красные глаза опухли.

— Одна подопытная морская свинка, которая почти врезалась в меня, когда я проезжала по Восьмой, — сказала она, вероятно драматизируя. — Я назвал его *testa di cazzo*, но я же не знал, что он знает итальянский. Он преследовал меня три квартала, чтобы сообщить мне, что он меня понял, а затем попросил номер.

Она вытащила из своей сумки бутылек с глазными каплями.

— Значит, ведьма мертва?

Лора кивнула, пытаясь понять, как ей разрезать плечевой шов без ножниц.

— Они отвели Джереми на допрос. Он вернется.

— Мне они сказали, что они арестовали его. — сказала Кармелла закапывая глаза.

У Лоры появилось дыхание.

— Но это же смешно. Зачем ему убивать своего поручителя? Это все равно что убить курицу, несущую золотые яйца.

Кармелла подошла к столу Лауры, по — видимому, отказавшись от идеи сделать хоть что-нибудь сегодня. Она не страдала трудоголизмом, поэтому то Джереми и взбеленился из-за той рубашки. Если бы Кармелла успела выполнить свою работу вовремя, то Лоре не пришлось бы тащиться в воскресенье на работы. Она могла, как все люди сидеть дома и смотреть воскресные программы по телевизору и мечтать о своем о женском. От этих мыслей ее оторвал вопрос Кармеллы.

— Ты когда — нибудь видели их контракт? — спросила Кармелла.

— Зачем мне их контракт? — спросила Лора.

— Ну, все знают, что это самое сложное в бизнесе. Этот контракт практически лишил его какого — либо способа самостоятельно зарабатывать деньги. Ну... и ты же знаешь, как наш Сент — Джеймс зарабатывает деньги.

— Это бессмысленно — возразила Лора.

Кармелла закатила глаза. Поскольку Лора редко контактировала лично с Джереми, она не участвовала в служебных сплетнях и не сплетничала. Если бы она хотела что — нибудь узнать, то отправилась напрямую к источнику. На второй день её карьеры в компании Джереми так и сказал: «Мой модельер — это мое дело. Если ты не глаза и уши швейной мастерской, я буду слеп». Она полагала, что такой подход самый оптимальный в отношениях модельеров и основателей компаний.

— Милая, да эта дамочка связала его по рукам и ногам, — сказала Кармелла, вытаскивая пачку Gitanes. Лора почувствовала, как у неё в гнев сжимаются пальцы в кулак. — Он не мог даже начать новую линию со своим именем. Не мог принимать заказы без её подписи. Продукцию можно было продавать только в определенные магазины. И то, она всегда брала это все на себя. И это был контракт на двадцать лет, который эта стерва могла продлить в любое время, и он ничего не мог сделать.

— Он никогда не согласился бы на это, — возразила Лора.

— Ему было девятнадцать. Что ему было делать? — невозмутимым голосом ответила Кармелла.

Мысль о том, что кто — то использовал Джереми, потрясла Лору. Он был высокомерным, острым на язык, когда ему это было нужно, что и случилось в большинстве случаев.

Подобная практика делового общения была чем — то вроде религии для него.

Кармелла посмотрела на кабинет Джереми. В нем тоже был выход на балкон, он же и комната для курения, но дверь была запечатана полицией.

— Убить её? Тебе не кажется, что это слишком? — спросила Лора.

— Я же не говорю, что он её и убил. Дорогая, пожалуйста. Я только предполагаю, что у него была на то причина. Слушай, я пойду подымлю. Ты будешь?

— Нет, спасибо. Ты же вернешься?

Кармелла пожала плечами и набрала что — то в своем мобильном телефоне.

— Я должна кое — что доделать. А потом пойду домой отсыпаться. Вчерашняя вечеринка еще не закончилась. Если я вернусь на неё, на все еще будет идти. Клянусь.

Она многозначно покрутила бедрами и надела пальто, прижимая свой мобильник к уху. Скорее всего, она вернется на вечеринку, — подумала Лора.

Лора снова осталась одна. Только в приемной по — прежнему маячили два детектива, а ножницы никак не хотели разрезать плечевой шов, твидового платья — жакета со стразами и овальным вырезом, предназначенного для ношения с прозрачным кружевным камзолом. Платье было слишком длинным и Лоре пришлось укоротить его, сделав складку на кальке под мышкой, а затем открыть плечо и отрегулировать все остальное, чтобы ткань по — прежнему сидела ровно. Это была модель 101, для тех, кто не боялся привлечь внимание.

Не выдержав мучений со своими ножницами для бумаги, она позаимствовала ножницы с стола Тиффани, как раз в тот момент, когда и вошла помощник дизайнера.

— Разве на них есть мое имя? — спросила Тиффани. И хотя, будучи на несколько лет младше Лоры и находясь на посту помощника дизайнера, что на три ступени ниже должности модельера в офисной иерархии, Тиффани имела все шансы в будущем стать начальником, поскольку была дизайнером.

На объяснения Лоры Тиффани ничего не ответила кроме среднезападной улыбки, выражающей в целом положительные чувства. Она выудила пятничный выпуск Women's Wear Daily из — под груды одежды на столе Кармеллы и уселась в свое кресло.

Затем начали подтягиваться работники отдела продаж, чтобы подогнать какие — то свои документы. Сначала появился Андре, руководитель отдела, прилизанный гетеросексуал из какого — то захолустья в Бельгии. В большинстве своем он ходил важный, как павлин, и издевался над своим персоналом. А еще он был женат на биржевом маклере по имени Инга, которая, естественно, была покорной и тихой, за исключением работы, по-видимому, потому что ее бонусные проверки были предметом публичной записи. Если кто — то действительно хотел его разозлить, все, что им нужно было сделать, это назвать ее имя и номер, опубликованный рядом с ним в Wall Street Journal.

В отличие от Тиффани, которая всегда смотрела на все удивленным взглядом, он бурно отреагировал на эту новость, переспросив несколько раз, мертва ли Грейси, прежде чем Канингеми пригласил его в приемную для допроса.

Хлюпая носом, Тиффани тихо говорила по телефону: «Нет, мама. Пожалуйста, не волнуйся, ладно?». Затем слезы. «Нет, я не вернусь домой. Я в порядке». Городок, откуда роддом была Тиффани, был настолько маленьким, что его и на карте — то было трудно найти. Поэтому она и отправилась в Нью — Йорк. И на родину, подумала Лора, она приедет разве что на Рождественские каникулы, даже если её тут резать будут.

Пришла Ева, занимающаяся поставкой ткани. Её нужно было отправить по факсу заказы на покупку.

— Если мой муж услышит об этом, он будет привозить и увозить меня с работы самолично. — высказала она, едва услышав новость.

К ней присоединились и другие. Люди обычно работали в выходные дни перед показом.

Это было обыденная необходимость. Приезжали покупатели со всего мира, и продавцам приходилось их как — то развлекать. Помимо этого, нужно было обработать еще кучу документов, заказать ткани. Плюс ко всему постоянно поступали обычные заказы. С этими делами управлялись или на выходных, или дома.

Зашел Андре, хотя мастерская и не была по пути в выставочный зал.

— Итак, — важно сказал он, — ты нашла ее. Как она выглядела?

— Мертвой. — без прикрас ответила Лора.

— Это понятно, но... — он растянул букву «о» и махнул раскрытой ладонью, как бы призывая Лору продолжить, но опустил руку, видя, что девушка не собирается ничего

рассказывать.

— Привет, Андре. Разве в здании нет камер? Зачем им расспрашивать нас, когда можно все посмотреть самим. — спросила Тиффани.

— Умничка моя, — сказал Андре и похлопал ее по голове, как учитель из детского сада. — Где Чилли? Почему здесь нет графического дизайнера? Он посмотрел на стол Чилли, где на компьютере крутилась заставка, а затем на Лору и Тиффани, как будто они были виноваты в отсутствии Чили. «Шоу через две недели, а я еще не видел ни одного буклета.

Так почему же этот стул пуст?». Перед каждым показом гостям выдавались буклеты, в которых были представлены фотографии всех нарядов, предназначенных для продажи.

Они всегда делались в последний момент, но Андре было просто жизненно необходимо показать свою важность.

— Ты хочешь, чтобы я позвонила ему? — спросила Тиффани.

— Где Джереми? — потребовал он.

— Я его в башне заперла, — огрызнулась Лора, а Тиффани с трудом сдержала улыбку.

Андре не обратил внимание. Он неплохо провел прошлую ночь, судя по мешкам под его глазами, и Лора с трудом сдержала желание съехидничать на этот счет. Ей пришлось напомнить себе, что несмотря на то, что Андре был хамом и полным кретином, он был очень близок с Джереми. И хотя Джереми никогда не утверждал, что они любовники, он в тоже время и никогда не опровергал этого факта. Собственно Лора никогда и не спрашивала у него об этом.

Не узнав ничего для себя нового, Андре вышел из мастерской, неторопливой походкой, держа одну руку в кармане и поглядывая в мониторы коллег. Он постоянно следил, не сидит ли кто — нибудь на Facebook. Это была его самая отвратительная привычка.

Джереми было наплевать, где ты, до тех пор, пока ты хорошо выполняешь свою работу.

До того как устроиться в компании Сент — Джеймс, Андре работал в клиринговой палате для розничных продавцов, таких как Centennial и Mitzi's. Вот уж где — где, а там он мог разгуляется на славу.

Всех, кто заходил Тиффани заваливала разговорами и собственными предположениями о том, что им делать на месте преступления, об ужасной системе безопасности в офисе и на менее острые темы. К концу дня каждая женщина в офисе знала, где можно взять баллончик с перцовым аэрозолем, и даже было несколько человек, успевших выучить пару приемов самообороны.

Но ничего полезного сделано не было и Лора уже успела отчаяться. Ведь завтра Джереми вернется на работу, а подготовка к показу и с места не сдвинулась. Когда она закончила жакет, вокруг стола Тиффани уже собралась толпа. Звучали разговоры о ленивом ночном стороже, обычном бездомном парне, который утром открывал дверь для работников, о ценных вещах, оставленных в офисе, и о жутком чувстве, которое, как каждый утверждал, появлялось когда они проходили рядом с кабинетом директора.

Никто не проронил и доброго слова о Грейси Померанц, кроме обыденного «Я бы никому не желал такой смерти». Мало кто любил её. Никто не мог припомнить хотя бы чего — то хорошего о неё. Грейси была известным филантропом. Этаким экспертом по разрезанию ленточек на открытиях школьных площадок и дополнительных корпусах больниц. Как-то раз даже рассказывала душещипательную историю о том, как ездила вместе с мэром в бедные районы Корнелла отстаивать права «сырых и убогих», как она выражалась.

Эта поездка с мэром принесла её немалый успех и теперь она могла купаться в лучах слава.

Но сама она ни о ком не заботилась.

Никто из присутствующих не допускал и мысли, что это Джереми задушил её куском шермеза. Он был нахалом, нетерпеливым и абсурдным перфекционистом, но он не убийцей. Порешив на этом, все начали расходиться. Ведь босс завтра вернётся, и разумеется, надерет всем задницы за неизвестно на что потраченное время.

Когда в 11:30 прозвучали вечерние новости, все срочные дела были завершены, и офис вновь опустел.

Лора снова осталась одна в кабинете и начала задумываться о приобретении перцового баллончика. Стены давили на неё, но она боялась надеть наушники, потому что в них может не услышать, убийцу, подкрадывающегося сзади. Каждый шум увеличивался в десятки раз. Каждый шелест бумаги, каждый щелчок ножниц, каждый скрип карандаша.

Она накинула муслин на юбку Эмили, заколола ткань, обернула ее вокруг и приколола на талии. Ткань легла большими полукруглыми складками. Когда боковые швы были подогнаны, она отколола его. Скрип манекена эхом отдавался стенам пустого офиса.

Когда она выложила ткань на стол, чтобы перенести, щелчок карандаша стал последней каплей для расшатанных за день нервов Лоры. Макет был сделан полностью, а лекала еще могли подождать. Решив, что на сегодня она сделала достаточно, девушка принялась собираться домой.

Ожидая лифт, Лора размышляла о том, как убийца попал в здание. Офис Джереми Сент-Джеймс находился на четвертом этаже. Как раз на том этаже, где трудно определиться воспользоваться ли тебе лифтом или же потренировать свою задницу. Как правило, Лора выбирала второе. Возникал вопрос, а не сделал ли убийца то же самое. И как сама Грейси Померанц поднялся наверх? А главное, зачем?

Девушка посмотрела на коридор. Офис располагался в старом здании. Между этажами до сих пор были проложены медные и стеклянные почтовые трубки, а на покрашенных еще старой краской стенах висели бра. На другой стороне холла были стеклянные перегородки с именем Джереми, а сразу рядом с лифтом располагались деревянные массивные двери заднего выхода, выходящие на улицу.

Лифт остановился, и Лора вошла. Она находилась в одной из двух лифтовых кабин.

Вспоминая то, что Тиффани говорила о камерах, она поискала одну на потолке и наткнулась на стеклянную сферу замазанную маркером. Оставалась надежда, что эта камера полиции не понадобится для поиска убийцы.

В вестибюле не было ничего интересного, кроме мраморных полов с розой ветров в центре. Она понятия не имела, для чего она была здесь нужна, ведь все знали, что седьмая авеню уходит на юг. Чтобы узнать направление, вам просто нужно было выйти на улицу и посмотреть в какую сторону движутся машины.

На входе был турникет, а так же сидел швейцар, который не работал по воскресеньям.

Мониторы камер наблюдения работали круглосуточно. Лора быстро пробежала глазами по залу и нашла камеру. К счастью, она была в лучшем состоянии, чем в лифте.

Понадеявшись, что это поможет найти убийцу и отпустить Джереми до завтра, Лора покинула офис.

Уже у себя дома, воодушевленная, она включила стиральную машину и пообещала себе забыть все до начала цикла отжима.

Несмотря на то, что мать Лоры не отличалась хозяйственностью, Лора и ее сестра Руби проезжали в отчий дом еженедельно. Еда здесь была горячей и соленой, а иногда и подгорелой, но всегда той, какую хотелось. Вечно работающая стиралка с сушилкой Wiprool и старая оловянная коробка с игрушечной кухней Hello Kitty всегда навевали на девушек ностальгию.

Лора вспомнила о худшем стыде ее юности — шахте для белья, которую хозяин дома, Моше, не красил десятилетку. Мама отскребла старую краску, обновила внутренности шахты и приспособила её несанкционированную прачечную. Среди жильцов дома она получила название «Чудесная евро химчистка». И хоть стирка чужого белья и приносила дополнительный доход, она же могла и послужить причиной выселения. Дело было в том, что Моше, платил строго определенный тариф на воду, предназначенный только для бытовых нужд. Прачечная к бытовым нуждам, разумеется, не относилась. Повзрослев, Лора заподозрила, что шахта служила и как своеобразный лифт для неё и её сестры, чтобы подниматься в квартиру, не мешая матери флиртовать с другими постояльцами.

Руби только подтвердила это предположение в свой последний визит в «евро химчистку».

Все вновь вертелось вокруг мужчин. И хотя, сама Руби выглядела не привлекательнее сушёной воблы, вокруг нее всегда кто —нибудь да крутился. Лору это всегда поражало. С разницей в возрасте всего в девять месяцев, две сестры были похожи друг на друга как близнецы, но при этом диаметрально различны во взгляде на жизнь.

Например, сразу же после окончания школы Руби переехала в незаконную арендуемую квартиру в Сохо, которая требовала только небольшого косметического ремонта и внимательного прочтения договора аренды, составленный юристом по недвижимости в Парсиппани, штат Нью — Джерси. А Лора тем временем ютилась в лофт — студии на Lower East Side с двумя соседками и кроватью, висевшей над дверью. Руби конечно предложила свою вторую спальню сестре, как милостыню, но Лора отказалась, предложив сестре поцеловать свою плоскую задницу. И никто не смог бы описать того удовлетворения, когда Лора узнала, что спустя три года, арендодатель вышвырнул Руби как мусор, предварительно разорив её.

К тому времени Лора смирилась с этой несправедливостью, переехала из Манхэттена в более дешёвый Восточный Вильямсбург в Бруклине, и была в состоянии уже сама предложить Руби место. Но мама возразила, что Руби переговорила с хозяином дома на Салливан — стрит и договорилась о хорошей цене на аренду.

— Ну серьезно, Лора, — спросила мама, — что Руби сделала бы в Бруклине, Христа ради?

Встречалась бы с итальянцами да ела равиоли с моцареллой?

— А я, мам? Почему тебе все равно где буду жить я?

Мама только пожала плечами. Только спустя много лет Лора узнала, что есть естественный порядок вещей, и только те, кто это понимал, могут любить двух совершенно разных дочерей. Но тогда Лора и слышала об этом не хотела. Она была обижена и раздражена. Её новые соседи вовсе не выглядели как итальянские мафиози из начала 80-х. Это были ухоженные художники и художницы, у которых была, казалось бы, бесконечная

коллекция аксессуаров и знания о том, как их носить. Даже леди за прилавком на корейском рынке носила браслеты и серьги, которые не совпадали, но отлично сочетались. Равиоли с моцареллой, мать его.

Лора, коренная уроженка Манхэттена, продержалась на Бруклине целый год, прежде чем нашла дорогую квартиру в Восточном Бродвее. И пусть это стоило ей поездок на метро и лапши быстрого приготовления в виде основного источника питания, зато ей не приходилось каждый день добираться на работу на пароме.

Через месяц после переезда Лоры, Руби позвонила маме, чтобы пожаловаться на соседку сверху, чьи две маленькие рыжие собаки налили прямо на пол, от чего на потолке у Руби образовалось жёлтое пятно. На удачу, сосед Лоры сверху собрался переезжать в Уайт-Плейнс. Он не сказал Лоре, что его квартира будет сдаваться, с тарифами, контролируемые арендной платой, в несколько сотен долларов, наложенными на него, чтобы он мог оплачивать счета за коммунальные услуги в своем доме в Кейп — Коде. В этом случае, она бы сама переехала туда. Вместо этого он сказала Руби, которая теперь жила прямо над Лорой менее чем за половину арендной платы.

Сравнение двух сестер окружающими началось очень давно. С тех самых пор, как Руби бросила школу ради начинающего юриста по имени Самуэль и, после того как с ним рассталась, оказалась в Лорином классе в Парсонсе.

Тот последний год стал для Лоры настоящим адом. В то время Лора уже работала на полную ставку в Джереми Сент — Джеймс, а её сестра решила заняться музыкой, фонтанируя невообразимым идеями. В итоге они обе закончили с отличием. Вот только с отличии и от Руби, Лоре в это далось кровью и потом. Сравнения между ними были постоянными, за исключением того, что Руби была на пять сантиметров выше и на два размера меньше — в зависимости от времени года. И волосы у неё были лучше. И если справедливость существовала в мире, то Лоре хотелось бы знать, где она ходит.

Воскресный вечер не мог пройти без мамы и Руби, поэтому модельер ничуть не удивилась, когда взбалмошная сестра чуть не снесла её у двери.

— Как у тебя дела? — бросила она, врываясь как смерч в квартиру.

Руби скинула куртку, небрежно повесив её на вешалку у двери. Ее стильная и не слишком объемная сумка потянулась за ней в квартиру, а жизнерадостная улыбка осветила все в квартире как солнце и на экваторе.

— Твоя сестра слишком устала, — сказала мама, клюнув Руби в щеку. — так что ешь первой.

— Я не голодна, — ответила Руби, сунув нос в дымящуюся кастрюлю. — Ого! Джереми Сент — Джеймс убил своего поручителя.

— Он никого не убивал. — Лора старалась, чтобы он остался как можно более беспристрастным. Никто не должен знать, что произошло в офисе.

— Эй, ты собираешься завтра на работу? Она у вас уже есть? Мы в «Т&С» не изготавливаем лекала, но нам всегда нужны раскройщики.

Это был удар ниже пояса. После окончания Парсонс Руби устроилась в Tollridge & Cherry, огромную корпорацию с розничными магазинами, полноцветный журнал, которой постоянно появлялся в почтовых ящиках с теми же китайскими товарами, которые можно было найти в интернете. А работа Лоры модельером в Джереми Сент — Джеймс, навсегда, по словам Руби, закрыл перед ней мир дизайна.

— Он будет завтра, — сказала Лора. — В следующую пятницу показ, и я ничего не

слышала об отмене. Кстати, вам нужны билеты? Это был своеобразный ответный удар.

Естественно, у Т & С не было показов. Зимой они продавали лыжные шапки с бумбонами и полосатые свитера. Летом у них были одни и те же брюки хаки. Приглашение означало, что компании были совершенно разного уровня и скопировать что — либо у Сент — Джеймс Руби не могла.

— О, эти показы! — мама разложила густую белую массу по тарелкам. — Они доводят вас, девочки, до изнеможения! А толку — то? Это как свадьба: готовишься, готовишься, а она проходит и все.

— Кстати о свадьбе, — сказала Руби, хлопая в ладоши, — я принесла свой альбом с эскизами.

— Да, — пробормотала Лора. Она пыталась быть оптимистичной по поводу свадьбы Руби и платья, которые она выбрала, но по мере приближения даты чувство ужаса росло с арифметической прогрессией.

И дело не в том, что Лора не была счастлива за Руби. Все — таки ее зависть не была настолько сильной. Она могла завидовать лучшей квартире, работе, разнице роста в пять сантиметров, наконец. Но она не могла пережить то, что Руби пытается походить на рекламу для журнала Fortune.

Руби умяла две тарелки белой массы, которая оказалась соленым картофельным супом и начала перелистывать альбом, в котором были наклеены свадебные платья от Марты Стюарт. Карандашные интерпретации этих платьев Руби были на обратной странице. Так втроем они и проговорили весь вечер о фасонах и тканях, набивая животы крахмалом.

Когда раздался звонок в дверь, Руби опрометью кинулась встречать пришедшего. Это был Майк, её жених, которого она тот час же заключила в объятия. С не в меру накаченной спиной, обтянутой сине — голубым полусинтетическим свитером, он вальяжно прошел на кухню.

— Здравствуйте, мама. — он приобнял женщину, поцеловав у щеку. Лора ненавидела, когда он так делал. — Я поспрашивал у адвокатов на работе. Тот велосипед в коридоре.

Его там быть не должно. Это нарушение пожарной безопасности. Майк ненавидел барахло в коридоре, как и все, что олицетворяло небогатое детство своей невесты.

— За шесть лет он никому не помешал. — подметила Лора.

— Как ты это ешь? — глянув на девушку, он сел, расставив ноги. — Итак, на какую группу мы идем?

Сердце Лауры опустилось. Сегодня вечером в клубе выступали Super Douche, и, похоже, что Майкл собирался идти вместе с ними. Просто супер! Она так хотела забыть обо всем, что сегодня случилось. И вот.

Майк ненавидел все простое, в том числе и картофельный суп, поэтому Руби, смутившись, увела их в клуб, пообещав зайти в химчистку завтра.

Когда — то «Сфера» была складом, и иногда, если долго стоять в углу, можно было почувствовать запах полусгнивших ящиков, оставленных после закрытия. Но вонь одеколona Майкла не могло ничего перебить. И это жутко бесило Лору. Возможно, это была её личная нетерпимость. Она честно старалась полюбить его, но каждый раз оказывалась в другом углу комнаты.

Слава Богу, здесь был Стью. Он стоял на сцене, настраивая вместе с группой инструменты.

Она извинилась и стала пробираться сквозь толпу. Стью заметил её, подошёл, взял за

руку и потащил в задний коридор. Когда они познакомились, два года назад, Стью работал курьером. Тогда он доставил неправильный пакет. С тех пор она обнаружила, что у него много талантов. Он подрабатывал в «Сфере», был начинающим журналистом, писавшем для журналов о культуре и владел небольшим бизнесом.

Он остановился в коридоре возле туалета.

— С тобой все в порядке?

— Да, все хорошо.

— Что произошло?

— Слушай, не я его пригласила, и я не могу сказать, чтобы он ушел.

— Не притворяйся. Ты знаешь, что я говорю про убийство.

Его трудно провести. Его острый ум и доброе сердце убедили Лору рассказать ему все с самого начала. О своем утре, о мертвой женщине, о Джереми, опустив, правда то, как он двигался и потирал глаза кулаком по утрам, как трехлетний, — о полицейских, о слухах в офисе и перцовом баллончике, который она откапала в недрах своего стола.

— Не думаешь, что он это сделал? — спросил Стю.

— Нет!

— Как бы то ни было, Лора, хочешь, я завтра схожу с тобой? Помогу собрать вещи?

— Стю! Мы закрываем неделю моды! Лучший подиум! Джереми столько боролся за него с Зацем Позеном!

— Ты уверена, что он этого не делал?

Единственное в чем Джереми был виноват, так это в своей амбициозности.

— Боже, Стю, какой мейнстрим! — сказала она, вспомнив их общую шутку, используемую всякий раз, когда кто — то из них говорил или делал что — то «как все». Обычно она относилась к Лоре. Но на этот раз все было наоборот. Побродив немного по клубу, Лора так и не смогла отвлечься. Она хотела домой.

Стю предложил проводить её. От клуба дом был буквально в трёх кварталах, выступление задерживалось на пол часа, а свет уже был настроен.

— Мы все знаем, как ты относишься к своему боссу, — сказал Стю.

У нее внезапно закололо в груди.

— Что это значит?

— Ты думаешь, что он не может сделать ничего плохого. Возможно, ты и права. Может быть, когда дело доходит до бизнеса, в котором вы вертитесь, он принимает действительно хорошие решения. Но ты просто ослеплена им.

— Спасибо за откровенность, — сказала она, когда они повернули за угол.

— Ты можешь позлиться. Если хочешь.

— Я не собираюсь злиться на тебя.

Он лукаво посмотрел на нее.

— Ты честен. Спасибо, что открыл мне глаза.

Стю замедлился перед зданием. Рядом с почтовыми ящиками стоял человек в куртке.

— Кто тот парень?

— Детектив Канингеми.

У Стю зазвонил мобильник.

— Барт? — закричал он. — Я опоздаю. Сами справитесь? Я все запрограммировал Хорошо.

Увидимся позже. Он выключил телефон.

— Если нужно, возвращайся. — сказала Лора. — В конце концов, он полицейский. Думаю, я в безопасности.

— Если ты скажешь мне уйти, я уйду.

— Какое благородство.

Он остался. Все — таки, в предстоящем, не самом приятном, разговоре ей нужно было присутствие свидетеля. А никто лучше чем Стью не подходил на эту роль.

Квартиру Лоры можно было смело называть свинарником. Но у девушки не было ни сил, ни средств, чтобы нанять кого — нибудь для уборки, поэтому Лора просто пропустила мужчин внутрь и предложила пиво. Детектив от пива отказался, но попросил воды и присел на кресло. А Стью уселся на диване напротив него.

— Когда я узнал, что вы живете в моем районе, я решил, что могу прийти сегодня вечером вместо завтра.

— Все нормально.

— Надеюсь, я ничего не прерываю. — Канингеми многозначительно взглянул на Стью. Ей хотелось, чтобы он подумал, что прерывает сеанс эпической вакханалии, но это было слишком нереально.

— Все в порядке. Чем я могу вам помочь? — спросила Лора.

— Ваш менеджер по производству послал меня к вам, — сказал Канингеми. Йони не любила полицию. У нее была с ней связана какая — то неприятная история. — Она сказала, что вы сможете объяснить, что такое... — он посмотрел в свою записную книжку. — Т.О.Р.

— Т.О.Р. — поправила она. — Это означает «образец производства». То есть первый изготовленный образец с производственного конвейера, который в последствии является контрольным.

— Можете по подробнее объяснить?

— Это очень скучно.

— Все нормально. Я привык к скуке.

Она взглянула на Стью, который, похоже, не пожалел о своем решении подняться.

— Хорошо. Ну, сначала проходит процесс пошива, а затем отправляете Т.О.Р. на утверждение.

— И происходит процесс пошива?

— О боже, вы, наверное, шутите? — Но выражение лица детектива говорило об обратном.

Наверное, где — то существует способ рассказать все эту ежегодную процедуру по — короче.

— Хорошо, скажем, это куртка. Сначала делается эскиз. Затем мы конструируем выкройку. Пошив. Создание подробной инструкции, поскольку даже то, как пришита пуговица, является авторским правом. Таким образом, мы получаем одну, идеально сшитую куртку в мастерской.

— Это в здании на 37-ой?

— Да, за большими дверями с шикарным полом в коридоре. После мы берём изготовленную вещь, расписываем подробную инструкцию по пошиву на специальном листе.

— Вы этим занимаетесь?

— Иногда, если я модельер. У нас есть еще один модельер, занимающийся изделиями из трикотажа.

— А вы чем именно занимаетесь?

— Блузы, вещи с драпировками. Вам налить ещё воды? — обратилась Лора к Канингеми. — А ты, Стью? Будешь ещё пиво?

— Знаете мисс Карнеги, вы очень интересно рассказываете.

— Спасибо. Итак, этот контрольный образец и лист с инструкцией идут на фабрику, который в нашем случае — швейный цех родителей Джереми на углу 40-й и 11-й. Но у большинства производителей фабрики сосредоточены в Китае, поэтому они отправляют их туда. Как работает за границей рассказать не могу. — заметив что китайское производство Канингеми не интересуется, Лора продолжила: — Менеджер цеха настраивает швейную линию согласно полученной инструкции. Так, например, если куртка с подкладкой, нужно подобрать мастеров для раскроя подкладки, для ее пошива, работы с основной тканью и фурнитурой. Это огромная работа. Менеджеру нужно знать каждого работника на линии производства каждой вещи. Кто пришивает рукав, кто пуговицы. Вам не интересно?

— Нет, что вы. Я просто задумался.

В принципе, даже если бы он уснул, ей было бы все равно.

— Таким образом, производят контрольный образец в единственном экземпляре и отправляют ее обратно, Йони, на одобрение. Проверяется правильность сборки, выверенность швов и так далее. Стью, меня понесло?

— Ага. — согласился Стью. — А я привожу этого всадника апокалипсиса.

— Да, это образец Pre — Production. Как только он будет одобрено, начнется пошив всей линии. Первый образец и называется Т.О.Р.

Канингеми повернулся к Стю.

— А вчера вы что — нибудь привозили с 40-ой в улицы в офис Сент — Джеймс?

— На заводе иногда пользуются услугами службы «Уэст — Сайд», — ответил Стю, не испытывая ни малейшего презрения. — Большая корпоративная компания из Кетчума.

Канингеми записал это и повернулся к Лоре.

— А если что — то не так с образцом?

Лора кивнула.

— В принципе ничего страшного не случится. Все принадлежит Сент — Джеймс.

— А если Т.О.Р. не попадает в ваш офис? Что тогда?

— Они прекратят пользоваться услугами «Уэст — Сайд», — бросил Стью. Лора шлепнула его по ноге. Она была рада, что он был здесь.

— Ну, — сказала она, — поскольку линия уже настроена, то ошибку на линии найдут и исправят. В противном случае, Йони отправится и на 40-ю и сама проверит линию.

— Почему не сам Сент — Джеймс?

— Он не ездит на фабрику. У него аллергия на кожу.

Канингеми закрыл блокнот.

— Простите, что задержал вас так поздно.

— Все в порядке, — сказала Лора, хотя она довольно устала. — Джереми завтра вернется?

Он нам, правда, очень нужен.

— Нет, — ответил детектив, стоя на пороге. — Завтра точно нет.

Лора расстроилась. Колесо правосудия двигалось медленно. Через некоторое время ушел и Стью. Всё — таки не стоило его бить. Лора осталась в квартире одна.

Вернулись Руби и Майкл. Из квартиры сначала доносился смех, а затем тихий скрип кровати. Лора перебралась на диван в гостиную с одеялом и подушкой. Оттуда она не слышала Руби и ее Мистера Одеколону.

Грэйси Померанц жила. Любила, мечтала. А потом умерла. Она вспомнила свой первый

взгляд на тело, с его бескровной ногой, затем на лицо — опухший язык, черно — синие синяки на шее и птичье гнездо волос. На растекшуюся и размазанную губную помаду, как у Джокер. Лора вспомнила, как выпучились глаза покойницы, но девушка не могла вспомнить цвет ее глаз. Какие они были? Карие? Синие? Зелёные? Или по настроению?

Сколько убитых тел она видела до сих пор? Неужели она забыла цвет глаз Грейси?

Она погрузилась еще больше. Попыталась подумать о чем —нибудь приятном — о Джереми или о предстоящем отпуске. Но грусть была повсеместно, и она проиграла эту битву.

Ей вспомнилось, как Грейси потеряла шесть килограмм и потребовала, чтобы Лора переделала её вечернее платье в стиле Ноэль. Единственное в своём роде платье, которое Джереми придумал специально для неё. Ей это было нужно сделать обязательно к выходным, и Лоре пришлось три дня подряд ночевать на работе. А Грейси надела платье от де ла Рента. И даже не сказала спасибо. Зато сказал Джереми. Да так сказал, что до сих пор, вспоминая, начинаешь светиться от счастья и горы готова свернуть ради него.

Лора заснула с мыслью, что должна во что бы то не стало найти убийцу Померанц. И вызвать Джереми Сент — Джеймса из тюрьмы.

Наутро, весть о том, что Грейси задушена отрезом в черно — белую полоску, была во всех новостях. Лора включила телевизор. Роберто Мозес расплылся в подробных объяснениях произошедшего. Лора мельком взглянула, на экран в голове прокрутилось, «Для чего известие о чьей — то смерти нужно помещать на первую страницу». Джоан Малруни смерть Грейси повеселила. А по лицу Чака Скантфилда вообще было трудно, что — либо сказать.

Все они неплохо сыграли удивление и шок, а потом наперебой стали восхвалять женщину, которую и знать — то особе не хотели. Комиссар полиции, используя сто слов, а то и меньше, сказал, что ведется следствие. Муж Грейси, Шелдон Померанц, пронырливый адвокат с именной табличкой на двери и репутацией шантажиста, присутствовал на вскрытии и клятвенно пообещал организовать для своей жены похороны века. Лора никогда не встречала его, но почему — то, скрипящий голос мистера Померанц, чем — то напоминающий голос ведущего из радио, установленного в его красном кабриолете Mercedes, был ей заранее противен.

Лоре сразу же захотелось переключить канал, когда начались разговоры о судебных процессах и присяжных, но появление адвоката Джереми остановило её. Она потеряла дар речи, услышав его имя, Тинто Бенито. Юрист подрабатывает помощником дизайнера?

Адвокат был огромен, с густой шевелюрой и бородой. Он яростно доказывал невиновность своего подзащитного, махал руками, отвлекая обвинение.

Она выключила телевизор и подумала о душе, но любопытство заставило её залезть в Интернет. Она проверила онлайн — новости и нашла больше информации, но ничего не помогло. Джереми настаивал, что он был накануне на фабрике, проверял линию, но его никто не видел. Муж Грейси рассказывал о том, как был шокирован, вернувшись, домой с ночной игры в покер. Он клялся и божился, в том, что из-под земли достанет преступника.

Лора выключила компьютер. Дела шли удручающе.

Стоит ли ехать на работу раньше, если Джереми там нет? Если нет самодельного кофе и пятнадцати лишних минут внимания с его стороны? Если она просто осталась одна?

Работа? Вчерашний день был щедр на драму, но сегодня, с распущенными волосами в пижаме, Лоре не хотелось никуда идти.

Она позвонила в офис Бенито. Было шесть утра, и она думала просто оставить сообщение, но кто — то взял, не поздоровавшись.

— Я не даю интервью. Она узнала голос Бенито. Должно быть, он был в приемной.

У нее было меньше секунды на вопрос.

— Я работаю на Джереми Сент — Джеймса, и мне нужно его увидеть. Речь идет о его бизнесе.

— Как вас зовут, юная леди?»

— Лора Карнеги. — привыкшая к неизбежному следующему вопросу, она добавила: — отношений нет.

— Что ж, мисс Карнеги — отношений — нет, можете ли вы рассказать мне, кем вы у него работаете, в чем проблема, и номер вашего телефона?

К такому разговору она была не готова, поэтому сначала решила сказать свой номер и должность, а затем судорожно придумать причину звонка.

— У нас есть большой заказ, и техники поменяли на швейной линии UFS-51 на UFN-72. Я бы хотела показать ему полученный образец.

— Если бы ты была не такой врушкой, то знала бы, что менять местами нетканый материал нельзя! — проревел он. Ну, это было первой, что пришло в голову. Кто ж знал, что толстый адвокат был профи в швейном деле?

— Послушайте, мы не знаем, вернется ли Джереми. До следующей пятницы нам нужно переделать еще кучу вещей. Я не знаю, отменить ли шоу. Я не знаю, у кого мне еще об этом спрашивать!

— Не думаю, что его это сейчас заботит.

— Тогда вы не знаете Джереми Сент — Джеймса.

Он замолчал. В телефонную трубку слышалось его тяжелое дыхание. Почему — то Лоре подумалось, что оно должно пахнуть черным кофе. — Ты знаешь, как добраться до Рикерса? — спросил он.

— Нет.

— Ок, разберешься. И позволь сразу предупредить, что это вероятнее все бесполезная поездка.

Мысль о Джереми в Бронксе была крайне сюрреалистической. Мысль о нем в Рикерсе была пугающей. Если Центральный парк был задним двором города, Рикерс был дом с привидениями в квартале, куда ваша матушка бы вас никогда не пустила.

Она проехала на метро от ветки L до F и вышла на мосту Королевы, где села в автобус, который как будто, увозил людей на край земли. Автобус ехал на окраину города по направлению Рикерса и чем ближе он приближался к Рикерсу тем чаще и чаще встречались знаки, выделенные жирным шрифтом, предупреждающие о незаконной перевозке огнестрельного оружия и взрывчатки. Автобус остановился не далеко от ворот Рикерса. Лора вышла и медленно пошла к пункту пропуска. Она вошла внутрь, контрольно — пропускного пункта, задаваясь вопросом, могут ли считаться острыми предметами шипы на ее куртке. У стойки она увидела Тинто Бенито. Он указал на нее, и Лоре на миг показалась, что вся затея со встречей с Джереми — это полная ерунда. Она была уверена, что уже менее чем через десять минут будет выпровожена, так и не увидев Джереми. Мысль об этом заставляла ее быть более решительной.

Она глубоко вздохнула и подошла к столу, с высоко поднятой головой и колотящимся сердцем.

— Это Лора Карнеги, — сказал Бенито мощному охраннику, который сразу изменился в лице. Бенито подмигнул ей, призывая оставить все на него. — Родственница. Я добавил ее в список на восемь часов.

— В каких вы отношениях с заключенным?

— Кузен. — вставил Тинто прежде, чем Лора открыла рот.

Повисла тяжелая пауза. Лора даже прикусила язык, чтобы никак не выдать обман.

Никаких «двоюродных сестер по маминой линии» и «сводных братьев дяди». Она не скажет ни слова, пока охранник не ответит.

— Никаких сотовых телефонов, — заявил охранник. — Никаких острых предметов, кредитных карт, огнестрельного оружия или зажигательных устройств. Никаких сумок и скоропортящихся продуктов. Шкафчики находятся в приемной. Пожалуйста, оставьте личные вещи в них.

— Хорошо. — Девушка показала ему водительские права, сдала отпечаток пальца,

подписала список правил, которые она никогда не запомнила бы, а затем отправилась в приемную. Она ожидала увидеть застывших преступников, просовывающих руки сквозь прутья решетки, ударяя жестяными чашками о клетку. Но зал ожидания выглядел как почтовое отделение в бедном районе. Было чисто, но битком забито громко говорящими детьми и скучающими взрослыми. Кто — то был одет празднично, кто — то обыденно. И никто здесь быть особо не хотел.

Тинто присел на сиденье рядом с ней.

— Им сказали, что кто — то должен приехать из офиса, и я был похож на героя, когда сказал, что вы уже в пути. Я ваш должник.

— Мне казалось, вы помощник Джереми, с телефонными звонками о каникулах и все такое.

— Нет. — Тинто откинулся назад и уткнулся в телефон. По — видимому, он не собирался распространяться о своей работе.

— Что у них есть на него? — спросила Лора и краем глаза попыталась заглянуть в телефон, но адвокат тут же его отвернул.

— Вы пытаетесь выразиться как коп? — заметил Бенито.

— На каких основаниях они задержали моего босса? Так лучше?с— переформулировала свой вопрос Лора.

Он улыбнулся и слегка покачал головой.

— Мне кажется, это просто видимость работы, — произнес он усмехнувшись.

— Вчера вечером ко мне пришел, детектив Канингеми, — продолжила, разговор Лора. Тинто закрыл телефон.

— Чего он хотел?

— Сначала вы расскажи мне, что у них есть на Джереми. — На миг ей показалось, что она перешла черту. Конечно, адвокат мог бы ничего не рассказывать.

Вместо этого он ответил:

— Они обнаружили волокна орудия убийства у него на руках, а так же он засветился на камерах входящим в офис в субботу вечером. Полиция предполагает, что он и Грейси не смогли, поделить бизнес. Отсюда и измельченная бумага на полу, — ответил Тинто усмехнувшись. — И, черт подери, у него нет алиби. А теперь расскажи, что понадобилось нашему маленькому выходцу из Флетбуша? Он явно не первый раз встречался с Канингеми.

Лора собиралась ответить, когда прозвучала сирена, оповещающая о начале приема.

Было восемь часов.

Это началось еще на их первой встрече, организованной Кармеллой, бывшей у Лоры наставницей в Парсоне. И хотя Кармелла мало что могла рассказать о дизайнерском таланте Лоры, увидев ее муслиновые платья сильно впечатлялась ее способностью воплощать трехмерные идеи в плоские формы. На следующей неделе она принесла ей огромную двойную чашку латте без пенки и тройным фундучным сиропом и нехилой порцией кофе, точным близнецом ее собственного, и целый вечер рассказывала невероятные истории о жизни в роли дочери отрекшейся итальянской графини в Милане. Ту же субботу Лора провела в чердачной студии Кармеллы в компании трех успешных людей, чьи имена она не запомнила. Вечер начался с рассказа Кармеллы о сыне игрока из Монако, который преследовал её до Флоренции с поцелуем на вершине колокольни, и заканчивался её прогулками топлес в обнимку со строителем на пляжах Шакке, который в итоге бросил её. После этого она подстриглась под мальчика и решила, что не будет их отращивать пока не

встретит истинную любовь. Это была вишенка на торте всего рассказа.

Лора не догадывалась, во что её втягивают, даже после того, как ей сказали, что Джереми ищет временного модельера. Это была не та должность, которую бы она хотела. Да и характером Джереми Сент — Джеймс слыл отвратным. Прежде чем она поняла, что происходит, у нее уже было назначено собеседование. Друзья хихикали и подбадривали, называя это счастливым случаем, а сестра не поленилась напомнить, что быть ей модельером, а не дизайнером всю жизнь.

В ту ночь она мне могла уснуть от беспокойства.

Собеседование заняло весь день. Джереми, ничего не говоря, положил перед ней бумагу для лекал, образцы тканей и эскиз. Он молча смотрел, как она делает разрезы на бумаге, складывая и обрезая лишние кусочки. Это жутко нервировало Лору. А подобное нервное напряжение она всегда ассоциировала с влюбленностью. Когда выкройка была готова, он углубил вытачку на шестнадцать миллиметров и приказал вырезать и сшить её, потому что модельер не умеющий вырезать и шить, гроша ломаного не стоит.

Пока Лора, стоя рядом с ним на колеях в его кабинете, под его чутким руководством сшивала рубашку, её окутывал непередаваемый аромат его тела, который стоял у нее в носу по проходу домой. Лоре вспомнилось, что так пахнет соленое море в жаркий день.

Джереми осторожно направлял ножницы, придерживая руку девушки, корректировал особенно трудные линии. Когда макет был полностью готов, он посмотрел его на свету, проверив швы, а поле протянул руку и сказал:

— Ты нанята. Твоя работа почти идеальна. Ты не умеешь шить, но ты знаешь, как это делается. Быстро учишься и принимаешь решения. Приходи в понедельник.

Развернувшись к ней своей идеальной прямой спиной, мужчина выбросил макет в корзину для бумаг и скрылся за стеклянной дверью мастерской.

Это была их первая встреча. Дальше стало только хуже.

От Джереми исходил одурманивающий аромат. Он похлопывал Лору по плечу, когда что —нибудь шло не так. Никогда не кричал на нее, и не усложнял ей жизнь, как в прочем, и другим дизайнерам, мерчандайзерам и т. д. Их были десятки, а вот хороший раскройщик был на вес золота. Конечно, иногда её посещал страх, что работа у Джереми полностью убьет в ней дизайнера, но когда он предложил ей работу на полную ставку, согласилась без колебаний. Просто потому, что знаменитый Джереми Сент — Джеймс стал для нее «Джереми», и она не могла представить себе работу без него.

Джереми был в паршивом настроении. Это чувствовалось даже через стекло переговорной. Не то, чтобы она винила его. Он был одет в смешные кроссовки без шнурков и зеленую тюремную робу. Он подошел к разделяющей их стеклянной перегородке, снял трубку телефона. Лора подняла трубку. Щелкнула снятая трубка телефона.

— Это абсурд, — сказал он, в динамик. — Какого черта я еще здесь? Мне тебя, что, задушить?

Бенито поднял трубку с боку кабины.

— Я бы посоветовал тебе заткнуться.

— Тинто, — сказал Джереми, тыча пальцем в стекло. — Ты вытащишь меня отсюда.

— Послезавтра, Джей Джей. Послушай меня, успокойся.

— Знаешь что? Самое лучшее, что когда — либо случалось со мной, это то, что кто — то грохнул её. Я в тюрьме, но я свободен.

Бенито постучал в окно, чтобы отвлечь Джереми.

— Разве я не предупредил тебя?

Лора подумала, что они так и будут обмусоливать смерть Грейси и решила поменять тему.

— Мне нужно знать, что делать на работе. — вмешаться в перепалку Лора.

Джереми по-прежнему смотрел на Бенито.

— Кто —нибудь из моей компании связывался с тобой? — обратился он к Бенито.

— Еще нет.

Джереми повернулся к Лоре.

— О чем я говорил! У меня есть лишь один компетентный человек в этом офисе.

Остальные лишь каждый день ищут повод свалить оттуда.

— Джереми, все испугались. Они не знают, что делать, будет ли показ, или они просто должны пойти домой.

— Пятнадцать минут! — раздался голос охранника из угла комнаты.

— Составь, список чего не хватает, — сказал он. Затем повернувшись к Бенито. — Вытащи меня, — сказал он тоном «за что я плачу тебе деньги».

Список, того, что еще было не готово к пятнице, был не такой уж и большой. Семьдесят процентов моделей были сделаны либо делались. Но это хорошие показатели для прошлой недели. Сегодня они должны быть значительно выше. Пока Лора царапала список огрызком карандаша, которым заполняла пропуск, Джереми рассказывал Тинто во что превратилась его жизнь.

— Твое алиби под большим вопросом. Никто не видел тебя на фабрике, а в здании нет камер.

— У нас двести платьев с рукавами, похожие на сугробы. Как думаешь, их кто —нибудь переделает? Волшебник?

— Твой главный менеджер говорит, что с ними все в порядке.

Джереми откинулся на спинку стула и поднял руки.

— Я оставил Т.О.Р. вчера вечером на рецепции. Где он?

Лора перестала писать и посмотрела на Джереми, вертя карандаш между пальцами.

Прежде чем она смогла спросить, должна ли она высказаться, Джереми грубо рывкнул. — Говори.

— Вчера вечером ко мне заходил детектив. Спрашивал о Т.О.Р. — Ах. Что это такое и кто ими занимается, — сказала Лора.

Бенито и Джереми в один голос спросили:

— И?

— Ну, я ему все рассказала. И он думает, что Т.О.Р. потерялся.

— Это было платье «Марди». Запиши, что Йони должна найти его. Сегодня же. Вчера оно было на рецепции. В отвратительном состоянии.

— Канингеми рассказывать об этом? — поинтересовалась Лора.

— Для этого у меня есть адвокат. Что он еще хотел?

Лора сглотнула.

— Он хотел знать, посещаете ли вы фабрику лично, для контроля работы. Повисла мертвая тишина, и Лора почувствовала, что их отношения с Джереми меняются. Она судорожно искала способ как бы по мягче сказать правду. — Я сказала ему, что вы обычно не ездите на завод.

Бенито заговорил:

— Что именно ты сказала?

— Что у него аллергия на кожу. Она боялась оторвать глаза от списка. Неожиданно обнаружилось, что она забыла фурнитуру для платья «Аманда». Сердце билось как у кролика.

— Две минуты! — закричал охранник.

Джереми постучал в окно, призывая вновь поднести трубку к уху.

— Покажи мне список, пожалуйста.

Она поднесла его к окну, и, пока он просматривал его, она заметила отекавшие красные глаза и сухость губ.

— Все, чего нет в тканевом виде, убираем, — сказал он. — Платье «Полинианна» убираем.

Завершите производственные заказы и выполните все из этого списка. Я хочу видеть фотографии изделий после каждой примерки. И больше не разговаривай с полицией без Тинто.

— Но ты же никогда не ходишь на фабрику. Ты ненавидишь её.

Он повесил трубку, не глядя на нее. Ей казалось, что он разорвал её линию жизни.

Из утренних разговоров Лора собрала по кусочкам историю Джереми.

По его словам, он родился на портняжном столе. Он не всегда был «знаменитым» или «великим». Он не родился в семье знаменитостей и не был богатым, счастливым или легендарным.

После школы, прежде чем послешкольные программы и страхование ответственности за травмы на рабочем месте для детей прекратили свое существование, Джереми отправился работать на фабрику своего отца на углу 40-ой и 11-ой. Сначала он нарисовал грузовики на обратной стороне пунктирной бумаги, а затем на эпические военные сцены, в то время как его отец играл на бирже, а его мать заботилась об оформлении документов и бухгалтерии. Устав от военных сражений, он начал следить за выбрасываемыми образцами. Закройщики нашли это занятным и вложили в его маленькие руки портняжные ножницы и атласные лоскуты. Даже наняли его на работу в понарошку.

Через многочисленные порезы, айканья и ойканья, через много раз перебинтованные пальцы, но выучил все азы кройки и шитья раньше, чем таблицу умножения. Так же как и его старший брат, который уже никогда не вернется с войны в персидском заливе.

Поэтому Джереми не боялся крови.

Он стал заниматься бизнесом, не задумываясь об этом. Он зарабатывал свои карманные деньги, сметая нитки с полов в течение двух часов после школы, а затем помогая, матери с гроссбухами. Ни чему специально не учась, он был на подхвате у закройщиков и швей.

Когда он прочно обосновался в швейном мире, модельеры стали платить ему за талант.

Завод на 40-ой улице изготавливал униформу для школ и индустрии общественного питания. Частные заказы приходили в небольших количествах и не требовали какого — то большого изменения в работе швейных линии. Когда Джереми научился, делать изящные вещи у него случилось, первое разочарование. Рабочие вокруг просто не могли соответствовать его способностям. «Мы делаем надрезы в этих местах, чтобы проще было сшивать рукав. Когда, образцы отправляются в Китай, мы просто снимаем их с производства. В любом случае, мы не знаем, что делать с ними дальше». Это стало пророчеством. В конце концов, эти разочарования стали его собственными, и он решил изменить старые шаблоны, сделав это своими руками в свободное время. Найдя в глубине склада хорошие ткани, пошил

по новым разработанным им лекалам изделия. Его мать привезла его изделия Бенделю, и они были распроданы раньше, чем он успел получить С с минусом по первому курсу алгебры.

Когда ему стукнуло девятнадцать, его родители переехали в Ванкувер. Вскоре он получил поддержку Грейси Померанц. Фабрика была его. Но почему же он так ненавидел ходить туда и всегда посылал Йони? Там что — то произошло? Или он просто ненавидел вспоминать часы с маятником?

Лора помнила платье «Марди». Из шелкового шифона. Без рукавов. У него была юбка-солнце с необработанным краем, тщательно обведенным вручную, затруднявшим борку.

Что могло быть не так с этим платьем, что Джереми сам поехал на фабрику? Он сказал, что оно было похоже на сугроб. Юбку солнце трудно подгонять, но прошлой весной, у них было платье «Маргарет» с точно такой же юбкой. И все было хорошо. Когда доставили Т.О. Р., он выглядел идеально и был одобрен.

Лора села в автобус, в голове мысленно постоянно всплывал их разговор и мысли металась между проблемой с платьем «Марди» и давней ненавистью Джереми к фабрике. Или это по её мнению она была давней. Что изменилось?

В отличие от полиции, она верила ему. Если он сказал, что он был на заводе, то он был там.

Может быть, если бы Лора смогла доказать это Канингеми, что у Джереми было бы алиби, и он тогда бы мог, вернулся на работу. Лора мысленно поставила перед собой задачу, решение которой еще предстояло найти.

Автобус из Рикерса скрылся из виду. Потирая озябшие пальцы, Лора побрела в сторону работы, обеспокоенная тем, что скажет коллегам о поездке в Бронкс. Она не была в особом авторитете в компании. И не была лидером коллектива. Да ее в прицепе не особо кто — то уважал, но она должна была собрать всех работников вместе.

Самым простым вариантом было рассказать все Кармелле и понадеется на ее длинный язык, который разнесет все по офису. Без каких — либо претензий на руководство. С другой стороны, слава Кармеллы как профессионального лжеца была общеизвестной. И если Лора хотела оправдать доверие Джереми, то должна подойти к каждому сотруднику и передать поручение босса лично.

Рене сидела за стойкой регистрации, в окружении телефонов, и с апломбом отвечала на звонки. В свои двадцать два она была перспективной, уравновешенной девушкой с точеной фигурой модели. Она была идеальна для подгонок нарядов.

— Нет, мы не отвечаем на какие — либо вопросы по этому делу, — сказала она в телефоне и помахала Лоре. — Вы можете связаться с его адвокатом, если вам нужна какая — либо информация. Она закатила глаза. — Нет, мэм, мы не отдаем одежду. Спасибо. — Она повесила трубку.

— Развлекаешься? — спросила Лора.

Рене пожала плечами.

— Люди всегда ищут «серебряную подкладку в чужой беде».

— Послушай, у тебя Т.О.Р., доставленный «Кетчумом» прошлой ночью? Или вчера днем?

— Как можно спокойнее спросила Лора.

Она проверила свой журнал.

— Никто не расписывался, — уточнила Рене.

— Могу я посмотреть в подсобке?

— Конечно.

Дверь в подсобку оказалась открытой. Лора обошла стойку регистрации и зашла за ширму, отделявшую остальную часть офиса от маленького закутка, в котором Рене хранила присланные образцы и пакеты. После регистрации посылки, адресату сразу же направлялось сообщение на почту. Поэтому больше чем на 24 часа здесь ничего не задерживалось.

Лора трижды проверила все полки. Платья «Марди» нет. Еще проверила. Ничего. Оно должно быть где — то здесь. Если Джереми видел его в ту ночь, возможно, платье приехало после рабочего дня и осталось без регистрации. И тот, кому оно было адресовано забрал его утром. Скорее всего, это была Йони, которая проверяла правильность покроя и размер, перед тем как отдать вещь модельеру. Лора отправилась обратно на рабочее место.

Кармелла догнала её, когда она вышла из туалета.

— У меня к тебе дело с этим платьем «Аманда», — сказала она без приветствия. У нас есть вязанные крючком детали. Знаешь кого —нибудь, можно из школы, кто мог бы за это взяться?

— Да, но она дорого берет.

— Позвони ей. — Кармелла плюхнула свою сумку на стол. — Мы потратим деньги мертвой женщины, — цинично заявила она.

Тони, другой конструктор или модельер, как требовала его называть его корсиканская кровь, как раз только что вернулся с обеда. Он надел свой белый пиджак, поправил прическу, проверил пенал с ножницами и сигригатор. Его щеки были розовыми от февральского воздуха и оставались такими, пока не закончился рабочий день, и он быстро поднимался, не уходил в шесть часов.

— Добрый день! — воскликнул он. — Я очень рад, что могу тебе сказать это сегодня.

Тони был чрезвычайно одаренным молодым человеком. Когда — то Джереми сказал Лоре, что если Тони переведут на работу по созданию вязаных и трикотажных изделий, то ей перепоручат его работу, конструирование самых сложных пиджаков и платьев.

— Я тоже рада тебя видеть. Лора положила свою сумку поверх кофейных пятен, которые еще не успела убрать. — Сегодня утром я видел Джереми.

Как муравьи, входящие на тротуар для падающего леденца, персонал конструкторской комнаты собрался вокруг Лоры. Кармелла вынырнула из сигаретного дыма. Тиффани оторвалась от рекламы. Тони обернулся и положил руки на стол, готовый к последнему оскорблению его мужественности и своей карьеры.

— Ладно, хорошо, — начала она, — Джереми в «Рикерсе».

Вздых. Шум.

— Во что они его там обрядили? — спросила Кармелла с искренней обеспокоенностью.

Лора покачала головой. Она не стала унижать босса рассказом о потертых кедах и зеленой униформе.

— Он передал мне список дел, которые нужно сделать до пятницы. Шоу будет. Но некоторые вещи мы уберем из показа. Еще мне нужно сфотографировать все модели и показать ему.

— Почему тебе? — спросила Тиффани.

— Потому что этим утром я рано встала и поехала в Бронкс. — Столкнувшись с этим вызовом, Лора продолжала без паузы: — На данный момент платье «Аманда» доделываем, но все детали с бисероплетением снимаем крупным планом, потому что он был ими недоволен. Все, на что не пришла еще ткань, убираем и не беспокоимся об этом.

Это касается и изделий из матовой джерси.

— Почему? Неприемлемо! — воскликнул Тони. — Они же великолепны. Это были изделия, которые курировал Тони, чем чрезвычайно гордился.

— Он сказал, что ты нужен для изделий из коллекции «Stone Rocker».

Джереми конечно не говорил ничего подобного, но всю ближайшую неделю она проведет мотаясь между швейным районом и островом Рикерс, поэтому хотела переложить часть работы на кого —нибудь. Правда, для этого нужно разрешение Джереми. «Stone Rocker» состоял из двух шерстяных курток, четырех футболок, пары брюк, плотных и настолько украшенных, что можно было скрыть любое количество огрехов, и двух юбок, которые мог бы сделать студент. Тони мог справиться с этим, и, судя по тишине, исходящей от корсиканца, он успокоился. Работники мастерской разошлись по своим местам, кроме Кармеллы.

— Что я вижу? — подмигнув, сказала она, голосом, скорее довольным, нежели завистливым. — Готова поспорить, что кто — то хочет здесь встать у руля.

— Я? Я просто хочу, чтобы все это закончилось. Не волнуйся, на твою работу я не претендую.

— И я тоже. — Кармелла слегка поддела Лору. — А джерси? Он, правда, сказал убрать

его с показа?

— Да, из — за задержки ткани. Лора вытерла следующее лекало.

Кармелла наклонилась над столом Лоры.

— Как он выглядел, наш святоша? Грустным? Или сумасшедшим?

— Ты и сама знаешь, как он.

— Как ты думаешь, он это сделал?

— Кармелла!

— Нет, правда. Подумай об этом. Эта компания — его жизнь. О чем он еще говорит?

Деньги и мода. Может быть, он выходит на странные выходные, но мы никогда не видим, чтобы он с кем —нибудь встречался. Он бежит в отпуск и возвращается без голоса.

Почему? Всякий раз, когда он уходил, он звонил каждый день или через день, и казалось, что он бежит с быками в Памплоне.

— Это не делает его убийцей.

— Нет. Но такое увлечение работой может сделать из тебя сумасшедшего, не так ли?

— Это сделает из тебя американца. Знаешь, мы не закрываем весь город на сиесту.

Кармелла ухмыльнулась и вышла в приемную. Затем стала спускаться вниз по лестнице, чтобы еще раз сделать свой любимый перекур.

Все думали, что убийство совершил Джереми, ну или, по крайней мере, допускали эту мысль. Лора вспомнила, что шла к Йони, чтобы найти Т.О.Р.

Офисы занимали весь этаж и располагались по кругу. В центре находились лифты и главный вход. Приемная и туалеты были прямо у лифта. Сразу рядом с приемной располагался кабинет Джереми, дизайнерская мастерская, кабинет Лоры и хранилище, к которому доступ был только у Джереми и Лоры.

Если идти прямо от стойки регистрации, то можно, минуя пафосный кабинет начальника и выставочные залы, вылизанные как чихуахуа, перед собачьей выставкой, попасть в маленькие, уютные помещения. Обойти весь «мир», чтобы добраться до комнаты с образцами и производственных площадей.

Йони сидела как раз в производственной части, между менеджерами по закупкам тканей и менеджерами, занимающимися оформлением отделок. Ее стол был обложен бумагой, образцами, макетами и кнопками, прикрепленными к карточкам. У неё хранились одобрения лейблов, ярлыков, нашивок. А также нескончаемая куча заказов на покупку, которая не падала на пол только благодаря движениям электронов между слоями пыли.

Но будь — то, какая —нибудь кнопка из 2009 или завтрашний заказ на поставку, Йони найдет вам его за три секунды.

Конечно, она была безупречной — израильтянка по происхождению, парижанка по миграции, уроженка верхнего Вестсайда по браку. Она ела что хотела, и никогда не полнела ни на грамм, за исключением семи с половиной килограммов во время беременности, которая, похоже, не повлияла на нее ни эмоционально, ни физически.

После родов она провела неделю дома и вышла сразу же полный рабочий день. Джереми назвал ее машиной, и однажды, даже спрятал её рабочий стол, чтобы отправить её в отпуск.

Когда Лора подошла к столу, женщина вешала телефона трубку.

— Привет, Йони, — сказала Лора. — У вас есть одобрение на «Тейт Поплин»?

— Да, — ответил Йони. Она провела пальцем по стопке неразличимых бумаг и, засунув свой палец в середину, вытащила кусок картона с прикрепленным к нему отрезом поплина.

И передала его Лоре, которой он был не так уж и нужен.

— Одобрение получено только для ткани, но не для цвета, — продолжал Йони, откидываясь назад в своем кресле. — Я слышал, ты видел его сегодня утром?

— Да. Я обычно встаю рано, поэтому съездила перед работой.

— Никогда не думала, что ты настолько амбициозна, — сказала она, понизив всю значимость поездки в Рикерс из «путешествия важного человека» на «жест манипуляции». В довершение приподняла идеальную бровь. В манере Йони, Лора враждебности не чувствовала, но тон ясно предупреждал, что отвечать на её вопросы она не намерена. Где бы она ни провела это утро.

— Вы меня знаете, — сказала Лора, сказав самое очевидное, но в то же время подразумевая обратное. — Он хотел узнать, забирали ли вы Т.О.Р. для платья «Марди»? Сказал, что видел его на рецепции.

— Конечно, да, — сказала она, вставая. Она подошла к своей стойке и щелкнула по ней.

— Вы же часто бываете на фабрике на 40-ой улице?

Йони кивнула, но ни чего более не ответила.

— Вам когда —нибудь помощь нужна? — спросила Лора. — Я имею в виду, что Джереми нет. Временно, конечно. Но кто знает, как долго его не будет. Я начала думать, что у вас проблемы?

— Вообще не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Джереми ездил на фабрику вместе с вами. И возможно, вам нужна помощь в управлении, на время, пока его нет?

На её идеально очерченных губах заиграла улыбка, когда она перебирала пальцами модели этого сезона. Лора подозревала, что она точно знает, где находится Т.О.Р.

«Марди», но остановилась, чтобы узнать, что скажет Лора.

— Я работала на непрерывно работающей фабрике в Тель — Авиве с пятнадцати лет. Это было около двадцати пяти лет назад. Напомни, сколько тебе сейчас?

— Двадцать четыре, — проскрипела Лора.

— И ты думаешь, что мне нужна твоя помощь?

— Я не спорю, что в офисе вам моя помощь не нужна. Но послушайте, сейчас вы без Джереми... — Лора провалилась. Она хотела получить ответ, но почувствовала, что разговор превратился в территориальные распри.

— Ты не будешь лезть в мой отдел, — сказал Йони, вытаскивая мягкое розовое платье без рукавов из стойки.

— Я и не пытаюсь.

— И ты не будешь крутить носом вокруг моей работы. Если Джереми нужно что — то узнать о его бизнесе, он позвонит мне. А не получит её от начинающего модельера, независимо от того, насколько он талантлив. Надеюсь, мы поняли друг друга? — слегка раздраженно ответила Йони.

— Я передам ему, чтобы он позвонил тебе, если ему что —нибудь понадобится. — Лора взяла платье и накинула его на руку. Лоре хотелось немедленно обратиться подальше от стола Йони.

— Хорошая девочка, — ответил Йони. Казалось, она не сильно поверила её словам.

— Вы можете поехать на 40-ую без него, — сказала Лора, отступая назад.

— Я так всегда и делаю, — ответил Йони, возвращаясь к своей работе.

Не лучший разговор с Йони давил на девушку всю дорогу до её рабочего места. Из

раздумий Лору вывел резкий голос Андре.

— Вы не можете ответить, не так ли?! Вы не знаете? Я хочу, чтобы ты рассказала мне почему? — Андре сидел за столом переговоров со своими тремя продавцами. — Мы почти продали их в «Federated». Что мне теперь делать? Отказать им?!

Тиффани стояла на другом конце стола, прижимая к себе папки и сжавшись как от удара.

— Но Джереми сказал...

— А я сказал не делать это. Тебе что — то не нравится? Это твоя работа! — от яростных вскриков у него даже очки запотели. Все наблюдающие уставились в свои папки, не желая перечить Андре, когда он возглавлял их отдел, и никто не знал, да какой необъяснимой степени он близок к Джереми. Лора не могла ни осудить их, ни понять.

Однако она была в состоянии спасти Тиффани от издевательств.

Андре увидел Лорув проходе.

— А вот и наш маленький адвокат. Он повернулся лицом к ней. — Коллекция из джерси.

— У нас нет на её ткани. — Ответила девушка.

— Неправильно! — Он наклонился, так, будто хотел нанести решающий удар. Вонзив рукоятку ножа в истекающую кровью жертву. — У нас на фабрике четыре рулона черного цвета.

— Они с повреждениями. — Она понятия не имела, как она заняла оборонительную позицию, но каждая клеточка тела вопила ей бежать. — В каждом из них есть брак.

Он опешил. По — видимому, не знал, что брак был недостатком трикотажных тканей, который выглядел как неравномерные полосы, и Лора с удовольствием насладились этим на секунду.

— Нет. Кроме того, эти пресловутые «Federated». Шикарно. Если вы не можете получить ткань с завода, то я это сделаю для вас.

— Они подписали заказы на покупку? Или просто пожали руку? — спросила Лора.

Пауза.

— Конечно, подписали. — Он поднял ладони и посмотрел на всех как на полных идиотов.

— Принесите мне бумагу, и я покажу Джереми, когда увижу его. Я уверен, все будет хорошо. В худшем случае мы продадим, изделия не выставляя, их на показе.

— Ты рассказываешь мне, как мне делать свою работу? Он откинул плечи назад и стал медленно собирать волосы в хвост, как будто знал, что она будет стоять здесь столько, сколько ему потребуется. — Я хочу увидеться с Джереми завтра.

Лора захотелось вцепиться ему в лицо.

— Ты можешь позвонить его адвокату.

— Я хочу, чтобы его номер был на моем столе через пять минут. Он снова сел, давая понять, что больше от него внимания не дождется. И Лора ничего не могла сделать, кроме как развернуться и уйти с гордо поднятой головой. У него будет номер и все остальное, чтобы он не пожелал, и она ничего не могла с этим поделаться.

Атмосфера в офисе после ухода Джереми царила совсем отвратительная.

Они с Тиффани вернулись в мастерскую.

— Спасибо, — сказала Тиффани. — Он такой мурак.

— Я не знаю, почему Джереми еще держит его. Он дождется, что на Андре подадут в

суд.

— Я нашла магазинчик на Канале? — фразы Тиффани всегда звучали как вопросы. — У них есть перцовый аэрозоль по четыре доллара? У меня есть лишний, не хочешь купить?

— Конечно, — согласилась Лора. — Наверное, нам следует быть более осторожными, когда убийца бродит где — то рядом.

Когда они прошли через кабинет Джереми, с дверью обмотанной желтой полицейской лентой, Лора вспомнила, почему ходила в производственную часть. За платьем. Она посмотрела на подол «Марди».

— Что такое? — спросила Тиффани.

У Лоры остановилось сердце. Подол был совершенно ровным. Так почему же Джереми сказал, что он испорчен?

— Все было идеально, — сказал Эфраим. Холод его голоса чувствовался даже через телефон. — Прости, Лора. Я сказал полиции то же самое. Все было идеально и в пятницу, когда я отправлял образец, и сегодня утром, когда запустил линию.

— Ты уверен, Эфраим? — Лора позвонила начальнику на 40-й улице, как только увидела подол. — Может быть, половина из них была неправильной, а другая половина нормальной?

— Мисс Лора, — сказал он, и Лора внезапно поняла, что влезла в еще один конфликт. — Я осматриваю весь груз. Каждое изделие. У нас лучшие портные в Нью-Йорке. И все они работают на этом этаже. Поэтому, пожалуйста.

— Прости. Я просто пытаюсь быть непредвзятой. — Она потеряла виски. По правде это было не так. — Вы управляете лучшим цехом в городе. Все это знают.

— Я руковожу единственным цехом в этом городе. Он был прав. Позвонила Руби, спасая Лору от еще одного извинения.

— Ты собираешься сегодня навестить маму в прачечной? Я хочу обсудить с тобой кое-какие эскизы. Майкл выделил мне бюджет, но я не знаю смогу ли я сделать это сама.

Лора с готовностью согласилась провести вечер в рассказах о чужих проблемах.

— Да, я буду.

Мама достала пакет с овощами из холодильника, который она нашла на улице в девяностые годы.

— Я найду свои иглы для вязания крючком.

— Я была бы очень признательна. — Лора сложила белье в аккуратную стопку. — Андре не откажется от моделей, которые Джереми велел убрать. Поэтому, если вы придете на показ, у меня хотя бы будет ощущение, что делаю все правильно.

— Он скоро вернется. — Мама ополоснула букет зелени. — А значит, совершенно не важно, хочет Андре делать эти модели или нет.

— Я не знаю. — Лора взглянула на Руби, которая парила над альбомом, с четырнадцатью метрами ткани на свадебное платье. — Я нашла Т.О.Р., который должен был доказать его алиби, но он не поможет.

— Как Т.О.Р. доказывает алиби? — спросила, Руби, не отрывая взгляд от черной бумаги, на которой рисовала белым мелом и карандашом.

— Джереми сказал, что он был на фабрике всю ночь, обрезая швы у этой партии, потому что в субботу он увидел плохой Т.О.Р. Но мы нашли только хорошо сшитый образец, и ни следа испорченного. Складывается впечатление. Что он с самого начала был идеально сшит.

Мама стряхнула салат, а кухонная раковина заскулила, и затрясла трубой, так сильно, что казалось, что стена вот — вот разорвется. Мама привыкла ползать под раковиной как обезьяна, с ключом и тряпкой, следя, чтобы ничего ни лопнуло. И даже если бы это случилось, арендодатель не зафиксировал бы его без вызова в суд.

— А как вы думаете, он бы мог это сделать? — спросила мама.

— Да, — сказала Руби.

— Нет! — закричала Лора.

— Ну, — начала мама, скользнув в их крошечный уголок рукоделия к девушкам. — Он

бы много выиграл от её смерти. Она же сильно контролировала весь его бизнес. — Заявила мама. Её мысли были мыслями человека, который знает только то, что показали в вечерних новостях.

— Задушить ее в офисе принто ванным шелковым платком? Какой в этом смысл? Если бы он хотел убить ее, чтобы помочь своей компании, то он бы выдал все за несчастный случай или грабеж.

— Значит, ты думаешь, что это было преступление в порыве страсти? — Руби сдула ластик с бумаги. — Он убил её в ярости любовника?

— Он гей, — торжествующе заявила Лора.

— Все бывает в первые, — Пробормотала мама, кроша салат — ромен. На секунду стало тихо.

Их отец, музыкант, поющий столь душераздирающе, что мог бы зарабатывать деньги милостыней на углах улиц, оставил маму, когда Лоре было шесть месяцев. Мама слышала, спустя годы, что его видели на танцевальном параде в Сан — Франциско.

— Хорошо, — сказала Руби, искусно меняя тему, — Я бы хорошенько присмотрелась к мужу. Он вхож в модный бизнес, но для меня бы это означало, что однажды ему не понравилось, что там происходит.

— И он убил ее? — недоверчиво спросила Лора. — В офисе?

— Я просто предположила.

Мама вмешалась:

— То, что происходит между женатыми людьми, всегда сложно. Поверь мне, Лора.

Руби закончила как раз во время, чтобы сломать повисшую в воздухе напряженность, подняла альбом, показывая эскиз.

— Это великолепно, — сказала Лора, уже делая выкройки в голове. — Но на один только тюрнюр уйдет одиннадцать метров.

— Может быть, мы сможем купить недорогой полиэстер у Гарри?

Мама скрестила руки на груди.

— Я не позволю тебе сшить свадебное платье из какого — то мусора!

— Но, мама... — Руби перевернула книгу и посмотрела на мать большими глазами. — Я не могу позволить себе сшить такое платье из хорошей ткани.

— Вы же можете купить похожее платье в салоне.

— И переделать под твой эскиз. — Подхватила Лора.

Руби покраснела.

— Ты же знаешь, что я не смогу сделать ничего подобного.

— Ну, милая, — указала на себя Лора. — Ты знаешь, что я это сделаю, верно?

Рубин смягчился и посмотрел на набросок.

— Он никогда не пойдет на такое. — Она положила блокнот в сумку вместе с виденьем своего идеального платья. — Он все тратит на группу.

Лора не могла простить Руби преступления — экономить на себе. На красоте, на таланте, на всем. В тот момент она хотела придушить ее еще больше, чем раньше. И то, что она хотела её придушить большую часть своей жизни, говорило о многом.

Тинто позвонил следующим утром в шесть тридцать и сообщил, что нужды ехать, в Рикерс больше нет. После прошлого визита, он получил разрешение на посещение на регулярной основе и сегодня решил сделать перерыв. Адвокат так же говорил что — то о передачи дела в суд или о том, что выдвинуто обвинения в уголовном преступлении и что — то о суде присяжных. Ничего из этого Лора решительно не поняла. Завершил свою речь мужчина фразой: «Думаю, он вернется в офис, да благословят вас боги, ребята, к концу недели. Поэтому не вижу смысла вставать так рано. К тому же он сразу же начинает трепаться о платьях и прочей чепухе, а это не моя забота».

И Лора впервые за долго время позволила себе бесцельно поваляться в постели пялясь в потолок. Джереми с его самодельным кофе и задушевым разговором в офисе все равно не было, а значит, и не было причины ехать туда так рано. На два часа была назначена примерка, а к ней ничего еще было не готово, поэтому вариант позвонить в офис и прикинуться больной отпадал.

Её нужно продержаться до конца недели. Удержать всех вместе. Она не была сильна впод ковёрных офисных перипетиях, а сейчас она должна быть экспертом в них, в то время как она хотела просто сидеть и делать свою работу. Проблемы окружали её со всех сторон, и Лоре казалось, что она провалила все, что могла.

Спустя время, маленькую перепалку с Йони можно было считать благословение. По крайней мере, сейчас, Лора была уверена, что женщина хорошо знает и выполнит свою работу, а то, что скажет Джереми не пройдет мимо ушей. Что нельзя сказать об Кармелле и Андре.

Эти двое, напротив, были не столько откровенны. Кармелла заискивала, а Андре откровенно хамила. И если на Андре можно было наплевать и позволить ему делать все, что он хочет в своем отдела, то с Кармеллой было чуть сложнее. Джереми поручил Лоре проконтролировать, чтобы шоу прошло удачно, а за это как раз отвечала Кармелла. От этого можно было сойти с ума и провести остаток дней в заведениях Р. Дж. Рейнольдса! У неё не было никаких прав, кроме разрешения Джереми, влезать в дела отдела Кармеллы и не очень хотелось, чтобы та чувствовала, что конструктор начал командовать её отделом. Но, не смотря на все неприятные последствия, которые могли возникнуть, она должна это сделать. Хотя бы ради того, чтобы Джереми по возвращению нашел её в костюме курицы.

Не бывать этому. Плевать, что Джереми гей. Она не станет унижаться. Точка.

Лора встретила с матерью у фонтана и поехала с ней в лифте.

В руке мама держала увесистую торбу.

— Не знала, какие спицы вам могут понадобиться, поэтому взяла все. — Она открыла сумку, показывая всю свою коллекцию спиц, от тонких как иглы, до толстых как провода ЛЭП.

— Тебе понадобятся лишь несколько. У нас есть универсальный измеритель класса вязки.

Как только двери лифта открылись, Лора почувствовала, что в офисе что — то не так. Рене не светилась улыбкой. Залы были пусты. Музыка, которая обычно включалась в преддверии шоу, не было слышно. Подходя к своему столу, она увидела, что все для примерки было готово. Семнадцать моделей стояли готовые к примерке нарядов, переделке,

подшивке, чтобы потом выпустить эту сказку на подиум. Обычно ими занимался Джереми или Кармелла. Они прибавляли, изменяли, убирали аксессуары, координировали выход моделей и доработку продукции. Свои мнения по поводу той или иной вещи они выражали довольно — таки громко и энергично. А сегодня в офисе как будто кислород выкачали. Случилось что — то катастрофическое.

Никто не поздоровался. Никто не заметил, что она пришла примерно два часа позже, чем обычно. Никто не пристал с моделями из джерси. Все уткнулись в компьютеры как монахи в манускрипты и не издавали ни звука. Лоре даже захотелось проверить, не одета ли она в костюм цыпленка. Посадив маму за свой стол, она показала её схемы. Понизив голос, ниже, чем обычно, начала объяснять, что на схеме что обозначает. Их внештатный конструктор по трикотажу сделал настолько сложную схему, что любой другой бы мастер запаниковал, но мама быстро освоилась в многообразии бумаги и швов, «Х», слэшей или точек, которые обозначали направления нити или иглы. Несмотря на возраст, ведь ей было под шестьдесят, она четко улавливала, где нужно четко следовать схеме, а где можно усложнить рисунок. Ей даже пришла в голову мысль, что Лора может дать ей нитки и бисер на дом, чтобы на следующий день что — нибудь показать Джереми.

Затем она услышала его. Рев. Бушующий рев, как у загнанного лева.

— Почему это на клочке бумаги?!

Лора огляделась. Все еще больше уткнули свои носы в работу. Кармелла стала пришивать карман со скоростью атома. Лора кинула в неё ластик.

За первыми воплями последовали другие: «Кто так хранит книги? Господи, черт подери».

Кармелла взглянула на неё, и Лора жестом спросила: «Ты собираешься рассказать мне, что тут происходит?»

Кармелла схватила образец и накинула его на манекен с платьем Лоры. Пока они говорили, то успели сколоть, отколоть и переколоть карман.

— Это ее муж, Шелдон Померанц. Он и семь его людей проверяют деловые бумаги в офисе. — Кармелла посмотрела через плечо манекена и приподняла бровь. — Он очень разозлился. Я видела вакансию для тебя в утренней газете. Но для меня ничего.

— Я не хочу другую работу. Я хочу доделать этот показ, и чтобы Джереми вернулся.

Как будто в ответ, в комнату ворвался Шелдон Померанц, с потрепанными волосами, дряхлеющей кожей, в костюме двойке, пылающий праведной яростью. Девять лет, и он на самом деле не знал. Его болотные глаза метались по комнате в поисках жертв.

— Кто отвечает за это «шоу»? — спросил он с сарказмом.

Кармелла и Лора переглянулись. Кармелла спряталась за манекеном. Тиффани замерла. Тишину нарушал лишь равномерный звук резака Тони.

Лора ненавидела затяжные паузы и вопросы без ответа. — Джереми.

— Нет, черт! — сказал он. — Кто ответственный, пока этот мелкий ублюдок сидит за решеткой за убийство моей жены?!

Лора знала Мистера Померанца достаточно. Он такой человек, что позволит тишине, повесится на телефонной трубке, в то время как другим людям просто необходимо будет что — нибудь сказать. Но даже для него это молчание слишком затянулось.

— Мы все, я думаю, — сказала Лора, ища поддержку со стороны коллег и не находя. — Я имею в виду, у нас тонны работы до следующей пятницы. Сегодня назначена примерка на два, если захотите придти. Это весело.

Что это придурку делать на примерке? Почему она продолжает говорить? Почему она не может заткнуться?

— Спасибо, мисс... — Он запрокинул голову для завершения предложения.

— Карнеги, — сказала она. — Лора Карнеги. Не в отношениях.

— О, как раз собирался повеселиться. Но, к сожалению, я занят. Этот бизнес разваливается и его нужно продавать. Поэтому ваша «вечеринка» в полдень отменяется.

Вы все можете находиться, здесь в течение двух недель или попросить выплатить зарплату за эти две недели. Сообщите Дэвиду, он на стойке регистрации, что вы решили перед уходом.

Он повернулся уходить, как его окликнула Лора.

— А что мы должны сказать моделям? — она спросила это не из храбрости. Нет. Её просто нужно было это знать.

Шелдон повернулся, и все сжались.

— Кому?

— Ну... — она откашлялась. — Мы пригласили моделей для сегодняшней примерки. И, я думаю, агентства захотят знать причины расторжения контрактов.

— Они, что, не читаю этих чертовых газет?

— Э... ну... хорошо... Но это не очень хорошо выглядит...

Шелдон подошел к девушке вплотную и она почувствовала жар, исходящий от почти двух метрового роста.

— Ты думаешь, меня волнует, что подумают эти балаболы? Если им заплатят, то с чего им кудахтать?

— Хорошо. Мы им заплатим за потерянное время, но речь сейчас не о деньгах. Речь о предпринимательских рисках. Они могут принять компенсацию, а потом с легкостью подать на вас в суд. Помните, что случилось с Барри Тилденом? Когда Ольга Мошен пришла на шоу пьяная и он выставил её с показа? — Лора не могла поверить, что она продолжала говорить. — И даже если бы ей заплатили, она потеряла время экспозиции, а три других дизайнера не взяли её в свои шоу не потому, что она была пьяна, а потому, что она не присутствовала на показе Барри, как заявлялось в агентстве. И поэтому агентство в суде выиграло. Точно не скажу номер этого дела, но вы можете посмотреть его. У нас семнадцать моделей, так что вы можете легко подсчитать...

Кармелла пнула ее. Она запнулась на полуслове.

Шелдон просто смотрел на нее. Рот его был закрыт. Лицо ничего не выражало. Затем он вышел из комнаты, по — видимому, чтобы подсчитать, сколько он потеряет от отмены показа. И взвесить, на сколько унижительно он выглядел.

Мысль об унижении привела ее в «историческую кладовку» искать какой — то непонятный узор, который она сделала два года назад. Этот чулан так называли потому, что сюда обычно складывали прошлые показы компании и бесценные обрезки. Код был только у неё и у Джереми. Это был ее безопасное место.

Она открыла дверь на маленькую площадку. Иногда, когда ей было грустно, или когда случалась стрессовая ситуация и нужно было поразмышлять в одиночестве, он приходила сюда. Она едва могла двигаться между стойками, а их близость забирала чувство уязвимости. И это было хорошо. Потому что как только она зашла глубже, туда, где хранились вещи, пошитые еще до того как она пришла в компанию, она дала вою слезам.

Подальше от любопытных глаз. Это был запрещенный прием. Потому что она вытирала

глаза итальянскими льняными брюками или блузкой из жеваного шелка с настоящими жемчужными пуговицами. Её это не заботило.

Она любила его. Она знала это всегда. С тех пор как начала работать здесь, продолжала любить. Это была ловушка. Она должна спасти компанию, чтобы спасти Джереми.

Несмотря на то. Что компания никогда её принадлежать не будет.

Лора вышла из чулана, как только глаза подсохли, по дороге переписываясь с Руби.

— Ланч?

Ответ пришел незамедлительно:

— У Валери.

Конечно, Руби, не упустит, возможности увидеться. И у Лоры не было шансов избежать наказания в виде встречи с сестрой.

Заведение «Валерии» стоял с тех пор, когда район легкой промышленности действительно занимался легкой промышленностью. И тех же пор оно ни разу не ремонтировалось и не переделывалось. Будь вы студентом из Парсона или же самим Квином Кляйном все равно стояли бы в очереди вдоль столов, спрятанных за запыленными матовыми стеклами. И читали бы рукописные объявления за прилавками, пока официанты накладывали вам ланч. И если кто — то перед вами никак не мог решить, что ему выбрать, вы так же ждали. Причитали и раздражались, но ждали. Читали чернильные надписи об изменениях в меню (никаких), о способах оплаты (только наличные), о замене мусорного бака (по желанию). Когда вы, наконец, доходили до конца очереди, оплачивали свой поднос или пакет по ценам, которые не зависели ни от каких экономических потрясений. Затем по вздыбленному времени линолеум, можно было пройти к изрезанному столу Марка Джейкобса, который детишки из Парсона отвоевали в тяжелом бою, и наконец, поесть вкуснейшей и бесполезнейшей шеи, приправленной соусом итальянской еды.

В Нью — Йорке — это было одно из лучших заведений эконома — класса. Лоре просто необходимо было почувствовать себя снова нормальной. Она взяла себе спагетти с фрикадельками в томатном соусе, который обязательно брызнет ей на блузу, и прибавит килограмм пять к животу и бедрам. Она даже положила сахар в холодный чай, пообещав себе, что пропустит обед или будет, есть салат всю оставшуюся неделю.

Руби, незаметно просунулась, на место рядом с ней. Себе сестра взяла жареные креветки в масле, салат, который она неизменно игнорировала и тарелку тирамису. Все вместе стоило около двадцати долларов. Однако её не терзало какое — либо чувство вины или сожаления, и она стала поглощать еду с таким же рвением, как и меняла, свою жизнь.

Лора смотрела на сестру и почему то невольно стала представлять ее на свадебном торжестве. В памяти всплывал их разговор о свадьбе, на кухонном островке маминого дома. Все такое неопределенное.

Ее лак для свадьбы (нейтральный), ее волосы (не определено), место проведения («Оружейная»), музыканты (очень дорогой выбор, она и Майкл думали, что им удастся уломать Ван Хален на меньше), и платье подружки невесты (Лоре все равно, но Руби это не остановило от его зарисовок).

— Я сделаю такую драпировку и форму. — сказала Лора.

Руби оттолкнулась на спинку кресла и сменил тему.

— Ваш офис был сегодня открыт. Джереми отпустили? — и Лоре пришлось пересказать историю Шелдон а и ее болтовню об инциденте Барри Тилден.

— Как думаешь, что он ищет? — спросила Руби, утаскивая смоченный в соусе кусочек хлеба с тарелки Лоры.

— Шелдон? Он ничего не ищет.

— Боже, Лора. Он рылся в документах и компьютерных файлах, проклиная Джереми, просто, так что ли? Интересовался бизнесом жены?

— Хорошо, Что же он по-твоему делал?

Руби, пошевелилась в своем кресле. Задумчивая сестра — это показалось Лоре забавным.

— Возможно, в бумагах есть что — то, что укажет следствию на него или наоборот

станет алиби?

— Ты слишком много смотришь телевизор.

— А ты живешь в розовом мире.

— У него не было ничего общего с бизнесом Джереми и Греси.

— Кто сказал? Откуда тогда брались деньги? Она не была наследницей огромного состояния. И врачом или юристом тоже. Деньги поступали от мужа. Я думаю, что вопрос в том, почему он дал ей все эти деньги на такое рискованное дело и ни разу не интересовался им за девять то лет? Разве умный человек так бы сделал?

Лора пожалала плечами и накрутила спагетти на вилку.

— Может быть из — за налогов? Не хотел терять прибыль.

— Он подписывал контракт?

— Я не знаю.

— Ну, душечка. Все ответы там. — с этими словами Руби отломила большой кусок тирамису и прикончила его за один раз.

Когда Лора вернулась в офис, Рене уже ушла, а за стойкой сидел только Дэвид. Он был слегка худощав и очень высок. Из — за этого рукава рубашки были немного коротки, а сама она болталась. Лоре было не видно его ног из — за стойки, но она предполагала, что штаны ему тоже слегка коротковаты. На макушке красовалась вязанная крючком кипа.

— Имя? — спросил он, глядя ей в глаза и выдавливая подобие улыбки, давая понять, что ему самому эта работа не очень нравится.

— Лора Карнеги.

Он посмотрел на нее через очки.

— В отношениях состоите?

— Нет. Она улыбнулась, разрешая задавать следующие очевидные вопросы. Он хмыкнул и записал её в свою книгу.

В дверь позвонили. По другую сторону двери, стол Стью с охапкой образцов. Дэвид заметался, шаря взглядом по ящикам стола.

— Я не знаю, как открыть.

Лора обошла стол и отодвинула рукой в небольшую панель под стойкой, за которой располагалась большая белая кнопка. Она нажала на неё и дверь открылась.

Стью отвесил Лоре приветственный поклон. Он небрежно положил образцы на стойку регистрации и протянул Дэвиду папку для росписи. Тот недоверчиво перевел взгляд с Лоры на Стью. Стью нетерпеливо постукивал ногой, за что и получил от Лоры едва ощутимый пинок.

— Распишитесь здесь, где галочка, внизу. — объяснила Лора.

Дэвид достал ручку из кармана рубашки.

— Что я подписываю?

Стю вздохнул, Лора кинула ему укоризненный взгляд, прежде чем сказать Дэвиду:

— Это значит, что вы получили эти образцы. Не больше.

Дэвид кивнул, а затем сделал то, что никто до него не делал. Он сверил все образцы со списком и только потом поставил свою подпись. Стю молниеносно схватил папку и развернулся уходить.

Лора последовала за ним до дверей.

— Эй, что случилось?

— Мне очень жаль.

— Я не просила извинений.

— Они передвинули мой маршрут к востоку от центра города.

— И?

— За пределами 2-ой авеню нет ни одного мопеда. Я погибну. И в довершении они передвинули Надала в ваш портновский район, потому что его девушка работает на пятьдесят пятой. Они думают, что заставят его работать, если она вмешается. Как будто это может случиться. А мне теперь кататься от забора к забору богатых придурков, которым лень из дома выйти. Ты знаешь, сколько Надал перевозил грудного молока? У этих сучек из Грамерси — Парк есть еще и кормилицы! А доставка еды?! Ты только послушай, одна тетка питается исключительно Хэппи Милами из МакДака! И ему приходилось доставлять, больше чем вмещалось, в багажник.

Грамерси — Парк, где до сегодняшнего момента работал Надал, был своеобразным районом богачей. Лоре довелось там бывать в первую неделю своей работы с доставкой переделанного ею же платья. У неё мелькнула мысль, что пару дней назад, Надал так же мог быть там, а, следовательно, мог что — нибудь слышать о Грэйси Померанц. Что она могла делать перед своей смертью. Это конечно была слабая надежда, почти пустая трата времени.

— Господи, какой же я идиот. Все болтаю о себе. Тебе полицейские с тех пор не беспокоили? — спросил Стью.

— Нет, — затем она добавила. — Ты должен позвать Надала сегодня выпить. В «Serious».

— Знаешь в чем самая большая беда? — спросил он. — Я не смогу видеть тебя в течение дня.

Стью внимательно посмотрел на неё в повисшей тишине. Чтобы избежать этой неловкости, Лора обернулась к Дэвиду, на стойки рецепции.

— Я должна идти. Мы по —прежнему будем видеть друг друга. Не волнуйся, — она сжала его руку. Он ей нравился, и если бы она не была так безнадежно влюблена в Джереми Сент — Джеймса, то возможно и ответила на чувства Стью.

Когда она проходила мимо стойки регистрации, снова зазвонил звонок, и Дэвид улыбнулся ей, нажимая на кнопку. Такая простая вещь, но она заработала благодарное отношение к себе навсегда.

Лора пролистала каталог вещей на примерку. Многих не хватало, в частности изделий из джерси, и, в общем, без руководства Джереми, еще несколько работ не были выполнены.

Мама работала надвязанными фрагментами для платья «Аманда», и принесет их, когда доделает.

— Готовы? — Тиффани позвала её с примерочной.

— Да. — Лора оттолкнулась от стола.

Андре остался, глядя на экраны компьютеров. Он перехватил ее на пути в примерочную.

— У нас есть десять метров «Bonnie Twill». Можем забрать с «Делфи Грин». — Он показал ей какую — то бумажку, но у нее не было времени, чтобы рассмотреть её. — Оставлю её на твоём столе.

— Джереми убрал «Делфи Грин», — сказала Лора.

— Он вернул его сегодня утром. Я виделся с ним. — Тон Андре был настолько угрожающим, что Лора физически почувствовала опасность. Но это больше разозлило её, нежели напугало.

— У вас есть документ подтверждающий перевод этой ткани?

— Мне нет нужды, показывать тебе документы, доказывающие мою работу, не так ли?

Это заставило ее замолчать. Хотелось сказать что — нибудь колкое, но она решила, что лучше будет промолчать, чем говорить, что она действительно думает.

— Спасибо, — сказал он, и исчез в облаке лосьона и геля для волос.

Кармелла пробормотал через плечо Лоры: «Господь снизошёл на нас».

Тиффани подхватила: «А что с саржам? В «Делфи» он зеленый? Мы не смогли получить ничего, чтобы сочеталось с ним. Я имею в виду, что его исключили именно по этой причине. Как с ним быть?»

Кармелла отмахнулась от Тиффани.

— Если я вижу, то спрошу.

И они исчезли в примерочной на следующие шесть часов.

Примерки — это очень серьезное дело.

Сама примерка достаточно муторное занятие, за которое моделям платят больше двухсот долларов за час работы, которая заключается в стоянии или хождении по команде дизайнера. Сегодняшняя модель была идеальна во всех планах. Она была средних размеров, непритязательна, и, самой главной её особенностью было то, что от макушки до кончиков пальцев она вписывалась в большинство женских размеров. Трудно было найти подобных моделей. Большая часть из них боялась набрать вес, а те, кто не боялся, и вовсе оказывались беременными. Теория мира моды заключалась в том, что, то, что хорошо сидит на идеальном теле, подойдет и большинству потребителей. Все нюансы: окат плеча и предплечья, шаг рисунка, — подгонялись так, чтобы у клиента было ощущение, что это предназначено специально для него. Таким образом, прежде чем наряд попадал в магазин, он претерпевал множество изменений. От возвышенно идеального, до подходящего всем. Поэтому подгонка одежды на модель с более или менее стандартными формами предвещала меньше изменений в исходном лекале при переделке на продажу.

Примерка же для подиума была немного другой. Не обязательно чтобы одежда сидела на модели как надо. Она должна выглядеть как надо. Какой длины должна быть эта юбка на модели? Соответствует ли этот жакет основным изделиям? Если наденем поверх жилет, нужно ли будет удлинять рубашку, чтобы она выглядела? По этой причине моделям так часто отдавали их наряды. Они подходили только причудливо высоким, неприлично тощим девушкам, которые шли по подиуму. Примерки были быстрыми и хаотичными.

Было несколько моделей и сотня стажеров, некоторых из которых знали по имени, а некоторые были «Эй, ты». Вокруг витал сигаретный дым. Кое — где в руках замечались фляжки. И бесконечные разговоры. Но это была не вечеринка. Все было серьезно.

Потому что модели подиума делали в десять раз больше, чем совершенно обычная девушка, и ничто не заглушало смех так, как деньги.

Лора приколола изделия и немного посплетничала с моделями. Кто где работал, кто был уволен, кто был королевой драмы, кого снимали с показа. Эти девушки были настоящей голубиной новостной почтой. Они видели всех, завоевывали доверие, говорили открыто, но не слишком открыто, и сплетничали, как сороки. Если вы искали работу, вам просто нужно было спросить подходящую модель. Если вы ищете помощника, спросите модель с подиума. Если бы вам предложили работу, но вы не знаете, подходит ли вам это место, то у моделей было достаточно анекдотов, чтобы дать вам понять, что за компания. А если не она сама, то всегда найдется парочка знакомых, которые что — то где — то слышали.

Пока они сплетничали, Лора узнала, что Кальвин ищет модельера, и что там текучка кадров, потому что как офис, так и их одежда слишком строгие. Она мысленно сделала пометку — отредактировать резюме.

Были и шепотки по поводу отсутствия Джереми. Кто — то из моделей спросил о нем напрямую, пока Лора сидела на полу и поддельвала на коленях штаны на Томасине Вент.

Она знала, что позже девочка, невзначай спросившая про Джереми, обязательно будет об этом сплетничать, но в настоящий момент ее держали рамки контракта. Больше всего этих сплетниц волновал арест. Томасина, одна из трех «наследников ностальгии» из бывшей Восточной Германии, щелкнула языком, когда Лора заметила, что она видела Джереми в

Рикерсе, как будто было позорно показывать свое лицо в таком месте.

Тиффани работала над Ноэ, которая смиренно стояла во все свои метр восемьдесят и пятьдесят два килограмма. Ее поведение и ее кожа сделали ее звездой. Кожа у неё была цвета французского жареного кофе, идеальная от макушки до пяток. Прожив полжизни в Судане, а вторую половину на Гаити, говорила она с заметным акцентом. Её отец был банкиром, которого переводили по всем свету для решения каких — то финансовых вопросов, пока он не осел в Порт — о — Пренсе. Чувство юмора у Ное было настолько сухим, что думали, что его вообще нет. Кроме того, она предпочла компанию дипломатов и бизнес — магнатов актерам и знаменитостям. Она не пила, не курила и не употребляла наркотики. Белая ворона — так называли ее за глаза. И что еще хуже, она закрывала шоу с платьем «Амада». Двадцать метров ткани, стекающие по подиуму, украшенные трикотажной вязкой с кистями на концах. Половина смокинг, половина нижнее бельё.

Полностью Джереми.

Кармеллав последний раз взглянула на муслиновый подол «Аманды» и направилась к двери.

— Кармелла! — позвала девушку Лора, держа булавки во рту. — Ты должна подогнать «Аманду».

Она резко остановилась, не успев выйти из комнаты, как ребенок, пойманный, выходя из ванной, не вымыв руки.

— Оно слишком перегружено, — сказала Кармелла, возвращаясь в комнату. — Это ведь твои лекала, не так ли?

Лора вытащила булавки изо рта и перешла к поясу девон — брюк на Томасине.

— Я вижу, что с ним, что не так, — сказала Лора — Но ты можешь это сделать с дизайнерской точки зрения? Я же не дизайнер.

Кармелла отступила от Ноэ, одетую в облако муслина и слушающую указания Тиффани.

Даже не глядя можно было сказать, что юбка — слишком длинная; в груди мало, талия слишком занижена. И Лоре было за милою видно, что это не дизайнерское виденье.

— Она похожа на сосиску, — резюмировала Кармелла, прежде чем собрать свои заметки и сигареты и уйти. Замечание было вполне законно при других обстоятельствах и вполне приемлемым, даже не беря во внимание модель.

— Можешь надеть круглую юбку? — спросила Лора Томасину, когда закончила прикалывать пояс брюк.

— Её нет. Ваша начальница сказала, что она еще не готова, — ответила она с утомительным немецким акцентом. Лора взглянула на стойку. Юбки действительно не было. Треть вещей из коллекции не была готова даже к обеду, а было уже шесть часов.

Она освободила Томасину и помогла Тиффани приколоть платье «Аманда».

— Ах! — сказала Ноэ, — великая мисс Карнеги.

— Как дела, Ноэ? Кармелла говорит, что слишком узко?

— Да, вот здесь. Она обхватила руками под грудью. — Я слышала, что ваша начальница мертва?

— Да, есть такое. — Лора поправляла пуговицы и крючки, которые держали платье. — Можешь чуть — чуть наклониться? Я не могу до тебя дотянуться. Она приколотла и разрешила по меткам Кармеллы.

— Так грустно, — сказала Ноэ, совершенно искренне, но в тоже время двояко, о Грейси Померанц. — Она тебе нравилась?

Лора пожалала плечами. — Я ей не особо нравилась.

— Откуда ты знаешь?

— Она сама мне сказала.

— Звучит как начало интересной истории. — Она посмотрела на Лору и добавила: —

Как-нибудь расскажешь.

— Я и сейчас могу.

— Поэтому сегодня нет Джереми? Эта Ное, просто шикарна. Поинтересовалась, об отсутствии Джереми не упоминая его ареста. — Может быть, он услышал, что она искала новый бизнес? Я видела ее в «Грот». Она сидела за нашим столом, разговаривая с новым дизайнером. С Пьером Свеноном, живучим, как любая гадюка. Теперь, возможно, мертвым. Вероятно, Джереми не понравилась идея о расширении бизнеса.

Она была уверена, что Джереми не сообщали о расширении.

— Кто еще там был?

— Лора, подожди! — раздался голос из дверного проема. В нем стояла мама с перекинутым через плечо лучшим куском бисера. — Я так рада, что застала тебя! Она передала материал. — Ты сказала, что вам нужна фотография?

— Именно, — сказала Лора, взяв трикотаж. Она быстро переделала и снова надела на Ное лиф и приложила вязание. Он должен был быть сплошным кружевом ручной работы, которое добавило глубину к простой спине. И соединялся с ошейником, который поднимался вверх по шее, со свивающимися вниз кристаллами. Это позволяло соединить детали смокинга.

— Идеально, — сказала Лора, фотографируя платье. — Спасибо, мама. Но её немного смущало то, как лежал нижний слой муслина, и черная кожа Ноэ выглядывающая из прорезей, подала её идею.

Она передала маме вязание, сложила задний слой лифа, затем отколола рукава, так что верх стал похож на топ без бретелек. Затем она приложила трикотажное плотно к спине Ноэ. Контраст был тонким и сексуальным.

Мама одобрительно кивнула, и Лора сфотографировала что получилось. В комнате стало тихо, как будто отец вернулся на незапланированную вечеринку сына и выключил стерео.

— Ты, — сказал Шелдон, указывая на Лору. — «Биг босс». — Он сказал это так, как будто это ее имя.

— Мы в примерочной, мистер Померанц. Она сделала замечание, забыв, что Шелдон не знал правил — никогда не прерывать примерку, за исключением пожара.

— Напугал я вас, сказал он, подходя ближе. — Вы единственная у кого есть язык в этой компании. Никто больше мне ничего не говорит. Он поднял пачку бумаг. — Кто здесь заказывает ткань?

— Для образцов или для производства?

— Не мудри, болтливая девчонка. — Это прозвище было таким противным, но что — то в его голосе смягчало его.

— Либо Тиффани, либо Кармелла для образцов. Если это более чем сто метров, спросите Еву. Она сидит рядом с Йони. Лора не переставала фотографировать платье и даже не смотрела на Шелдон а. Но он ни капли не смутился.

— Тогда почему она не подписала эти? — он положил бумаги перед ее лицом и, взглянув на Ноэ. Лора вспомнила, насколько опасна ситуация, и как правила могут больше

не применяться.

— Не знаю. — присмотревшись к бумагам, сказала Лора: — Габардин «Харриет», произведенный три года назад. — Затем, просмотрев даты, добавила. — И это было заказано шесть месяцев назад. И это чертовски много ткани. Пятьсот метров шириной сто семьдесят сантиметров. Много брюк можно сделать из такой ткани. — Им негде было сохранить такую ткань. Лора посмотрела на пометку о месте хранения. Это была фабрика на 40-ой.

— Кто это подписывал? — требовательно спросил Шелдон.

Она прочитала каракули.

— Должно быть врач. На рецептах подчёрк и то разборчивей.

— И как, черт возьми, мы должны проводить аудит?

— Какой аудит? — Лора не строила из себя дурочку, но она была твердо убеждена, что эти вопросы нужно решать за пределами примерочной, в которой действуют свои правила. И об этих правилах адвокат точно был не в курсе.

— Аудит — это совершенно законный процесс, посредством которого я похороню вас всех.

Мама, которая правила знала и никогда бы не позволила издеваться над своей дочерью, шагнула между ней и Шелдон ом.

— Вы можете поговорить после примерки. Теперь, шшш. За шипела мама, глядя в упор на Шелдон а.

Все знали, кто такой Шелдон. Все знали, что он может закрыть их мановением руки. И все знали, что он потерял свою жену за последние двадцать четыре часа. Кроме мамы.

Мама и Шелдон посмотрели друг на друга. Ноэ обернулась, чтобы посмотреть, что происходит, Лора и Кармелла понятия не имели, что делать, и даже две модели перестали курить в сторонке.

— Шшш? — спросил Шелдон.

Мама взяла его за запястья. Держа их, она посмотрела ему в лицо, и повторила:

— Шшш.

Он махнул рукой.

— Все, вон! Кыш.

Они продолжили. Лора сделала быстрый расчет. Примерка был в значительной степени выполнена. Не хватило времени, чтобы провести её за запланированные восемь часов, плюс нужно поговорить с Шелдон ом, иначе он опять что —нибудь выкинет. У нее было больше фотографий, чем она могла рассчитывать показать Джереми на следующее утро.

Лора собрала свои вещи, модели, Кармелла, стажеры и Тиффани поспешили из комнаты.

Шелдон повернулся на каблуках и ушел. После его ухода комната наполнилась шелестом сумок и одежды. Когда Лора выкатывала вешалку с моделями, она увидела рубашку Ноэ, свернутую и брошенную поверх сумки. Это был искусственный джинсовый бархат, который Джереми заказывал перед праздниками. И, даже если учесть, что глаза у неё сонно слипались, она не могла не заметить дефект на изделии. Направление кроя не совпадало. Отделка низа или рукава могли не совпадать по цвету, особенно на свету, из-за того, что части кроились в разном направлении нити. Никто не заметил бы это. Если не приглядываться, или если куртка стоит пару тысяч. Но Лоре это сразу бросилось в глаза. Все ткани на производстве Джереми кроились по долевой нити в одном направлении.

А куртка Ноэ была выкроена против долевой.

Так быть не должно.

Лора взглянула на Ноэ, которая смотрела на свой мобильный телефон и постукивала по стеклу, как будто она писала книгу, а затем снова на куртку. Это была подделка.

Подделка. Подделка. Подделка.

Лора молча смотрела на Ноэ, пока Ноэ вылезет из телефона.

— Думаю, Томасина разлила что — то на твой жакет — она указала на жакет, который, напомнил Лоре дряблое чудовище. Ноэ взглянула на него и пожала плечами.

Лора подняла куртку за ворот и встряхнула.

— Это же одна из наших? — она посмотрела на этикетку — полностью идентичен.

— Да, из прошлого сезона, кажется, — сказала Ноэ.

— Образец? — произнесла Лора, при этом продолжая мысленно рассуждать об увиденном:

«Образец мог быть с ошибками, исправленными в массовом производстве, а Ноэ, будучи моделью, получила бы его бесплатно, хотя она могла себе позволить купить жакет в Бенделе, так же легко, как и поменять петельницу в своем Порше».

Их глаза встретились, и губы Ноэ слегка сжались.

— Я не помню, — сказала она, прежде чем сменить тему. — Я еще понадоблюсь до пятницы? — Спросила Ноэ.

— Мы позвоним, хорошо?

Ноэ согласилась и ушла, как и остальные модели.

«Это была уже вторая подделка за неделю». — Лора глубоко задумалась над случившимся. — «И вещь так же с прошлого сезона». Лора стояла и размышляла, пока не услышала голос Андре, который прервал ее размышления, нервно кружа в праведном гневе возле её стола.

— Мне нужно попасть в кладовку, — сказал он, и пошел в сторону подсобок, как будто она должна была просто следовать за ним.

— Зачем? — спросила Лора.

Он посмотрел на нее так, как будто этот вопрос оскорбил его чувства.

— Наш босс попросил меня кое — что вытащить для него. — С вызовом в голосе ответил Андре.

— Что именно? — ее рука так и осталась на клавиатуре. «Какая картина у Райкеров?» Она не нажимала одну цифру, пока не получила от него ответа.

— Я отвечаю только потому, что стараюсь быть вежливым.

— А я не стараюсь.

— У «Federated» есть несколько кнопок не того цвета для брюк «Рейчел», и мы даем им наши кнопки для замены. Пойдет? — пояснил он.

Ну, нет, не пойдет. Это работа Йони. Она, разбирается с подобными делами, и не будет, особо счастлива узнав, что Андре лезет, куда его не просят. Если в магазин попали не те кнопки, Йони должна отследить заказ и производителя. Или это должен сделать Эфраим.

Но точно не Андре. Лора достала свой мобильный и уже собралась звонить менеджеру по закупкам, как услышала крик из мастерской.

— Все катитесь к черту. — Посреди комнаты стоял Шелдон с портфелем в руках и накинутым на плечи шерстяным пальто.

— Пойдем. У меня нет времени тратить на это весь день.

Лора встала напротив у стены и скрестила руки на груди. Кармелла встала рядом, толкнув ногой в знак солидарности. Это и отличало её от Андре. От неё могло быть мало

толку, но это всегда была Кармелла.

— Завтра похороны моей жены, — сказал Шелдон ледяным голосом. Впервые Лора почувствовала, как он спрятал свой грубый гонор. — Я знаю, вы все с ней работали, и я знаю, что некоторым из вас она даже нравилась. Но я не знаю, кому именно, и не собираюсь ходить и спрашивать, потому что вы все равно солжете. Поэтому завтра я закрываю офис. И я не хочу слышать больше об этом проклятом шоу, потому что мне все равно. — Он посмотрел на Лору. — Похороны пройдет в ее семейном склепе на кладбище Гринвуд. Это в Квинсе. Те из вас, кто плохо знает город, могут сесть на привычный автобус и приехать сюда в офис. Я организую машины, чтобы забрать вас в девять. Вы будете участвовать в процессии. Улицы закроют, поэтому это не принесет неудобств. — Он повернулся на каблуках и ушел.

Его место занял Дэвид, с блокнотом в руке.

— Сообщите мне, кто собирается присутствовать на похоронах, чтобы я смог заказать нужное количество машин.

Краем уха Лора услышала, как Андре пробормотал Йони:

— Я завтра продаю квартиру. Не могу же оставить дом открытым.

Он сокрушенно покачал головой. Но Лора его знала. Он никогда не упускал возможности побыть среди элиты. А что касается квартиры, то скорее всего это инициатива Инге, ведь сам он крайне безалаберен в быту.

Не желая вновь сталкиваться с Андре, Лора выскользнула из кабинета, так и не записавшись. «Навряд ли Грейси будет по мне скучать». — Подумала про себя Лора.

К тому времени, когда Лора добралась до «Serious», было десять часов. Она поклялась, что выпьет только один коктейль, ведь её нужно быть как огурчик завтра утром. Ради Джереми.

Байк Стью был припаркован среди других таких же, специализирующихся на доставке.

Том, швейцар, кивнул, когда она прошла мимо. На здании не было вывесок, и им потребовались месяцы, чтобы выяснить, как же оно на самом деле называется. Но даже и без вывески место было чрезвычайно популярным. Громадный зал на сто пятьдесят квадратов, с высоченными потолками, стильно задекорированный.

Лора и её часть очереди входили в клуб вторыми, после богачей, которые занимали лучшие места. Затем шли те, кто был завсегдатаем или их друзья. За ними следовали студенты Нью-Йоркского университета, затем толпа из Бруклин — Квинс, а напоследок, не уроженцы Уильямсбурга, а выходцы из Канарси и Шеперсхеда, которых явно здесь быть не должно. Несмотря на обилие народа Лоре со Стью в «Serious» всегда нравилось.

Мягкое освещение и ультрасовременная мебель всегда была как после ремонта.

Незнакомая инструментальная музыка была приятным фоном для разговоров и отличной возможностью заказать уникальный кофе «Tomcat». На втором этаже располагался мини-ресторан, где заказывался джин и говяжий суп. Протиснувшись к барной стойке, Лора заказала горячего кровавого напитка.

Она заметила Стью и Надала, мулатка с длинными дредами, которые как — то застряли в байке, когда он менял колесо. Вокруг было яблоку негде упасть, поэтому чудо, что им удалось занять это местечко в уголке. Они поприветствовали друг друга. Надал, правда, обнял ее чуть менее решительно, чем Стью.

— Привет, Надал! — девушке пришлось перекрикивать громко звучащую музыку и болтовню компании за соседним столиком. — Я слышал, ты наш новый курьер?

— Что особенного я должен знать? — спросил он, улыбнувшись, своим глубоким ямайским акцентом.

— Не мять образцы. — Улыбнувшись, сказала Лора.

Он рассмеялся.

— Ничего такого, чтобы Стью не сказал мне? — Прищурив, глаза и глядя в упор на Лору, спросил Надал.

— Наверное, нет. Сильно отличается от перевозки молока через весь город? — Продолжила разговор Лора.

— Приятно работать на бизнес, а не на человека, понимаешь? Нет усталых дам, говорящих «Это недостаточно холодный» или «О, я скучаю по моей дорогой куртке. Почему бы вам не проверить счет за химчистку перед тем, как покинуть магазин?». Говорю вам, чем богаче ублюдок, тем больше они хотят.

— И завтра, конечно же, в первой половине дня, они закрывают два квартала вокруг парка из — за похорон Померанц. А знаете, что произойдет, если умрет их уборщица?

Ничего. Они найдут новую.

— Вы сильно заморачиваетесь.

— Да, мы заморачиваемся вопиющим социальным неравенством, проявляемым этим походом лошадей и пони. Мы постим это в каждой соцсети. Нас там должно быть, по крайней мере, тысячи.

— О, уже выучили кричалки.

— Лора, это мейнстрим. — заказал у бармена за другой напиток. — Как только появляется плакат, тебе нужно разрешение. Если мы просто постоим там, они ничего не смогут сделать.

— Вы не думаете, что напиток в девятнадцать долларов и есть проявление вопиющего социального неравенства? — сказала она. Тем не менее, Надал передал ей свой бокал.

— Это то, что мне в тебе нравится, — сказал Стю. — Ты честная. Поедешь с нами? Или будешь плакать на похоронах?

— Думаю, завтра пойду в Рикерс.

Он, должно быть, не услышал ее, потому что он поднял тост.

— За графиню Корса! — воскликнул он, вспоминая прозвище Грейси, которое её дали журналисты с Нью — Йорк Пост несколько лет назад. Лора не особо поддержала этот тост.

Она повернулась к Надалу.

— Ты бывал у Померанцев?

— Их дом, следующий за теткой с Хепи Миллом из МакДака. — он повернулся к Стью. — Теперь она на тебе.

Стюс размаху поставил свой стакан на стол.

— Надоело пить это хрень. Мне нужно виски.

Надал покачал головой.

— Они цапались как кот с собакой, когда я к ним заезжал в последний раз.

— Когда это было? — спросила Лора.

— За день до убийства. Когда я уезжал, у двери были полицейские.

— Уезжал? Как долго ты там был?

Он поднял брови.

— Около пятнадцати минут.

— Значит, полиция должна знать, что они поссорились, — сказала она. Все пожали

плечами. — Вы не слышали, о чем они спорили?

— Нет, я был занят.

Стью уронил голову на плечо Лоры, всем своим видом показывая, какой ужас ожидает его. Лора ласково похлопала Стью по щеке, но вряд ли ей удалось спасти его от Леди Хаппи Милл. Он должен принять это перевод на доставку другим клиентам, как неизбежную необходимость. Думала Лора глядя на отчаянно бьющего головой о ее плечо Стью.

Лора сообщила, что уходит, повязав на шею шарф. Ей нужно рано вставать, чтобы успеть к Джереми и приехать свежей или, по крайней мере, трезвой. Стью последовал за ней.

— Какая тебе разница, почему они ругались? — спросил он, как только они вышли на Бродвей. Он не взял куртку, и поэтому, засунул руки в карманы. Но даже это не могло скрыть дрожащих плеч.

— Просто любопытно.

— Тебе не следует вмешиваться, Лора, если только не хочешь, чтобы полицейские у тебя дома прописались.

— Спасибо за совет. Тебе лучше пойти, пока не замерз.

— Я возьму тебе такси.

— Я пройду пешком. — Она сделала несколько шагов на восток.

— Я возьму куртку.

— Стью, я в порядке.

— Лора.

— Стью?

Следующее произошло так быстро, что она не успела и глазом моргнуть. Где — то, за гранью её сознания, Стью вытащил руки из карманов и прижал к её щекам. Затем он поцеловал ее. Лора ощутила его, поцелуй был мягким, прохладным и не слишком влажным, пальцы Стью, зарывшиеся в её волосы были теплыми, и его язык нашел ее, прежде чем она могла оттолкнуть его.

— Ты не должен был этого делать! — сказала она.

— Почему нет?

— Потому что я не поцелую тебя в ответ.

— А я и не жду.

— Нет, нет, нет. Забери его!

— Почему я должен это делать?

Она увидела, что он не дрожит, даже без пальто. Она не должна была позволять ему это делать. Так быть не должно. Это жутко смущало. Она не хотела любить Стью, но она не любить тоже не могла. Ей было совершенно комфортно в неопределенности дружбы, которую они построили, а он все сломал. Развернувшись на каблуках, Лора решительно направилась на юг по Бродвею, опустив голову, шаркая сапогами. А в ушах слышался голос Тома, который говорил Стью: «Ну наконец — то!».

Лора шла домой, а горький февральский воздух щипал лицо. Ей хотелось подумать о завтрашнем дне. Что она наденет? Что скажет Джереми? Но на дубах все еще горел поцелуй Стью, а разум, раз за разом возвращал её в то мгновение, как бы уговаривая: «Не надо было его отталкивать». Ни ярость, ни всякие мелочи не могли отвлечь ее, поэтому она предпочла вернуться туда, где была до клуба, к убийству и освобождению Джереми.

Как в тумане она открыла дверь квартиры. Почему арестовали Джереми, а не Шелдон?

Ведь Грейси поссорилась с ними обоими. Что же произошло, раз Джереми так упорно молчит? Кого или что он защищает?

Ей казалось, что она была на правильном пути, когда услышала голоса наверху, из квартиры с договорной ценой. Это были Руби и Майкл, и они ругались. Доносились крики об уважении, платёе и любви. И было много проклятий, в основном от Майка. Лора ушла спать в гостиную и долго пролежала без сна, задаваясь вопросом, действительно ли Джереми был на заводе в эту ночь. Но заснула с ощущением прикосновения Стью на губах.

Лора не знала, что надеть. В последний раз, когда она ездила в Рикерс, она шла и не знала, что же все — таки будет, она шла просто на удачу, она полностью доверилась судьбе, ничего не ожидая и получив все. В этот раз у нее были и выбор, и знание, точное сочетание несочетаемого.

Лора долга пересматривала свой гардероб. В конечном итоге она выбрала коричневое длинное платье от Халстон в стиле 1970-х годов, которое наверняка соберет всю грязь на каждом обочине. В голову пришла мысль, что проблемы длинной юбки ничто по сравнению с трудностями Джереми. Её это показалось даже символичным. Она упаковывала iPad Кармеллы в пакет, бросила взгляд на образец маминого вязания взяла его тоже стала засовывать в пакет рядом с iPad — о, когда зазвонил телефон.

— Я внизу, — сказала Тинто, когда девушка сняла трубку.

Лора была еще не готова, но звонок Тинго был как сигнал к действию, и она побежала без макияжа, укладки и кофе. Два из трех можно было исправить по дороге. Несколько минут и она уже внизу, где у подъезда ее ждал Линкольн Континенталь 87.

Тинто повел свой черный Линкольн Континенталь 87-ого года выпуска, как космический корабль, степенно и медленно. Хотя другого выбора у него не было, при движении в семь часов утра дорога через Харлем — Ривер забита машинами. Но Лора была благодарна за неспешную езду и частые остановки. Ей не очень хотелось, чтобы тушь для ресниц, которой она красила глаза пока Тинго пытался двигаться в медленном потоке машин размазалась и она стала похожа на приведение.

— Могу поинтересоваться, зачем ты наводишь марафет перед Рикерсом? — сказал Тинто.

— Потому что я похожа на задницу бабуина. — Пошутила Лора.

— Знаешь, не на этого парня тебе нужно производить впечатление. Его другие интересуют.

Тинто был прав, но сила привычек была сильнее. Да и появится перед Джереми с кривыми стрелками как — то не вежливо.

— Разве его не должны были сегодня выпустить? Какие — то судебные проволочки? — спросила она.

— Ха. Его должны были выпустить еще вчера. Но Шелдон а Померанца, этот козел, практически вынудил судью придержать Джей Джея в тюрьме еще на день. И за что?

— Ты прав, за что? Это «за что» Шелдон искал все утро. Тинто, ты видел контракт Джереми с Грейси? — спросила Лора.

— Да. А тебе зачем?

— Все говорят о нем. Вроде он и есть причина, по которой он убил ее. — Девушка съежилась. Она только что сказала, что Джереми убил Грейси.

— Он на сто процентов стандартный. — Сказал Тинто.

— Шелдон заезжал к нам в офис. Пробыл там полтора дня. Прошерстил все.

— Прошерстил что именно? — Тинто задал вопрос, на который Лора не знала ответа.

Лора пожала плечами. Ей было стыдно, что она действительно не знала.

— Гроссбухи, я думаю. Я имею в виду, он — муж Грейси, поэтому, думаю, он

унаследовал их. У нас сейчас начальника вообще как будто нет, но есть показ, на который всем наплевать. Честно говоря, никто бы не обратил ни какого внимание, на его появление, не будь он таким мудаком. — Сказала Лора, глядя в окно машины.

— Когда показ? — Поинтересовался Тинто.

— В пятницу вечером. Осталась неделя.

Тинто присвистнул, как будто понял, насколько серьезно. Последний показ на «Неделе моды в Нью — Йорке» был самым ожидаемым. Туда собирались только ВИП — персоны, и в этом году она проходила в Центральном парке. Парк был покрыт самым большим навесом с подогревом, когда — либо построенным. Вокруг него стояли навесы и тенты поменьше для небольших шоу. WWD и CFDA назвали его «Городом моды», но все в бизнесе назвали его «Гламурным Гетто».

— Ты не рассказывала ему о Т.О.Р.? — спросил Тинто.

— Нет.

— И с ним до сих пор все в порядке?

— Да. Подол идеален. Как будто Джереми делал его сам. — Сказала Лора с долей сожаления, поскольку именно идеальное шитье засадило босса за решетку.

— Но, Лора, они скажут, что он ничего не делал. Если мы не найдем образец с испорченным подолом, это будет означать, что Джереми на фабрику не ездил.

— Я даже не знаю, где еще искать, — сказала она.

Тинто задумался на минут десять, и девушка молча уставилась в окно.

— Полиция больше не заезжала в офис, — сказал Тинто.

— Нет, со вторника.

— Я знаю. Я говорил о факте. Они достали его волокнам с полосатого отреза, времени смерти и отсутствия алиби. Еще они обнаружили отпечатки на измельчителе.

— Но это его измельчитель, — сказала она.

— Я так и сказал.

— Думаешь, Шелдон подкупил полицейских?

— Лора, это же не кино. — И извиняющее добавил. — Они не думают, что это что — то значит. Они получили доказательства, над которыми работают.

— Что ж, Шелдон не согласен.

— Может быть и так. Может быть, он хочет приватизировать модный бизнес. Ты знала, что его папа был портным. Знаешь, ручные трикотажные рождественские свитера из Гонконга. С колокольчиками и прочей хренью.

— Массовое производство.

Тинто помрачнел.

— В его компании работало семьдесят человек в Нью — Йорке, и Бог знает, сколько в Коулуне. Он дал своим детям шанс на хорошую жизнь. Они по — прежнему открыты, поэтому, что люди где — то еще их носят. А родители Джей Джея делали школьную форму и десятидолларовые блузки «Кьюана». Ему повезло. Но так везет не каждому.

— Я лучше буду работать в МакДональдсе.

— Возможно, скоро будешь. С таким — то отношением.

Она приняла извинения, но в груди поселилась обида, которую попыталась унять, перебирая свой полосатый шарф, чувствуя царапающий лейбл Tollridge&Cherry. Руби, вытащил его из — под стойки в один прекрасный день, когда Лора оказалась не готовой к холоду декабрьской ночи. Она его сохранила. Такое случалось постоянно. Некоторый

модельеры одалживали образцы друзьям на какой — нибудь экстренный случай, и когда друг спрашивал, когда вернуть его обратно, то модельер просто отмахивался рукой. Мол:

«От него отказались» или «Он уже поставлен на поток», и друг носил образец, пока не находил его в своем шкафу спустя годы, и не начинал вспоминать, откуда он у него.

В случае с домами готовой одежды, такими как у Джереми, образцы всегда возвращались. Всегда. Потому что компания заплатила за эти образцы, и, вероятно, подкладка стоила пятьдесят долларов за метр. Таким образом, вы не могла просто накинуть вещь на плечи друга по дороге в клуб. А если вы это сделали, то постарались бы держать его подальше от горящих сигарет и фруктовых напитков.

Она задавалась вопросом, должна ли она устроиться на работу в Т & С в качестве технического дизайнера. Пойти на компромисс со своей совестью? Как ей променять дедлайны подиумных показов в оркестровой яме Центрального парка на 24 каталога в год? Как контролировать пошив по почте где — нибудь Китае? Или Пакистане? Или Турции? Если она не могла сесть за швейную машинку и сшить вещь сама, чтобы посмотреть, все ли правильно, как ей тогда делать свою работу?

Она чувствовала, что не востребована, чувствовала жалость Тинто в его голосе, и это было не правильно. Лора боялась упустить шанс осуществить свою мечту. Необходимость выбора ее раздражала.

Тинто, казалось, увидев нарисованное облако раздражения над её головой, сказал:

— Джереми говорил об открытии линии бюджетной одежды. Поэтому не сгущай краски.

Хорошо?

— В смысле бюджетная одежда? — спросила она, пытаясь не произносить слово «дешевая».

— Не дорогая. Достаточно не дорогая, чтобы удержать компанию на плаву.

— Что — то типа Target или H&M?

— Не совсем.

— Тогда что?

— Хватит времени, спросишь у него сама, — сказал он, когда они пересекли мост к острову Рикерс, — но, боюсь, что его не будет.

— Вчера Андре поднимала эту тему? — Она была, честно сказать, ошеломлена, хотя Андре опередили на четыре или пять рекламных пластов.

— Вчера меня не было, поэтому я не знаю.

Машина проехала мимо первого поста охраны и медленно продолжила движения по направлению к основному входу в Рикерс.

Джереми выглядел просто ужасно. На него было страшно смотреть, что произошло за последние два дня. Его зеленые глаза были пусты, и казалось, ни чего не выражали. Лицо было бледным, щеки пожелтели. Он был похож на восковую статую, а, когда заговорил, голос вошел на кашель и хрипы.

— Что случилось? — воскликнула Лора.

Он отмахнулся.

— Покажи мне результаты.

Пока она доставала iPad, ворвался Тинто:

— У вас есть пять минут, Джей Джей. У нас слушание, надо подготовиться.

— Это то, за что я плачу тебе, — прохрипел Джереми, разглядывая фотографии.

Лора пролистывала фото. Глаза Джереми быстро пробежали по экрану. Но он ничего не говорил. Она посмотрела на него. С того момента, как они с Тинто сюда пришли он выглядел хуже и хуже.

— Тебя отправляли к врачу? — спросила она.

Он не ответил.

— Они знают, что ты болен? Джереми, пожалуйста, что происходит?

— Лора, — сказал он сквозь зубы, покачиваясь, чтобы остановить начинающийся кашель.

На лице промелькнуло раздражение на начинающийся приступ, который отнимает у него время, которое он мог посвятить работе. Лора почувствовала себя виноватой. Он ударил ладонью по столу, словно требуя немедленного успокоения от его легких, и, как ни странно, они его послушали.

— Увеличь, — прошептал он, глядя ей в глаза. — Я хочу рассмотреть «Аманду».

Она отвернулась и отвела взгляд. Смотреть на него было больно. Она предпочла взглянуть на Ноэ, чья улыбка освещала верхнюю часть фотографии. Джереми прокрутил фото пальцами назад, вперед, вперед, назад, назад.

— Хорошо, покажи мне остальное, — сказал он. Она пролистала остальные модели с примерки. Она видела его реакцию, но не могла понять, на что он смотрит. Затем он кивнул и провел пальцем по горлу. Закончили.

С собой у него был тупой карандаш и небольшой разрешенный блокнот, который она вначале не заметила, куда он и начал что — то быстро строчить.

— Что делает Кармелла? — спросил он, перечитывая строчку.

— Она участвовала в примерке.

— Она была сосредоточена?

— На процентов семьдесят. Она нужна тебе?

— Присмотри за ней ради меня.

Последние слова как будто ослабили что — то в нем, и, он разразился тяжелым, влажным кашлем. Девушка села на место. Он почесал макушку. Она никогда раньше не замечала, что у него появляется залысина, которая сейчас покраснела и шелушилась.

Разве он не знал, что он должен быть совершенным? Нет, не идеальным, но несовершенства должны были быть очаровательными и восхитительными, а не такими.

Не мокрый кашель и перхоть, сыпь и красные глаза. Его недостатки должны быть больше похожи на его передний левый зуб, который слегка перекрывал правый, но был совершенно белым и ровным, как и все остальные. Они должны дополнять совершенство, подобно тому, как он двигался и ходил, как будто создавал свой собственный ветер. Не так. Не с движениями, которые причиняют боль. Не отхаркивающим кашлем в попытках прочистить горло и царапинами на коже.

— Андре хотел что — то взять из кладовки, — сказала она, и он прекратил писать, затем продолжил. — Я знаю, что ты сказал, чтобы я никому ничего не давал без твоего ведома.

— Дайте ему все, что захочет. — И все. Она стала рабой капризов Андре в пяти словах.

— И он хочет восстановить линию из матового джерси для Federated.

— Поручи это Тони.

Три слова, и Андре получил еще больше власти над отделом по производству лекал. Она даже не хотела спрашивать о зеленой сарже для «Дельфы», а то еще три слова Джереми

сделал бы Андре генеральным директором.

Он заполнил две страницы адвокатских записей и подсунул их вместе с набросками и ремарками под стекло.

— Спасибо, — сказал Тинто, прежде чем он повернулся к Джереми. — Я вытащу тебя отсюда. Адвокат не глядя передал Лоре желтую бумажку. — Тебе нужен пропуск в метро?

Лора посмотрела на Тинто, значит, домой она будет добираться одна. Так было даже лучше, ей не придется разговаривать по дороге домой.

— Нет, у меня есть.

— Никому не говори, что он болен, слышишь?

Лора посмотрела на Джереми, сгорбившегося за маленькой стойкой пытаюсь, справится с кашлем. Стекло между ними добавило еще больше желтизны его коже.

— Да. — Прошептала она и отвернулась. В окошко позади них постучали. Джереми поднял ладонь к стеклу. Его глаза так и кричали о болезни. Она подошла к нему, ожидая, пока он заговорит, но его губы сжались. Он разговаривает с ней рукой, прижатой к стеклу.

На мгновение она подумала, надеясь, что она его не так поняла, а затем коснулась его пальцев, прижимая ладонь к теплой части перегородки.

Он произнес:

— Спасибо. — И она неохотно отодвинула руку, уходя.

— Всегда, пожалуйста.

Этого было не достаточно.

Лоре удалось прочесть записки Джереми только в автобусе. Это были подробные инструкции по исправлению недочетов, открывшихся в ходе примерки, и рекомендации к показу. Он доверял ей корректировку основных швов, но стиль и длина были его прерогативой. Он убрал карманы, добавил петли пояса, удлинил швы, и поручил ей отгладить воротнички либо приподнятыми, либо классически опущенными. Даже написал напоминалку о том, чтобы куртка во время показа была расстегнута, чтобы фотографии увидели пуговицы на рубашке. Набросал скетчи с ремарками: «Хвост рубашки должен быть больше» или «Юбки должны быть или на шесть дюймов выше колена или на восемь дюймов ниже. Не больше, не меньше». И, наконец, заметка об «Аманде», сделанная усталым сбывающимся подчерком, больше напоминающем нечитаемые каракули: «Вязание крючком утверждено. Открытый вырез на спине одобрен».

Все дорогу до 49-ой она мысленно купалась скрытых похвалах от Джереми. На 49-ой женский голос вывел Лору из приятного ощущения сладких фантазий где ей было объявлено, что двери закрыты. Женщина — машинист извинилась за неудобства и объяснила причину, но из — за плохого динамика ничего нельзя было разобрать. Или она говорила не по — английски. Несколько пассажиров бросились к дверям, открывать их механически, используя зонта и сумки. Другие смотрели друг на друга как бы спрашивая:

«Что она сказала?» Уповая на веру в лучшее некоторые стали выходить в кое — как открытые двери, большинство по этой же причине осталось. Лора слишком удобно устроилась у окошка, чтобы куда — либо двинуться. С любовью смотря на исчирканный листок в руках, она задавалась мыслью, кому могло в голову придти, что человек, так увлеченный своим делом, потративший на его большую часть своей жизни, может убить женщину от которое зависело бедующее компании. Что еще более важно, как могла так подумать полиция? Что это за доказательства, о которых никто не знал? Это не может быть пропавший Т.О.Р. Или они просто не представляют, что он за человек? Причин было слишком много, а времени мало, большую часть его отнимал показ, и это расстраивало.

Поезд замедлился на 42-й, но не остановился. К тому времени, когда они добрались до 34-й улицы, пассажиры, уже не ожидали остановок, просто утыкались вновь в свои газеты или стиснув зубы ворчали, прижавшись лицом к окнам, смотря в неизменный черный пейзаж тоннеля. Наконец, на станции Юнион, поезд остановился, и двери распахнулись. Лора вышла с разгневанным потоком и продолжила свой путь по городу.

Когда она вышла на Лексингтон, толпа стала еще больше. Заграждения перекрывали движение, и пешеходы были отодвинуты на тротуары, что создавало еще большую пробку. Это было похоже на толкучку на Новый год на Таймс — сквер. Вертолеты булькали над головой, а по обочинам выстроились новостные фургоны. Акико Камичура стояла посреди улицы в платье Лиз Клэйборн и с микрофон в форме багета. Когда журналистка подняла руку показывая на толпу, та взревела, ведь они попали в выпуск новостей.

Большой красный кабриолет Mercedes с закрытой крышей поехал за катафалком. Лора вытянула шею, чтобы посмотреть, кто это был, и, конечно же, за рулем сидел Шелдон.

Очевидно, если ты сам ведешь машину, следующую за катафалком это, не слишком коробит память усопшей. Ему наверно, не слишком грустно, если он сам за рулем. Глупая и нелепая мысль стала кружится в голове у Лоры. Она заметила платок, или кого — то еще в

машине, поглаживающей его спину, но ее толкнули на три фута и Лора потеряли его из виду.

Мужчины и женщины в зимней одежде постоянно задевали Лору своими сумками, пальто и сапогами. Не было никакого шествия с песнопениями или плакатами. Одна сплошная давка, создающая хаос. Ворота и улица, ведущая от парка Греймерси, были заблокированы, и она оказалась посреди «культурной» пробки. Задача уэтой пробки была одна: оторвать людей от работы.

Стюдолжен был быть где — то здесь. Собрать факты и впечатления для своей колонки в Cull Chah Busted New-York. Этаккой смеси острого ума и эрудированности. Лора поискала его взглядом, но толпа была слишком плотной. Пока картеж лимузинов медленно проплывал мимо, Лора почувствовала необычайный прилив сил. Ведь убийца скорей всего, будет там, притворяясь, что скорбит, и она его обнаружит, расколет, и этот кошмар закончится. Спуск в метро, идущего в сторону Квинса остался позади, и она принялась расталкивать толпу, чтобы добраться до него. Но не успела она и двух шагов сделать, как двое полицейских растянули заградительную ленту через перила, закрыв станцию.

Как женщина, пойманная в огненную ловушку, Лора пробилась сквозь толпу. Она подползла под синимфургоном и выскочила прямо на центр улицы под колеса мчащегося лимузина.

Толпа, видя, как кто — то ворвался в зону полицейских и журналистов, разразилась диким восхищением. Толпе хватило секунды, чтобы разразиться бурными овациями смельчаку и начать скандировать: «Иди! Иди! Иди!». А Лора просто перебежала улицу не обращая внимание на правила и неравенство дохода. Через минуту девушка оказалась окружена полицейскими. Она застыла, и ее разум прояснился: «Что, я, черт возьми, делаю?». Она отмахнулась рукой и попыталась сбежать с пути встречного лимузина, но не успела. В мгновение ока её схватили, прижав руки и ноги к туловищу и вытащили с проезжей части обратно в толпу. Разом нахлынуло ощущение жара и шума, спасаясь от которых она вздернула лицо к небу.

Её протащили через улицу, но она не могла сказать, в какую точно сторону её ведут, на север или на юг. Затем раздались голоса, и направление изменилось. Правда радоваться или нет — она не знала.

Неожиданно возникло лицо Кармеллы и Дэвида, которого она едва узнала без стойки регистрации. Хотелось, чтобы Джереми тоже появится в этом сне. Даже больной. Даже с шелушащейся залысиной и конъюнктивитными глазами. Она закрыла глаза и подумала о нем, когда кто — то дернул ее в машину.

Хлоп.

Тишина. Мягкий гул под ногами. Лора закрыла глаза и погрузилась в то, что казалось похожим на сиденье автомобиля. Приоткрыла один глаз. Она была в лимузине, маленьком, с двумя задними сиденьями, медленно между фургонов.

— Что произошло? — итальянский акцент Кармеллы и широко распахнутые глаза сделали момент еще более драматичным.

— Я пропустила остановку. Лора отмахнулась, как будто это был вполне нормальный способ поймать лимузин. — Извини, — сказала она Дэвиду, который сидел напротив нее.

Прежде чем он успел закрыть стильную коричневую папке с красной молнией, он успела заметить дизайнерские эскизы и изящные образцы тканей.

— Хорошо, что я вышел и успел тебя схватить, — сказал Дэвид. — Они были готовы приложить тебя электрошокером. Лора плохо помнила последние тридцать секунд. Он

продолжил: — Если бы я знал, что ты опаздываешь, то подождал.

— Лора никогда не опаздывает, — отмахнулась Кармелла. — В Милане похороны проходят дома. На дверь вешается специальное объявление, и люди просто проходят выразить соболезнования.

Дэвид неожиданно вздрогнул.

— В Милане приглашение на поминки просто печатается в газете. Это в деревнях вешают объявление на дверь. Он устоял на Кармеллу, и она откинулась назад, уже готовая к спору, но что — то остановило ее. — Ведь так?

— Так, — сказала она тихо. И глядя на Лору, и добавила: — Я имела в виду в Умбрии, где жила моя семья. Кармелла показала на Лорину юбку. — На похороны в коричневом? Искоса посмотрев на Лору спросила Кармелла.

— Это новый тренд. — Лора разгладила юбку. Она пережила давку и объятия полиции, но подол был все равно мокрым от асфальтной грязи. Она взглянула на Дэвида, который что — то писал в телефоне, поджав губы, избегая ее взгляда. Ничего не оставалось как просто перевести взгляд.

— Ты ездила в Квинс? — спросила Кармелла.

— Конечно, — ответила Лора. Стандартный ответ в качестве отмазки. Однажды она и правда была там, когда ездила забирать Руби из ужасного складского клуба на Хантер-поинт. В другой раз это был переезд друга в более дешевую квартиру. Застрявший поезд.

— Виделась с Джереми утром?

— Да, сегодня у него какое — то предварительное заседание.

— Как он?

— Как и всегда. Но ворчливее. — по — другому ответить было и нельзя. Ведь Дэвид сидел напротив и все слышал. — iPad с собой? — спросила Кармелла. — Или ты посеяла его, преследуя машину?

Лора вытащила планшет.

— Может, пройдемся по заметкам позже?

— А толку? Заняться все равно нечем. Проведем время с пользой.

Лора открыла фотографии и заметки и начала их просматривать. Кармелла делала заметки шариковой ручкой на желтой бумажке рядом с пометками Джереми. Когда они добрались до обнаженной спины Ноэ, она вздохнула.

— Это будет просто бомба, — сказала она, в очередной раз прокручивая проход модели по подиуму в облаке муслина и вязаного белого кружева, выгодно лежавшего на темной коже.

— Она будет шикарнейшей, — ответила Лора.

— Ты когда —нибудь видела ее без макияжа?

— Нет, наверное.

Кармелла наклонилась ближе и понизила голос. Дэвид что — то печатал в ноутбуке и, по всей вероятности, слушал каждое слово.

— Я видел ее на ужине с Пьером Съевоном, в «Грот». В субботу вечером.

— Боже мой, Кармелла. В котором часу? Полиция не спросила тебя об этом?

— Конечно, спросила. Но на самом деле ничего интересного. Ноэ проплакала в туалете и макияж сошел. Даже и не скажешь без него, что она модель.

— Трудно по плачущему лицу сказать, модель человек или нет.

— Это то да. Но модели должны быть твердокожими. А стоило Грейли назвать Ноэ

лакричной палочкой, а Пьеру посмеяться над этим, и ты не представляешь реакцию барышни.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

И как она отреагировала? — спросила Лора.

Кармелла пожала плечами.

— Да как, просидела в ванной пол вечера, пока Грейси не отправила меня её успокаивать.

Как последнюю школьницу. Вся раковина была в испачканных косметикой салфетках.

Она даже не обратила на меня внимание. И я вынуждена была стоять там, пока она не успокоится. Грёбаная профессиональная этика. И все это время, эта моделька вела себя как настоящая сука. — слово «сука» с Кармеллиным итальянским акцентом прозвучало еще грязнее.

— Она плакала из — за расистских шуточек Грейси перед Пьером Севьеном, и по — твоему она сука?

— Она была просто ужасна. Я даже не хочу об этом говорить. — лицо Кармеллы слегка побледнело. Она действительно не хотела говорить об этом. Должно быть, в туалете в «Гроте» произошло что — то по истине ужасное.

Лора взглянула на Дэвида, не сует ли он свой большой нос с очками, не в свои дела.

Видимо, нет. Лору беспокоила мысль:

— С чего портье едет в лимузине?

— У нас обоих широкий круг обязанностей. — улыбнулся Дэвид.

Она задумалась. Стоит лучше следить за языком.

— Дэвид, что Шелдон ищет?

— В смысле?

— Лора! — воскликнула Кармелла. — В самом деле!

— Действительно. Его жена убита, а он на следующий день изучает грессбухи? Что он ищет? Двойной учет? Давай. Тебе не приходило в голову, что если расскажешь мне, я могу помочь?

— А я думал, ты просто модельер?

— Возможно, я именно тот, кто вам нужен. Потому что, что бы он ни искал, навряд ли он знает, где искать. Контракт? Он адвокат, либо он у него, либо Шелдон имеет к нему доступ. То же самое касается и налогов его жены. У грессбухов компании, которые хранятся на Меэлисон Авеню, есть вся информация, и он легко может её получить. Но если дело в бухгалтерии то, что он ищет? На Мэдисон — авеню, и даже если он их найдет, что он ищет? Недостачу? Откаты? Почему он хочет нас закрыть? Почему держит открытыми? Что же там такое важное, что он приходит через две секунды после ареста Джереми? Или он пытается что — то на него повесить? И если он пытается что — то повесить, это что — то находится на жестком, диске компьютера босса. Дэвид, мне просто интересно. Этот парень приходит в офис и угрожает закрыть нас, потому что у него плохой день, и я начинаю задаваться вопросом, что он еще может выкинуть? Потому что, знаешь, я хочу помочь ему найти то, что он ищет, чтобы он просто свалил, и мы спокойной работали дальше.

Дэвид откинулся на спинку кресла и постучал пальцем в губы.

— Как думаешь, он любит свою жену?

— Я не понимаю, как это связано?

— Думаю, что нет. Его жена убита в офисе. Разумеется, ему нужно провести

экспертный учет всего бизнеса Грейси. Что бы ты делала?

— Напилась. Погуляла с друзьями. Навестила бы маму. Много чего.

— Нет. Если бы ты была Шелдон ом Померанцем, ты бы искала причину, по которой потеряла бизнес своей очаровательной женушки.

— Окей, но это явно не ищут в учетных книгах. — Машина остановилась на какой — то неизвестной дороге на кладбище в Квинсе.

— Ты права, — сказал Дэвид. — Ты модельер.

Брошенное замечание не выглядело жестоким или болезненным, но в расстановке пауз слышался вызов.

Похороны были как сцена из фильма. Все в черном. Прада. Такун. Поппи Делевинь.

Прически у всех идеальны, даже в холодной сырости кладбища. Никто не дрожал или не держал руки в карманах. Кроме Лоры, конечно. Она не закончила свой макияж и волосы в машине Тинто и чувствовала себя, как пятно от варенья на белой блузе на светском рауте.

Гроб парил над травой, как космический корабль. По форме он напоминал викторианский особняк, а блеск посеребренных деревянных ручек делал его похожим на спорт-кар. Какой — нибудь архитектор или дизайнер обязательно должен был запатентовать этот «шедевр», но нигде не было видно ни лейбла, ни дизайнерского клейма.

Дэвид остановился на стороне Шелдон а в группе скорбящих. Шелдон вел себя так, как и полагается обезумевшему от горя мужу. Она подумала подойти к нему, но потому передумал. Все — таки они были не близко знакомы. Он её лица до убийства никогда не видел, так что навряд ли ему были нужны её соболезнования.

Лора встала рядом с Кармеллой в надежде, что её недостатки скрасятся грациозностью итальянки. Прибывало все больше и больше машин. И больше всего девушка хотела оказаться сейчас дома, в своей съемной квартире с «адской» кухней.

Кармелла знала людей, о которых Лора читала только в газетах, и вмешивалась в их шепот и сплетни, как капля шоколада в смесь для мраморного торта. Кармелла так быстро влилась в окружающую их обстановку, что вскоре Лора обнаружила, что стоит одна, пряча озябшие руки в карманы, разгадывая загадку шелковых отрезков, времени убийства и размышляя, возникло ли у полиции столько же вопросов, сколько и у неё.

Поэтому, когда к ней подошел мужчина, она вздрогнула от неожиданности. Он засмеялся, показывая свои запломбированные зубы. Она даже не сразу признала в нем Пьера Севье. С их последней встречи он слегка полысел и на висках прибавилось седины.

Одет он был в черный шерстяной костюм на четырех кнопках с укороченными рукавами, который буквально месяц назад мелькал на парижских подиумах.

— Простите, — сказал он. — Мне показалось, что я вас знаю.

— Вы были наставником моей сестры Руби в Парсоне. У нас похожий цвет волос. — Полнейшая ложь. Волосы Лоры были прямыми как палки, независимо от погоды, а у Руби всегда ложились блестящими завитками, независимо от того, укладывалась ли она утром или нет. Однако у обеих они были пшеничного цвета, который не нуждался подкрашиванию. — У нас разница в десять месяцев. Поэтому мы оказались в одном классе. — она протянула руку для рукопожатия. — Лора Карнеги, никаких отношений с парнями из клубов.

— Очень приятно. Сейчас я тебя начинаю припоминать. Своеобразное платье — оригами твоих рук дело? — он припомнил её четвертый год обучения и её проект толи платья, толи рубашки, толи пончо из накрахмаленной марли и ниток. Это сооружение без подробной инструкции и одеть — то было сложно, и которое чуть не лишило её зачета.

— Жаль, что встречаемся с вами при столь печальных обстоятельствах, — сказал Севье.

— Да. Мы будем скучать по ней, — солгала Лора. Увидев подозрительный взгляд Пьера, она добавила. — Я работаю в Джереми Сент — Джеймс. Я модельер.

— Я слышал, что Сент — Джеймс болен.

И она тут же, как мать — медведица, кинулась на защиту.

— Я видела его сегодня утром, и он выглядел здоровым.

— Я спрашиваю, потому что, я уверен, вы слышали, Шелдон Померанц берет контрольный пакет акций компании.

— Он не может этого сделать!

— Если Джереми болен, может. Это прописано в контракте.

«Снова этот проклятый контракт», — подумала мисс Карнеги.

— Ну, я знаю все из первых рук. У Джереми все в порядке. Он будет на показе в пятницу.

— О, тогда там его и увижу. — Севье улыбнулся так, как будто ему только что вручили приглашение.

К ним подошла женщина с длинными прямыми белыми волосами и, коснувшись его плеча, прервала их диалог, что — то быстро заговорив на французском. Их маленький разговор растянулся на вечно, и Лора все больше и больше стала ощущать себя идиотом, который не хотел отпускать неожиданную компанию Пьера Севьена. Она хотела расспросить его об ужине, о плачущей Ноэ, о Кармелле, превратившийся в злобную акулу, но боялась, что она не найдет способа перевести разговор в нужное русло.

Женщина с прямыми волосами выглядела странно знакомой. Лора не могла ее вспомнить, но она была уверена, что раньше видела ее. Чтобы перестать пристально пялиться, Лора огляделась в поисках знакомых с кем можно было бы перекинуться парой слов. Но все были либо заняты, либо далеко. Шелдон, которого она избегала, получал соболезнования от Кармеллы. Невысокая женщина с прической аля «Средний Запад» и идеально сидящим на ее фигуре костюмом, обнимала адвоката. Кармелла улыбнулась ей, и все трое перекинулись несколькими словами, прежде чем миссис «Средний Запад» отправилась прогуливаться под руку с дизайнершей.

В тот момент, когда Лора уже собиралась сказать вежливое «Извините», к ней повернулся Севье.

— Кто это? — спросила она, указывая на миссис «Средний Запад». Тыкать в людей пальцами, конечно не очень красиво, но любопытство брало верх.

— Она — владелица магазина в Бруклине. Дизайнерский аут лет... — Он щелкнул пальцами и у Лоры сразу же возникло имя, сорвавшись с языка как выдрессированный щенок.

— «Centennial». — сказала женщина с белыми волосами сильным восточно — европейским акцентом. — Это Шонда Гровниц. Лора поняла, что холм тихо уходит из — под ног. Даме со странной прической было не больше сорока с небольшим. «Неплохо сохранилась», — мелькнуло в голове.

И хоть Лора никогда не слышала имя Шонды Гровниц, зато все слышали о «Centennial», большом дизайнерском магазине в Бруклине. Люди, которые посещали «Centennial», не нуждались в необычном обслуживании или превосходном шоппинге. Им нужна была только одежда. Красивая одежда. Одежду они могли показать своим друзьям. Одежда, которую они не могли себе позволить, но очень хотели убедить окружающих в обратном.

«Centennial» скупал излишки, незначительный брак, коллекции прошлых сезонов и выпускных классов дизайнерских училища и перепродавал их старшеклассникам, работающим матерям и старым дамам, которые хвастались о приобретении раньше или одновременно с лейблом.

Шонда поправила свой баснословно дорогой кашемировый шарф работы Гермеза. Он был коричневым и абсолютно не сочетающегося оттенка с военно — морским пальто.

— Это моя жена, — Севье представил женщину с прямыми белыми волосами, — Гортензия.

Гортензия не особо дружелюбно посмотрела на Лоры, которая ответила тем же, хотя и мучилась вопросом, где они могли пересекаться сдруг другом, Севье продолжал: — Я рад, что Джереми здоров.

— Полностью. Он дал мне две страницы заметок на пятничное шоу, а затем поговорил со своим адвокатом о слушании и выходе под залог или что — то вроде того. На самом деле его никто не мог заткнуть. Он будет на шоу, если они его отпустят, а если нет, все равно это будет потрясающе. Её речь перешла в бессвязное бормотание, поэтому она была благодарна, когда Севье её тактично прервал.

— Вы сдержаны и верны. Мне это нравится в дизайнере.

— Я модельер.

— Было очень приятно встретиться с вами, мисс Карнеги. Он протянул ей руку. Она восхищалась его прелестью и изяществом и понимала, почему он был Пьером Севьеном, а она была просто Лорой с причудливой фамилией. Прежде чем уходить, он протянул ей визитку, и присоединился к толпе, собравшейся вокруг гроба. Лора посмотрела на кусочек картона. На нем было только его имя, имя его компании, должность и номер телефона в апельсине на фоне зеленого яблока. Она не знала, будет ли надобность её использовать, но все равно положила в карман.

Похороны были богаты на разговоре и скупы на слезы, и пропитаны ладаном.

Священник не прекращал говорить. Люди прошептались и притворялись, что внимательно слушают. От Шелдон а, что ворвался к ней за день до похорон, не осталось и следа. Тяжело было смотреть, как он скорбит. Лора попыталась поймать взгляд.

Кармеллы, но та мастерски его отводила. По — видимому, весь международный этикет в мире не научил её манерам.

Лора долго спорила сама с собой, потом поняла, что не будет другой возможности делать то, что она хотела. Она нырнула за дерево и достала телефон. Её надоело слушать об этом контракте от всех, и оставаться в неведении.

Кто сегодня может быть на работе? Она мысленно пробежала по кабинетам. Мастерская вся стояла рядом, продавцы, скорее всего, взяли работу на дом, но мысль о продавцах привела её на другую половину офиса, к большой белой двери. Йони.

Йони была проницательна, амбициозна и профессиональна. Она даже устроила Лоре хорошую взбучку, когда та впервые пришла к Джереми. В этом конечно нет ничего личного. Внезапно единственным человеком в офисе, на которого можно было положиться оказалась Йони.

— Производственный отдел, слушаю, — подняла трубку Йони.

— Это Лора.

— Чем я могу тебе помочь, Лора? А то скоро на стену полезу от скуки.

— Что вы знаете о контракте между Джереми и Грейси Померанц. А то все о нем только и говорят.

— Да? — сказала Йони скучающим тоном.

— Да, но я его никогда не видела. Он у вас есть?

— Нет.

— Шелдон и его ищейки здесь, на похоронах.

Молчание. Складывалось ощущение, что Йони подумала, что она сваливает на неё свои проблемы.

— Знаешь, он не валяется в свободном доступе.

— Конечно, нет. Я понимаю.

— Они более осторожны, чем кажется. На их счастье.

— Да, ты права. Я сглупила. — Лора подняла взгляд и увидела приближающихся детективов Канингеми и Самуэльсона. Конечно, они пришли на похороны жертвы убийства. О похоронах же даже по телевизору передавали.

— Береги себя, — сказала Йони. — Увидимся в понедельник.

Лора отключилась сразу же как подошли Канингеми и Самуэльсон.

— Мисс Карнеги, мы хотели задать вам несколько вопросов.

Она посмотрела на мужчину.

— Вообще — то мы на похоронах.

— Но вы совсем не участвуете, — заметил Канингеми.

Хотелось сказать, что ей позвонили, но вырвалось:

— Может мне на гроб броситься и волосы на себе начать рвать.

— Мы можем подождать это зрелище. Не так ли, Самуэльсон?

— Ага.

Она огляделась и решила, что, больше на кладбище делать нечего, а её предлагают бесплатную поездку обратно в город, поэтому не стоит отказываться.

Лора крутила в руках бумажную чашку с кипятком. Скорее от скуки, нежели её действительно хотело пить. Горячая вода, к сожалению, было все, что могла ей предложить маленькая кухонька с давно сломанной кофе машиной, которая находилась в полицейском участке. Она сидела в темной комнате перед видеомонитором. Стойкий запах одеколона Канингена заполнял все пространство комнаты. В голове Лоры вдруг как то само собой возник очень, казалось бы, странный на первый взгляд вопрос «Это вообще нормально для детектива? Одеколон?» Лора бросила на мужчину быстрый взгляд. Опухшие глаза, заторможенные движения. Судя по всему и запах, это последствия вчерашней ночи. Хорошо ему. И почему только с Кармеллой происходит все самое интересное?

Он провел по монитору, и на экране показалось черно — белое изображение розы ветров из холла её офиса, запись делалась откуда — то сверху.

— Это время? — она указала на ряд цифр внизу экрана.

— Да. Не беспокойтесь об этом. Мне нужно, чтобы вы помогли идентифицировать некоторых людей — уточнил Канингена.

Он перемотал запись до момента, пока в холле не появилась женщина. Она подошла к лифту. На времени было 1:06 утра. Лора признала в женщине Грейси Померанц из — за ее меховой шапки и пальто, но изображение было таким расплывчатым и размытым, что это мог быть кто угодно. На экране монитора Грейси не переставая вытирала слезы платком.

— Это Грейси, — сказала Лора. — Она плачет, потому что... вы слышал о соре в «Грот»?

— Да. Он пожал плечами, как будто она сказала что — то не существенное. — И этой же ночью она поссорилась со своим мужем.

— И у вас не возникло мысли, что убийство мог совершить Шелдон?

— Нет. У нас есть четыре человека, которые после ссоры, всю ночь играли с ним в покер, и на записях камеры наблюдения его и в помине нет. Трудно убить кого — то, если тебя нет в здании.

Тем временем, Грейси вошла в лифт. Канингеми перемотал время на 1:43 утра. В лифт вошел человек в длинном черном шерстяном пальто.

— Это... — она сделала паузу и призадумалась. — Джереми или Чилли, или я не знаю кто.

Это может быть кто угодно.

— Мы полагаем, что это ваш руководитель отдела продаж, — сказал Канингеми. — Француз.

— Бельгиец, — поправила его Лора.

Мужчина снова промотал запись, уже на 1:54. Вновь появилась Грейси, уже выходя из лифта, со шляпкой одетой набекрень так, что меховой хвост падал на лицо. Она остановилась, замерла, а потом вернулась в лифт.

— Как будто она что — то забыла, — сказал Канингеми.

— Она неправильно надела шляпку, — заметила Лора. — Она перекрутила ее у себя на голове. Хотя возможно, она хотела так спрятать заплаканные глаза или еще что —нибудь.

3:15. Появилась еще одна женщина в коротком бомбере, сапогах и лосинах. Лора мгновенно узнала её по одежде.

— Это Кармелла!

— Да.

— Но что она там делала в три часа ночи?

— Она пробыла там не более десяти минут. Ходила в туалет. Мы нашли свидетелей, которые подтвердили, что она весь вечер находилась на вечеринке, примерно в трех кварталах от вашего офиса. Там было слишком много народу, и все кабинки были переполнены. И, обычно, мы не подозреваем женщин в удушениях. На это нужно слишком много сил.

— Кармелла достаточно сильная.

— Без разницы. Грейси Померанц была пожилой дамой, но она была в отличной физической форме.

Лора скрестила руки на груди. Все это было не серьезно. Половина офиса приходила до восьми часов, включая Джереми.

— Пойдите, — она ткнула пальцем в экран. В вестибюль вошел человек в возрасте двадцати лет, одетый в белый спортивный костюм и кроссовки. Пересек холл и прислонился к стене.

Канингеми остановил ленту.

— Этот парень. Ты его знаешь?

— Он был на вечеринке. Я видела, как он спорил о чем — то с Кармеллой.

— О чем?

— Там было так громко, что не слышала бы и свой крик, а не то, что происходит на другом конце комнаты. Но Кармелла была зла. Она постоянно тыкала ему в лицо пальцем, как будто что — то доказывала. Подождите, кажется, я вспомнила. — Она скривилась, пытаясь вспомнить, что её говорила Кармелла. — Она рассказывала, что он чуть не врезался в неё на Восьмой. Он что преследует её?

— Мы понятия не имеем — признание Канингеми не выражало ничего кроме любопытства. Он снова запустил видео.

На экране мужчина ходил по вестибюлю, оглядываясь по сторонам, садился за стол швейцара, боксировал со стеной, расчесывал пальцами волосы, горбился и скучал. У него была короткая стрижка и сильно выдающаяся вперед челюсть. Он снова начал нарезать круги по вестибюлю, словно от движения зависела его жизнь. Неожиданно он остановился и посмотрел прямо на камеру, а затем развернулся и вышел.

Еще через минуту из лифта вышла Кармелла и вприпрыжку побежала обратно на вечеринку. Запись снова встала на перемотку, цифры внизу мелькали с невероятной скоростью. Пока не остановились на отметке в шесть часов.

Через вестибюль прошел парень — уборщик, волоча за собой ведро на тележке. Потом несколько женщин с конскими хвостами, а затем человек, одетый в шерстяное пальто и с чашкой кофе в каждой руке. Нижняя половина лица была закрыта шарфом, поэтому узнать его по изображению на камере было не возможно. Честно говоря, качество записи оставляло желать лучшего. По ней Лора с трудом могла определить, худой или толстый перед ней человек, высокий или низкий, и уж тем более Джереми это или нет.

— Полагаю, это одна из чашек, что была пролита на ваш стол.

— Мои ножницы по — прежнему у вас.

Самая ужасная вещь заключалась в том, что Лора знала, что к тому времени, когда этот парень вошел в лифт, Грейси уже была мертва. Таким образом, это должна быть либо

Кармелла, либо неизвестный, либо Шелдон.

— Сейчас 7:28, — сказала она, указывая на время в нижней части экрана. — Можете поставить на «стоп»? — детектив исполнил его просьбу. Лора приблизила лицо к экрану.

Даже без шарфа было бы невозможно отличить парня с двумя кофейными чашками от кого — либо еще из сотрудников. — Вы уверены, что это Джереми?

Канингеми не ответил.

— В этом то и проблема, не так ли? Вы не можете с уверенностью сказать, он это или нет.

Все, что у вас есть, — это пропавший Т.О.Р и волокна. И даже если это он, то что?

Как будто он ожидал такой реакции и щелкнул на кнопку «play» на другом мониторе. На экране снова появилась роза ветров. У лифта стояла небольшая группа людей, а время показывало 7:37 утра. Судя по всему, запись была недельной давности. Детектив нажал на паузу и указал на две фигуры.

— Узнаете их?

— Тот, что пониже — я, а другой — Джереми.

Он быстро перелистнул на другой день. На экране замельтешили люди, а потом холл снова стал пустым. Следующая остановка в 7:28 утра.

— А этих двоих?

— Снова я и Джереми.

Он нажал кнопку на другом экране, и река людей потекла через розу ветров нескончаемым потоком. В ночные часы поток замедлялся, а ближе к 7 утра увеличивался вновь. В этом было что — то по истине удручающее. Полная предсказуемость действий и фатальная реальность. Сколько бы людей не входило и не выходило из этого лифта, для камеры сверху они представлялись лишь размытыми точками.

Канингеми застыл на 7:31 утра и указал на две затемненные фигуры.

— Вы видите здесь образец?

Она сложила руки. Может ли он действительно подразумевать то, что, по ее мнению, он подразумевал?

— Я знаю, что он ваш босс, — сказал детектив, прислонившись к монитору, — И что он, на четыре или пять лет старше вас?

— Никто не сказал вам, что он гей?

— Все сказали, кроме коронера Грейси Померанц. Он довольно убедительно доказал, что ДНК Сент — Джеймса находилось там, где гею быть не зачем.

Её глаза расширились от недоумения.

— Вы говорите... — она не смогла закончить предложение.

— Говорят, ему было девятнадцать лет. Он никогда не говорил тебе?

Она открыла рот, но ничего не смогла сказать. Детектив смотрел на неё изучающим взглядом, полным жестокого сочувствия. От столь пристального внимания у Лоры задергался глаз. Канингеми изучал ее с жестоким, пронизывающим насквозь вниманием.

Лора чувствовала, что каждое с каждой минутой тик усиливался.

— Вот какая интересная картина, получается, — сказал он, положив локти на колени. — У меня есть двое, которые приходят в офис вместе ни свет, ни заря, по меньшей мере, три раза в неделю, и до прихода остальных сотрудников, проводят наедине как минимум десять минут. Один из них постоянно навещает другого в Рикерсе. А все в офисе в один голос утверждают, что эти двое чрезвычайно близки.

— Почему тогда, эти все позволяют миру думать, что их босс гей?

— Понятия не имею.

— Вот и я не знаю, что сказать.

— Может быть, у вас есть ДНК, о которой вы хотите мне рассказать? — он посмотрел на нее с ухмылкой, и Лоре осталось лишь гадать, шутит ли он, чтобы смягчить вопрос, или, если он был серьезен, то это наивысшее хамство.

— Подобное даже слушать не хочу, — ответила Лора.

— Может быть, мне следует задать более прямой вопрос? — С невозмутимым видом продолжал Канингеми.

Лора потеряла дар речи. Её обвиняли в том, что она спит со своим боссом. Несколько дней назад эта мысль и в правду была бы восхитительная. Но все же, сейчас ей совсем не хотелось оказаться в списке подозреваемых в убийстве.

— Я не сплю с моим боссом. — Как можно спокойнее ответила Лора.

Он откинулся назад.

— Вызнаете, что Сент — Джеймс хотел порвать с Померанц? А она искала способы погубить его. Мы сможем выйти на вариант о непредумышленном убийстве, если он признается.

— А знаете ли вы, — спросила Лора, — что накануне, у Кармеллы случился конфликт с Грейси? И не у нее одной. Она так же оскорбила Ноэ перед всеми гостями Пьера Севона?

— Она грубила многим, мы знаем.

— Она была мстительной, злобной сукой. Джереми, вероятно, был единственным человеком, который терпел её, и она наплевала не него. Даже из могилы она все еще портит ему жизнь.

— Расскажи мне о платье «Ноэль». Слегка наклонив, голову и продолжая смотреть, в упор на Лору спросил Канингеми.

— Нечего рассказывать. — Ни сколько не смущаясь заданному вопросу, ответила Лора.

— Ваш коллега сказал, что пару недель назад он услышал крик за закрытыми дверями.

В памяти сразу мелькнул Андре. Этот надменный ублюдок. Я засуну «Дельфи — Грин» в его задницу, но до этого я должна была рассказать историю так, какой она была. И с этим уже ничего нельзя было сделать. Он может обвинить её в чем угодно. В жарком романе со своим босом. В убийстве его любовницы. Но она не позволит обвинить её во лжи, как пятилетнюю, укравшую печенье из коробки.

Лора выпила воду и погладила пустую чашку. В комнате по — прежнему стоял полумрак.

Лишь свет монитора освещал половину лица Канингеми. Из — за этого казалось, что детектив её внимательно слушает, но записная книжка его так и осталась лежать закрытой на столе.

— Вы же видели, как выглядит наша рецепция. — Когда он кивнул, она продолжила — Каждые шесть месяцев мы проводим полное обновление этого помещения. Прямо сейчас он отделан под Матисса. В таком же стиле сделан и магазин, куда отправляется большая часть нашей коллекции. Но все не так просто. Помимо визуальной составляющей, такое частое изменение интерьера призвано благоприятно влиять, на покупателей, мотивировать их на приобретение нашей продукции. И что самое главное на Грейси.

Итак, в тот день, она вызвала меня к себе по интеркому. У всех моих коллег, разумеется, сразу же возник вопрос: «О, а что она такого сделала?». По пути в её кабинет я прихватила

лежащий на стуле чехол на молнии, из — под низа которого торчал кусок серого тюля. Это было платье «Ноэль», которое Джереми сделал специально для Грейси много лет назад. Оно единственный в своем роде шедевр, хоть и весит почти четыре килограмма из — за стеклянных стразов. Когда я вошла в её кабинет, она швырнула мне платье прямо в лицо со словами, что его нужно уменьшить до четвертого размера. Но я дважды снимала мерки, и дважды перекраивала платье. Я стала ей объяснять, что снова изменять размер невозможно. Ткань еще одного перешива не выдержит. В этот момент вошел Джереми. Я уже наперед знала, что он примет сторону Грейси и платье будет безнадежно испорчено, и в этом буду виновата я, хотя это не так. У неё не четвертый размер. Шестерка на крайний случай, и то только утром, потому что за день она набирает до восьмого. И вообще в течение дня она часто выглядела несколько неряшливо.

Канингеми прервал Лорин монолог.

— Вы, можете сказать какой у человека размер одежды, лишь взглянув на него?

— Это моя работа.

— И вы сказал ей, что днем она выглядит неряшливой?

— Нет, конечно, нет. Я сказал ей, что смогу снять с неё мерки после обеда. Таким образом, я бы получила чуть больший результат. Как вы понимаете, я не могла просто переделать платье под четвертый размер. Она об этом хорошо знала, поэтому заявила, что если это не могу сделать я, то пусть сделает кто — то другой. Она посмотрела на Джереми: «Ты согласен со мной?» Тут я подумала, что обречена, но Джереми сказал:

«Она действительно не может, Грейси. Форма уже искажена. Её уже невозможно переделать». Потом она начала психовать и говорить: «Вы считаете меня полной?» и все в таком духе, хотя Джереми совсем не это имел в виду. Она скандалила как сумасшедшая, поэтому я постаралась выскользнуть из комнаты, но она схватила это четырех килограммовое платье и бросает его на меня со словами: «Мне нужно это сделать к субботе». А я в ответ: «Что? У меня уже есть работа» и добавила, что моя работа не включает в себя перешивку антиквариата.

Канингеми ухмыльнулся.

— Вам не говорили, что вы очень похожи на нее.

Лора пожала плечами, стыдясь своего поведения. Мама всегда говорила ей: «Ты не можешь спорить с двумя вещами: сумасшедшим и менопаузой», а потом начинала объяснять, как побороть вторую. Хуже всего, что она такими темпами лишится репродуктивной функции раньше Андре.

— После этого она сказала мне, что моя работа — делать ее счастливой, потому что она подписывает мою зарплату, а я ответила ей: «Знаете, у меня есть эта работа, и я могу нормально питаться, как и большинство людей. Но так же есть правила. Например, мы не ваши рабы, если в семидесятые вы выбрали правильного студента, который сделал вас богатой, то это не дает вам права так с нами обращаться».

Канингеми засмеялся, но Лоре его смех не понравилось. Она почувствовала, что краснеет от своей несдержанности.

— Я чувствую себя идиоткой. За то, что сказала это.

— И что произошло дальше? — спросил он, все еще улыбаясь.

— Вошел Андре с каким — то листом бумаги, чтобы задать вопрос, но он, вероятно, просто стоял и подслушивал. Грейси успокоилась, и сказала взять платье и переделать на четвертый, иначе Джереми найдет кого —нибудь другого на мое место. На что Джереми

возразил, что у него нет других Лор. И что деньги вообще — то общие. — Лора сделала паузу, позволяя детективу переварить весь рассказа. — Это был предпоследний раз, когда я её видела.

— Ты переделала платье?

— Да, не спала две ночи. И даже не получил благодарности. Она только что отправила какого — то парня, чтобы забрать его, и когда я увидела ее в офисе через неделю, заявила, что платье её мало в груди. Знаете, трудно что — то переделывать, не имея рядом модели.

Канингеми кивнул и закрыл монитор.

— Я не убивала ее за платье «Ноэль».

— Ты подразумеваешь, что убила ее за что — то еще? — С ехидством спросил Канингеми.

— Я подразумеваю, что это самое худшее, что она когда — либо делала со мной, и это не стоит убийства.

— Не хочешь рассказать мне, как кофе разлился на твой стол?

— Когда я пришла, он уже был пролит. Я говорила вам.

— А почему вы опоздали в тот день? Где были до того как пришли?

— Преследовала девушку в поддельном пальто на 29-й улице. — Поймав изумлённый взгляд, продолжила Лора. — Это было пальто от Сент — Джеймса. Мне нужно было выяснить, где она его купила.

— Есть еще что —нибудь, что вы бы хотели нам рассказать? Что —нибудь о ваших отношениях с Сент — Джеймсом, или об утре, когда вы нашли Грейси Померанц?

У Лоры внезапно появилось желание прекратить весь тот ад, в который превратилась сегодняшняя беседа. Все, что бы она ни сказала, теперь, звучало как оправдание или извинение. Но она взяла себя в руки. Вспомнились сцены из вечерних шоу про полицейских.

— Вы меня арестовываете?

— Нет.

— Хотите сказать, чтобы я не покидала город?

— Читаете мои мысли.

— У вас есть еще вопросы?

— Разве не для этого я прошу вас остаться в городе?

— На них я буду отвечать только в присутствии моего адвоката.

— Не желаете ли еще воды? — спросил он, указывая на бумажный стаканчик.

— Нет, спасибо.

— Ваши ответы очень интересны, — он фальшиво улыбнулся. — Но мы не можем использовать их в суде.

Она скомкала чашку и бросила ее в мусор. У нее не было настроения очаровать копа.

Лора села в поезд и в оцепенении уставилась в черноту туннеля за окном. На глазах навернулись большие, жгучие, глупые слезы, от которых девушка только злится начала.

Маленькая идиотка, набитая дура. У Джереми был роман с его поручителем. Конечно, он был. Почему его не должно быть? Это был его бизнес.

Она занялась тем, чем занималась всегда при плохом настроении. Складывать и вырезать различные фигуры в уме. Вырезать и складывать. Делать все, что угодно, лишь бы вытравить из мозга картины переплетенных тел Джереми и Грейси.

Она плакала, не потому что Канингеми в значительной степени обвинил ее в убийстве.

Нет. Она плакала, потому что так не правильно думала о Джереми. Все говорили, что он

гей, и она поверила в это. Она думала, что у них были отношения, целомудренные, но отношения. Но и таких отношений у нее не было. У них с Джереми ничего не было.

Отношения были лишь в ее сознании, с человеком, которого не существовало. С человеком, которого она считала известным. С человеком, которого она считала единственным, только потому, что его невероятно высокие стандарты дисквалифицировали большинство людей, которых он встречал.

Но у него была женщина, хотя и несовершеннолетняя, но была. Он был обычным человеком, с сердцем, душой и мотивами, которые не разгадать и за всю жизнь.

Она ругала себя за свою глупость и незрелость. Она глядела в зеркало и думала, что отражение — это реальный человек. Но это был только образ человека, который никогда не существовал. А она в него влюбилась.

Вернувшись домой, она сразу же позвонила Тинто.

— Мне нужен адвокат. Полиция думает, что я спала с Джереми. И поэтому прикрываю его.

Тинто вздохнул.

— Я не смогу быть твоим адвокатом. Я не могу представить вас обоих.

— Почему нет? Знаете ли вы, что полицейские говорят, что мы с Джереми были вместе?

Уильям Кунстлер защищал всех «черных пантер». Почему вы не можете?

Он прервал бесконечный поток вопросов Лоры:

— Успокойся и перестань тараторить. Я поищу реферала для тебя.

— Хорошо, перезвоните мне.

— А до тех пор я бы попросил тебя молчать как рыбу. Скажи, что у тебя больное горло.

— Я могу пойти на работу?

— Иди на свою работу и не забывай...

— Я знаю, — перебила Лора. — ни с кем не разговаривать.

Как только она повесила трубку, её показалось, что она сейчас заплачет. В детстве она играла в маленькие шахматы. Ужасно играла, но именно сейчас, она вспомнила, как сидела на краю кровати и обдумывала ходы. Если вы обороняетесь, то должно быть, то, от чего вы будете защищаться. Если вы переставили своего короля от удара, то должны подумать и как избежать ловушки в будущем. Легче сказать, чем сделать.

Она знала, что не убивала Грейси. И Джереми тоже. Так кто же? Кто был достаточно зол на Грейси, чтобы убить ее? Шелдон, конечно, но полиция определенно не принимала это во внимание. А как насчет скандала в «Грот»? Это нужно было выяснить.

И она знала лишь единственного человека, который мог бы составить её компанию на ужине, который ужином, на самом деле, не являлся.

— Подожди, подожди, подожди, — сказала Руби. — Ты хочешь пойти в «Грот» на ужин без резервации столика, и думаешь, что мы вот так просто пройдем?

— Мне нужно только пойти в туалет.

— Я не знаю, что сказать. Они не позволят нам просто прогуляться по ванной в «Гроте»?

Они решат, что мы папарацци.

Но Лора услышала, как сестра уже включила душ.

— С этим мы разберемся. Пожалуйста! Там была какая — то стычка между Ноэ и Кармеллой накануне убийства, и, если уборщица, что работала и убирала в туалете в тот вечер, окажется там, я смогу нужно спросить ее, что случилось.

— Лора, ладно... Во — первых, две женщины в туалете не означают, что они ругаются, хорошо? Во — вторых, я иду к Майклу, и мы смотрим «Тропический шторм». И в — третьих, почему тебя это волнует?

Потому что у меня проблемы.

И я люблю Джереми.

— Потому что я люблю свою работу, и я не хочу ее потерять. И он видел «Тропический шторм» раз пятнадцать как минимум, и позволь мне поговорить уборщицей, если она там,

хорошо? Пожалуйста?

— Почему бы тебе просто не спросить Кармеллу, что случилось? — раздраженно спросила Руби.

— Я ей не доверяю, и я готова поклясться, что она мне тоже не доверяет.

Она почти слышала, как Руби закатила глаза.

Лора точно знала, что надевают в «Грот». Просто у неё таких вещей никогда не было.

Или было? Да, точно! У нее было платье для коктейля от Джереми Сент — Джеймс, которое она припасла два года назад, но никогда не хватало смелости его надеть. У него были тонкие бретельки, лиловый лиф, со вставкой из черного кружева ручной работы, которая начиналась под грудной клеткой, и бежала вниз до подола платья. Кожаный ремень, подпоясывающий его, был заплетен в узор, в сочетании с кружевом, а пряжку украшали стразы Сваровски. Ей эта пряжка всегда казалась не уместной, но это было не так. Гораздо более грустно было то, что у неё не было подходящего под это платье белья.

Она каждый раз оттягивала покупку нового бюстгальтера, а сейчас приходилось корить себя за это. Ей нужно перестать себя жалеть и надеяться на лучшее.

А вот с обувью у неё всегда была проблемой. У нее были черные туфли — лодочки, но они были слишком неудобны, да и совершенно не подходили под столь изящное платье.

И на земле все еще был снег.

И в такую погоду платье будет закрыто пальто.

И у нее не было подходящих аксессуаров.

И она не укладывала свои волосы в течение нескольких месяцев.

И ее ногти были пережеваны под корень.

У женщин, которые носили такие платье, всегда находилось время, чтобы сделать укладку. И у них уже были серьги, которые соответствовали подвескам на ремне, как Руби. И они, никогда не упускали шанса купить пару туфель, почти как Руби. Может пойти и попросить что — нибудь из её шкафа.

Руби, которая жила наверху.

Но все было не так уж и просто. Между ними существовало соглашение, по которому они не одалживали друг другу одежду, обувь или аксессуары. Соблюдалась эта сделка с переменным успехом. Срок годности у неё тянулся чуть ли не с раннего детства. С тех самых пор, как Руби взяла у неё ботильоны с цветочным принтом и черным кружевом на шпиколотках без спросу. Честно сказать, не самые новые, но тем не менее. На претензию Лоры Руби ответила: «Ты никогда их раньше не носил. Как я должна была узнать, что они тебе так дороги? И, кроме того, мне пришлось пойти на похороны Хэнка, и как я должна была надеть только черное платье? Я была бы похожа на мать».

Подобное заявление взбудоражило в душе не самые приятные воспоминания, потому что Хэнк Данбар был не просто каким — то парнем, которого она пару раз видела, а тем самым парнем, с которым Лора впервые поцеловалась в подсобке за тренажерным залом. Он был парнем, который, казалось, нравился ей. Ничем не выделяющийся, он был не интересен ее амбициозной сестре, которая норовила заграбастать все самое лучшее себе, и поэтому был идеален для Лоры. После поцелуя, она ни произнесла ни слова Руби, обезопасив как могла свои еще не состоявшиеся отношения.

Но помимо того, что Хэнк ничем не выделялся, он был идиотом, потому что ошибся девушкой. И вместо обворожительной Руби, которой он восхищался на первый месяц, он поцеловал Лору. Когда Руби узнала, что Данбар сох по неё, а не по Лоре, поцелуй за школой

с Хэнком стал для неё как красная тряпка для быка. И он состоялся.

Таким образом, в споре за ботильоны было не сколько туфель, сколько парней. В тот раз они подрались так, что матери пришлось покупать новую гардеробную, а между девушками установилось шаткое соглашение о не заимствовании.

Нельзя одалживать обувь, платья, шарфы, и, тем более парней. Хотя больше Лора о них с сестрой и не говорила. Не говорила ни о Мэнни Туллисе, который оставил ее плакать в Данчестере. Ни о Евгение Энернер, который так и не перезвонил. Ни о ФрэнкеЯрисе которого она бросила через час после того, как увидела, что он разговаривает с Руби в парке. Ни о Стью, который поцеловал ее десять дней назад. И тем более о Джереми Сент-Джеймс который был, по крайней мере, в тюрьме больной, и, возможно, убийцей своей возлюбленной. Расскажи она об нем Руби, и Лору тут же бы накрыло цунами событий, заканчивающиеся тем, что она — подружка невесты на свадьбе у Раби и Джереми. Хотя, что могло быть хуже этого?

Её взгляд остановился на своем босоногом отражении в зеркале. Впервые она знала, что должна сделать. Впервые она подумала, что может быть с Джереми. Он видел ее так, как ее видели другие мужчины. Он видел женщину все это время, а не бороду, сестру или служащего. Все это время у нее был шанс, и она даже не знала об этом. И хоть сейчас он был далеко, в тюрьме, но она чувствовала его взгляд на нее, и, как это было это ужасно не звучало, её это заводило. Поэтому Лора пообещала свести к минимуму ущерб, который может быть нанесен одной парой заимствованных туфель.

Она пошла наверху в своих тапочках, закинув платье на плечо, и постучала в дверь Руби.

— О, как хорошо, что ты пришла, — сказала Руби. — Ты должна помочь мне выбрать. Она схватила Лауру за руку и потащила ее в свою спальню, где на её кровати растянулись три наряда. Обувь на полу. Браслеты и кольца приложены к концам рукавов, как бумажные куклы в натуральную величину. Лора вздохнула. Они все были прекрасные, но Лора увидела кое — что получше.

— Наденьте бежевую блузку с жилетом «Родарт» и юбкой. И коричневые ботфорты, которые ты одевала недавно. Должно получиться потрясающе.

Руби скомпоновала одежду и повернувшись к Лоре, спросила: — Типо этого?

— Мне нужна обувь, — выпалила Лора.

Руби все еще рассматривала свой наряд и задумчиво произнесла.

— Хорошие на дверях шкафа, в пластиковой упаковке. — как будто это не было договора.

Как будто договоренности прямо сейчас не нарушались. Как будто мир оставался прежним. Как будто аксессуар для наряда был более важным, чем эта разрушающая вселенную цепь событий.

Лора открыла дверь шкафа и выбрала пару черных лодочек от Стелы Маккартни с закругленными носами.

— Что ты под них наденешь? — спросила Руби, придвинув к ней нарядное ожерелье.

— Я не знаю.

— Ты знаешь, что ты можешь одеть всех, кроме себя?

Руби схватила кипу вещей с кровати. Быстро затолкав её в шкаф, она выудила со дна одной из его полок нечто, похожее на кашемировый шарф и шерстяное пальто и кинула это все раскрывшей руки Лоре.

— Держу пари, мы получим столик, — сказала она.

— Может быть, если там будет Пьер Севьен, мы с ним можем посидеть, — пошутила Лора.

— О, я его видела. Он помнит меня с Парсонса. Где вы с ним встретились?

— Сегодня на похоронах. Он спутал меня с тобой.

— Милая. Однажды я была на одном из его ужинов. Стол занимал всю комнату. Я не могу поверить, что он помнил меня.

— А я могу. Тебя трудно забыть, Руби.

Руби улыбнулась.

— Что у тебя с ногтями? Они кошмарны.

— Я подумываю о том, чтобы накладывать на них группы «Scooby — Do».

— Увидимся внизу, Губер.

Они взяли такси, потому что метро совершенно не подходило их статусу, как не подходят ядерно — цветные гирлянды окнам Блумингдейла. Когда они вошли в «Грот», Лора почувствовала, что на неё устремились все взгляды присутствующих. Как же ей хотелось, чтобы она могла одеваться так каждый день — за исключением ногтей, которые она попыталась замаскировать как можно лучше. Она улыбнулась девушке на рецепции сидящей за маленькой кафедрой с рукописной книгой, освещенной одной галогенной лампой в виде капли воды.

— У нас столик на восемь, — сказала Лора.

— Ваше имя? — спросила девушка, перекидывая за плечо свои длинные волосы.

— Карнеги. — Лора спрятала свои пальцы внутрь манжет пальто.

— К сожалению, вас нет на восемь часов.

Лора взглянула на Руби.

— Ты уверен, что бронировала на сегодня? — спросила Руби.

— Считаешь, я совсем все перепутала?

Руби посмотрел на девушку.

— Вы можете проверить прошлый вечер?

— Я не могла спутать дни. Вчера вечером мы были в Турбо. За ними образовалась очередь, вся в шерстяных пальто и аксессуарах из кашемира, на которых никогда не было ни пятна губной помады.

— О, как будто ты никогда не путала, — поддразнил Руби.

— То есть это моя ошибка?

— Все нормально. Не переживай об этом, — посмеялся Руби. — Пойдем к МакДональдс.

— Какая же ты стерва.

— Извините, у меня нет «Карнеги» ни на прошлый вечер, ни на завтрашний. Девушка явно хотела побыстрее от них отвязаться, чтобы обслужить толпу в кашемире. Но в то же время она была достаточно вежлива.

— У вас есть что —нибудь на двоих на восемь? — просила Лора.

Руби сказала себе под нос: «О, ты должна шутить».

— Простите, но у нас все забронировано в ноль.

— Мы можем сесть в баре?

— Простите. Но мест в баре у нас тоже нет. Вот наша визитка. Вы можете звонить для резервации столиков между девятью и пятью. Ее внимание полностью перекинулось на очередь за ними. — Могу я вам помочь, мистер Розенберг?

— Прекрасно, Лора, просто прекрасно, — пробормотала Руби.

Лора почувствовала, как увлажнились глаза, а губы задрожали, нос заложило, дыхание сжало и из горла вырвался маленький писк.

— Мне жаль, что я ничего не могу сделать нормально, — забормотала она. — С этого момента ты сможешь все сделать как надо. А я, пожалуй, пойду. Она была готова разрыдаться на людях. Какой — то незнакомец протянул ей платок. Руби молча спрятала руки в рукава, как муфту, и демонстративно отвернулась.

— Я просто ни на что не гожусь, — сказала Лора, отворачиваясь.

Боже, она умудрилась закатить сцену?

Не отважившись проверить это, она пошла напрямик через столовую, прижимая ткань к ее щекам. Человек в костюме попытался остановить ее, но, когда она посмотрела на него своими затуманенными глазами, и сделала драматичную паузу, он отошел в сторону. На остальной части пути до двери с силуэтом дамы в платье, она встретила только битком забитые столы и обеденные залы. К тому времени слезы окончательно высохли, и Лора шла уже уверенной походкой на высоких туфлях Руби. В туалет она вошла так, как будто проводила здесь все свои выходные.

Вишневое дерево. Раковины в виде водопадов. Тусклое освещение. И дама с полотенцами. Отлично.

Лора наклонилась к зеркалу, прикрыла глаза и немного принюхалась. Улыбнулась уборщице, которая улыбнулась в ответ. Она была маленькой и простой, а туалет был тем местом, где работники меньше всего должны были привлекать внимание.

— Привет, — сказала Лора, поправляя макияж влажной салфеткой.

Женщина кивнула и протянула ей хлопковое полотенце. Лора посмотрела на нее в зеркало, заметив медный бейджик, на котором, как её показалось, было написано Кодрута..

— Вы работали здесь в пятницу? Кажется, я забыла шарфик на раковине.

— Как он выглядел? — сказала уборщица с сильным румынским акцентом, вытаскивая из-под раковины плетенный ящик.

— Эм, шелковый. Яркий. С рисунком из каруселей, — ответила Лора, описывая шарф Hermès, который она видела в Бергдорфе на прошлой неделе. Корзина потерянных вещей была набита до верху. Женщина в ванной продолжала переворачивать ее, вытаскивая все новые и новые вещи.

— Мне кажется, это было в пятницу. Здесь две женщины устроили скандал, и я просто хотела уйти, прежде чем они бы затеяли драку.

— Это было в субботу, — сказала румынка, доставая пурпурный отрез со стразами.

Лора покачала головой.

— Нет, не этот.

— Две женщины сорились в субботу.

— Высокая темнокожая?

— Да. Черная леди разговаривала с белой. Белая плакала. Потратила семь полотенец.

Мне их теперь отчищать. — Кодрута подняла желтый шелковый платок Hermès с лошадьми, но не каруселями.

Лора снова покачала головой.

— Я слышала кое — что в столовой. Не разборчиво, но думаю виной всеми мужчина. Так всегда бывает.

Кодрута перебила её.

— Нет, из — за женщины. Я слышала слова «Грейси, Грейси». Это же женское имя в Америке?

— Или имя гея. — удивилась Лора.

— Я не знаю. Я вижу много всякого с мужчинами. — Кодрута вытащил синий шарф со дна корзины. — Хотя, там был мужчина, с длинным носом. Он точно был геем. Потому что черный сказала: «Она не хочет тебя. Она не хочет тебя. Ты во всем виноват. Это все знают.

Сука, гребаная сука». Ох, эти богатые дамы понятия не имеют, как себя вести. Кодрута покорно перевела взгляд с голубого шарфа на Лору. Это был Hermès с каруселями. Это был другой цвет картины, которую она видела в Бергдорфе.

— Мой был розовый, — сказала Лора. — Наверное, его здесь нет.

— Возьми, — сказал Кодрута, протягивая шарф Лоре, — он лежит здесь уже три недели.

Никто его не берет. Всем все равно. Эти суки думают, что все это мусор.

Лора на секунду обернулась. Разве она не была, теоретически, одной из богатых дам?

Очевидно, нет. Видимо, Кодрута могла отличить богатых сук и бедных сук. Кодрута опустила корзину и убрала ее под раковину.

— Спасибо, — сказала Лора, решив не отказываться от красивого шарфа, который был никому не нужен.

Кодрута вытащила из маленького нагрудного кармашка карточку и протянула её.

— Моя сестра делает ногти и волосы. Возможен выезд на дом. Дешево. Возможно, вам понадобятся её услуги. Она спасла меня от больших неприятностей, когда я покинул свою страну, поэтому я пытаюсь помочь ей раскрутить бизнес.

Лора взяла визитку. Кодрута села в кресле. Лора поблагодарила ее и оставила десятку в серебряной чаше.

Когда она вышла в столовую, она обнаружила, что Рубин сидит за столиком для двоих, намазывая хлеб. На столе стояло два охлажденных огуречных мохито.

— Как ты добыла стол?

— Просто садись, ок? Я закатила там просто ахи тартар. Хороший шарф.

Лора рассказала ей историю о шарфе и Кодруте. Руби поняла все с первых слов.

— Значит, Грейси наехала из — за чего — то на Кармеллу? Но из — за чего именно?

— Деньги, люди, наркотики?

— Ничто из этого не кажется достаточно, чтобы убить ее. Я имею в виду, если бы Кармелла была итальянской графиней, как она говорит, деньги и наркотики для неё не были бы проблемой. А мужчины? Если бы у Грейси не было бы мужа, то можно было бы и поругаться... если бы она не втянула в это и Джереми.

Лора почувствовала, сжала руками стакан.

— Тебе не обязательно так говорить.

Глаза Руби сузились.

— А тебе то что? В любом случае, он гей.

Лора отшатнулась.

— Это просто грубо. — Руби отхлебнул напиток, глядя поверх краев бокала на сестру. Лору охватил парализующий страх того, что сестра спросит на прямую, что она чувствует к Джереми, и она не может солгать.

— Из — за чего бы ты совершила убийство? — спросила Руби.

Лора подумала секунду, затем ответила.

— Чтобы защитить тебя или маму. — она наклонилась вперед, чтобы лучше видеть Руби. — Ты бы убила, чтобы защитить Майкла?

От ответа девушку спас принесенный ужин. Лора отказалась от сыра и принялась за черный перец. Руби подали большую тарелку лингвини в белом соусе с крошечными горошинками и зеленым овощем, который Лора не могла идентифицировать.

— Еще, я видел у Дэвида портфолио Кармеллы, в лимузине.

— Кто такой Дэвид?

— Правая рука Шелдон а Померанца, — ответила Лора, принимаясь за тар — тар который в целом был полезен, но сейчас её мысли носились где — то в отдалении от концепции правильной еды. — Итак, хорошо. Она занимается своим портфолио. Я имею в виду, что это нормально. Она имеет право искать работу. Но зачем Давиду её портфолио?

Руби закрутила свое лингвини, явно не желая отвечать. А Лора продолжала говорить сама с собой.

— Но Ноэ сказала мне, что Грейси Померанц искала другого дизайнера. Возможно, речь шла о Кармелле. И, может быть, после ссоры в ванной, Ноэ хотела таким образом подставить Кармеллу, рассказав мне? Подумала, что я побегу рассказывать об этом Джереми.

— Может. Джереми мог её уволить?

— В полне, — сказала Лора, зная, что Джереми может быть ублюдком — головорезом. — Я имею в виду, что потерять дизайнера это одно, а вот, узнать, что он работает еще на кого-то, это совсем другое. Да, он бы уволил ее. Она бы не смогла найти новую работу, а, следовательно, Грейси от неё бы тоже отвернулась.

— Дорогое и сухое, — сказала Руби, покачивая вино в бокала. — Редкая гадость, если задуматься. Мне вот интересно, действительно ли она его так разозлила.

— Имеешь в виду, — продолжала Лора, — пыталась ли она разозлить Джереми?

— Ну я так предполагаю. — Руби съела последний из ее лингвини, смущенно пожав плечами. Лора подумала, осознает ли она на сколько все серьезно, или для неё это просто игра. — Будешь рис?

Она подтолкнула тарелку к Руби.

— Кармелла была в офисе, когда Грейси убили.

— Серьезно? — глаза Руби немного округлились, как будто от этого не зависела Лорина жизнь.

— Без шуток.

— И тебе еще что — то нужно, чтобы понять кто убийца? Что говорят в полиции?

— Есть мотив и возможность, но не совпадает время. Она заходила в офис, а потом снова ушла. Что она там делала?

— Убивала кого —нибудь? Не знаю. Почему её не подозревают? Что сказали детективы?

— Они сказали, что Кармелле не хватило бы сил, но я думаю, что Джереми было слишком удобно арестовать. Он оказался в нужно время. На его руках были обнаружены волокна от орудия убийства. Я засвидетельствовала, что он его держал. И к тому же, они недавно... — Она сделала паузу. Сказать это будет трудно. Мало того, что он был традиционной ориентации, так он еще и спал с Грейсиза два дня до убийства. Поэтому вместо этого, она лишь добавила. — Они поругались там вечером.

Руби пошутила:

— Они препирались, как любовники.

— Заткнись, Руби. Её реакция была слишком сильной, за то, что Руби, вынудила ее признаться, но, к счастью Лоры, появился официант, спросив о кофе. Лора перевела разговор на Кармеллу, но он уже не был столь напряженным, поэтому они чаще переглядывались.

Появилось предположение, что Грейси предложила поддержку Кармеллы. Мечта каждого дизайнера. Ни один ребенок не оставил Парсонса или Ф.И.Т. не мечтая о таком волшебном покровителе. Такие выпускники сразу получали работу в самых дорогих домах. Им конечно платили мало, но это была возможность встретиться, познакомиться с кем —нибудь, кто мог стать их протектором.

Без каких — либо напрягов.

Очевидно, именно поэтому Лора взялась за работу в Сент — Джеймс — доступ к Грейси Померанцу, ее друзьям и ее деньгам. О таких связях не рассказывали в интервью. О них не писали в газетах, никто не шептался об этом по углам. Чтобы завязать такие связи, вам нужно было только присутствовать на вечеринках и ужинах и произвести хорошее впечатление на окружающих.

По дороге домой, значительно по бедневших после внушительного счета и чаевых, Лора рассказала Руби историю становления Джереми, как раз за счет такого знакомства.

Вначале Джереми делал небольшие заказы на кутюрную одежду на фабрике своих родителей, но особой прибылью они не приносили. Чем больше было заказов, тем больше денег ему было необходимо на производство, а цену он не мог заломить слишком высокую. Поэтому пришлось занимать у семьи. Потом в ход пошли кредитки. Он грабил Петра, чтобы заплатить Павлу. Но Петр в один момент перестал выделять крупные суммы на развлечение своего сына, и в какой — то момент у Сент — Джеймса не хватило денег для покупки ткани для своего первого большого заказа совместно с Бенделем.

Вот почему ему в первую очередь нужен был кредит. Но банк, по чистой банковской логике, отказался финансировать его, потому что у него была проблема с кредитованием.

Затем Бендель нашел нового покупателя, у которого были собственные проекты для домашних животных, и решил не связываться с Джереми.

Итак, Джереми пришел на грязную фабрику, сел и заплакал за столом. И, как ангел, появилась она — Грейси Померанц, жена адвоката, которая искала демонстрационный зал Эрве Леже, чтобы купить костюм для мужа. Просто еще одна недовольная женщина средних лет, которая сделала неправильный поворот по невзрачному коридору и закончила в комнате, полной швейных машин и прижимных устройств, а не в вычищенном выставочном зале. Проявив жалость к плачущему перед ней мужчине, нет мальчику, она купила у него платье, а, через два месяца, и пятьдесят пять процентов бизнеса.

Он обзавелся поддержкой. Это была больше чем, просто удачно.

Совершенно не достижимая удача для Кармеллы. Грейси даже если бы и хотела не могла бы помочь ей. Тут и портфолио не нужно.

Лора предполагала, что портфолио Кармеллы оказалось у Дэвида из — за того, что он занимался разбором бумаг покойной Померанц. И возможно, Кармелла хотела себе в покровители вовсе не саму Грейси, а Шелдон а. И Шелдон, не зная мира моды от кутюр, сделал то, что сделал бы любой хороший парень в костюме, — он попросил портфель.

Кармелла играла в одиночку.

Она отперла дверь и обнаружила, что ее квартира находится в том же растрепанном

состоянии, что несколько часов назад. Можно было бы потратить еще пару на уборку, но девушка просто надела пижаму и села на край кровати, обдумывая все произошедшее.

Она не могла поверить, что она вообразила девушку — Кармеллу, дизайнера, отрекшуюся от итальянской графини — как убийцу. Она была просто Кармелла. Ближайшая подруга, и единственного кого она могла убить, это была она сама, когда она курила две пачки сигарет за день.

Лора включила новости. Наследующей недели обещали метель. Как раз во время показа, который конечно не отменят, но с мокрой одеждой, опоздавшими моделями, мокрыми полами и привлекательными покупателями. Она вспомнила последние слова, которые она услышала, разговаривая с Грейси. Джереми сказал: «Не смей уходить». Она предположила, что он не хочет, чтобы она покинула офис. Напряженность между ними в тот день была сильной, как бруклинский акцент, и она вся прошла за закрытыми дверями. А что, если Джереми имел в виду: «Не смей идти на этот обед». Что, если Джереми действительно поговорил с Грейсио поддержке Кармеллы, и Кармелла так рассердилась на провал, что она в гневе убила Грейси?

Где — то во время спортивного отчета, пытаясь отключить самообвинения, Лора заснула и мечтала о том, чтобы Джереми вернулся в офис, сшив её свадебное платье, а Шелдон стоял рядом с ней в смокинге.

Лоре срочно было нужно обелить свое и Джереми имя. Она так отчаянно хотела вернуть все на круги своя, но каждый раз, когда все больше углублялась в ситуацию, задавая новые и новые вопросы, возврат к нормальной жизни становился все менее и менее вероятным. Лора даже не представляла, насколько ее жизнь была счастливой, до того момента, как обнаружила задушенную Грейси Померанц, на полу в кабинете Джереми. У нее могло быть тысячи шансов сделать свою жизнь лучше, но она никогда о них не задумывалась, и от этого становилось все хуже и хуже.

Например: Шелдон и Кармелла сейчас могли совершенно спокойной разговаривать за закрытыми дверями конференц — зала; мама в дизайнерской комнате, вязала крючком по пути болтая с Руби по телефону о проклятом свадебном платье; Тони не сделал ни одной вещи из линии «Stone Rocker», а все потому что он денно и ночью корпел над кошмаром из матового джерси.

— Привет, Ма, — сказала Лора, когда мама подняла трубку.

— Я слышала, ты была на похоронах вчера. Все в порядке?

— Вчера не произошло ничего интересного, мама. Я не могу говорить здесь об этом, — добавила она, понизив голос. Лора подняла голову и столкнулась с взглядом полным уважения.

— Позвони сегодня своей сестре, — предложила мама, возвращаясь к крючкам.

Она посмотрела на свою работу, и в первый раз в жизни ей захотелось все бросить. Она позвонила Йони, выяснила, не уволилась ли та, но менеджер все еще была на месте. И Лоре пришлось вернуться к своей работе. Она не хотела ни делать лекала, ни звонить сестре. Её просто нужно было выяснить, что в голове у Кармеллы.

— Как дела, Тони? — крикнула она, заходя в свой предбанник. Проскользнув мимо стола Кармеллы, она заметила, что сумка девушки на месте, и из неё выглядывает уголок красноватого портфолио.

— Не плохо, — ответил парень, вытаскивая ножницы.

— Как поживает сатиновая блуза? Корректировка удалась? — Лора провела ладонью по портфолио, приоткрывая страницы двумя пальцами.

— Нужно сделать более облегающей.

— Проверь натяжение ткани, — сказала она, глядя в сумку Кармеллы, отмечая книги Джереми за последние два года с номерами продаж. — Возможно, соскальзывают швы. — краем глаза она заприметила маленькую яблочко — зеленую карточку с оранжевым шрифтом. Лоре даже не требовалось его читать, чтобы понять, кому она принадлежит.

Пьер Севьон был связан с Кармеллой.

Конечно, она была. Севьен был похож на горбатого кита, а Кармелла была похожа на жирный, сочный криль. А, следовательно, была приглашена в «Грот». Севьон хотел встрять между Кармеллой и Грейси, ведь подобное сотрудничество сулило немалых денег. Выплати пятнадцать процентов неустойки, заключи новый контракт и у тебя прекрасный дизайнер.

Но все ли это были идеи Пьера? Возможно, Кармелла подумывала бросить жену и пойти к Шелдон у, мужу, у которого было больше опыта в видении бизнеса. Вопрос состоял в том, когда она могла связаться с Шелдон ом? До или после смерти Грейси? Или же после ругани в ресторане? А что, если скандал в «Гроуте» и был вызван тем, что Кармелла ходила к

Шелдон у? Который задал вопрос о том, как долго Кармелла искала поддержку у Джереми.

Неудивительно, что Кармелла поддержала Лору, когда та вернулась из Рикерса. Это было не от недостатка амбиций. Она просто все время подсидивала Джереми.

— Что ты там делаешь? — рявкнула, вошедшая Кармелла.

Первая реакция Лоры была извиняться, но она сдержалась.

— О чем вы говорили с Шелдон ом?

— Не твое дело. Иди, сколи что — нибудь, — Кармелла вздернула сигарету, затем повернулась к Тиффани, которая все это время сидела с широко раскрытыми глазами. — Держи эту суку подальше от моих вещей. Она развернулась на каблуках и направилась к двери.

— Кажется, сегодня кто — то встал, не стой ноги, — сказал Андре.

Кармелла протиснулась мимо него, задевая его сумкой. Он пожал плечами и протянул Лоре лист бумаги.

— У Блумми проблема с этими кнопками JSJ в костюме из габардина. Вроде бы это состаренный никель, а не олово.

— Простые покупатели не видят разницы. Если только им не сказать об этом.

— Мне нужно семь дюжин. У тебя есть?

Она могла бы сходить, посмотреть в кладовку, но это было совершенно бессмысленно.

— Этим занимается отдел производства. Это проблема производства. Вы должны пойти к Йони.

— Она сказала подойти к тебе.

— Йони сегодня нет.

Андре замялся, прежде чем ответить.

— Это было вчера.

Лора знала, вчера менеджер точно была на месте, но все — таки не верила, что та так просто пошлет Андре к ней. Кнопки с логотипом JSJ хранятся под замком. Они не валяются по всему городу. Очевидно, Андре пытался ускорить их получение для своего клиента.

Лора протянула ему записку обратно.

— Попроси у Йони.

Андре щелкнул по бумаге.

— Если их не будет до 10 вечера, слишком много людей будет разочаровано.

Лора пожала плечами.

— Если Йони скажет мне найти эти кнопки, я с радостью это сделаю. Но до тех пор либо Блуми должна подождать, либо вы можете взломать кладовку и выкрасть их.

— Какую кладовку?

Она не могла поверить в его обиду.

— К которой у меня есть доступ. Ты не хочешь позвонить Йони? — Она потянулась за записной книжкой, уголки листов которой были сплошь в приколотых визитках и клочках с записями. Номер Йони был где — то в её недрах. — Позвони ей и объясни, и передай ее мне, когда она ответит «да», — продолжала Лора, листая записную книжку.

Когда она нашла телефон, она записала его для Андре. И он ушел с кислым выражением лица. Сегодня она не будет спасать котят с деревьев.

Лора по привычке открыла блокнот. Перепроверила все закладки и записочки, которые могли потеряться где — нибудь в прачечной или на дне её сумки. Плюс ко всему проверка отвлекала от создания лекал.

Когда она прикрепляла визитку Пьера Савьена, когда услышала телефонный звонок.

Тиффани что — то нацарапала на клочке бумаги, прежде чем сказать: «Ты не вернешься?»

А кто будет заниматься приготовлениями...» Она внезапно остановилась, а затем сказала: «Ладно», прежде чем повесить трубку.

— Она вернется? — спросила Лора.

— Нет, и теперь мне все нужно делать? Прекрасно, не правда ли? — сочась сарказмом, Тиффани выбежала.

Как обычно, Лора подумала, что Кармелла либо собирается на вечеринку, либо готовится к ней. Но сегодня все было слишком паршиво, и Лоре в голову пришла мысль, все — таки позвонить господину Савьену.

Она подняла трубку, положила ее, потом трижды вдохнула через нос.

Это не помогло.

Она явно не в себе. У этого человека не было желания говорить с ней. Он только дал ей свою карточку, потому что, ну, она не знала почему. Но причины не имели значения, не так ли? Уместность звонка была упущена. Срок шел на дни и часы. У него были другие мысли, и он забыл ее как недоеденную еду. А вот она, напротив, нуждалась в нем. Он знал Кармеллу, вертелся в правильных кругах и имел доступ к информации, которую она могла получить, если бы задала правильные вопросы в правильном порядке, не раскрывая ничего, конечно. Она представляла себе каждый наихудший сценарий. В первом, он спросил бы ее, кто она вообще такая, и она бы сошла с ума от стыда. Во втором, она бы случайно проболталась, что является подозреваемой в убийстве его друга.

В третьем, он ничего не знал о вечеринке, на которой была Кармелла в ночь убийства, и она бы выглядела как «идиотка».

Какого черта? Они все плохие. Она набрала номер. Затем она повесила трубку. Затем снова набрали номер, ожидая секретаря или помощника, чтобы отложить ее звонок от одной минуты до одной недели.

— Савьен, — ответил, голос его был глубокий с сильным французским акцентом.

Она позвонила на его личный мобильный. Теперь назад дороги нет.

— Здравствуйте, мистер Савьен, это Лора Карнеги. Мы встретились на похоронах Грейси? — она замолчала, вслушиваясь в тишину на другом конце провода.

— О, вспомнил. Ирландский близнец.

Она слышала это выражение раньше, но никогда с французским акцентом.

— Я хотела обсудить с вами кое — что. — Лора поняла, что таким словами загоняет себя в угол, и пришлось сочинять на ходу. — Моя сестра хочет пошить себе платье для свадьбы, и я хотел бы получить ваш совет.

— Я обедаю в «Lanky Dove», вы присоединитесь?

— Ну, Руби на работе.

— Но ты же свободна. Будь там, в двенадцать тридцать.

И он просто повесил трубку.

У Лоры не было времени беспокоиться о том, что она наденет в «Lanky Dove». Это был обед, поэтому прихорашиваться особо не было нужды. Все — таки «Lanky Dove» — это было хипстерское кафе в подвале, а не закрытый ночной клуб, полный богатых и изощренных на вкус. И у нее были отмазки. Много из них. Ей действительно нужно было на обед, и неважно, что он был в двадцати кварталах от офиса.

Когда Тинто позвонил и продиктовал номер неплохого адвоката, она уже собирала сумку и надевала пальто, поэтому просто нацарапала его на клочке бумаги и сунула в карман.

— Как Джереми? — спросила она.

— Он болячка на моей заднице, — ответил Тинто.

— Он нужен мне на шоу.

— Прости, мисс «никаких отношений» — видимо, это стало её новым прозвищем. — Ты не увидишь его, пока я не добьюсь успеха. Пусть кто — то другой справится с показом.

Кто — то, как правило, был Кармелой. Но Лора, не смогла сказать почему, дизайнер должна быть полностью отстранена от руководства в Доме Джереми Сент — Джеймс.

Им придется справиться самим. Щелкали мамины иголки, когда. Она заканчивала ряд, жужжала рекламы. Тони пробирался сквозь дебри манекенов. Тиффани вяло прикалывала маленькие наброски на пенопласт, а Чилли обрабатывала иллюстрации для буклетов. Андре продавал несуществующие цвета и мечтал о перераспределении ролей в компании. Кармелла была черт знает где. Йони не было. У Эфраима не было Т.О.П. — а, и Лора выжав из своей работы все, что могла все, ровно в 12:15, без слов исчезла на обед с супер — модным агентом и талантливый горбатым китом, Пьером Севьеном.

Всю дорогу, пока она шла до кафе, Лора успокаивала себя. Она не переставала убеждать себя, что ничего страшного не случилось, но, тем не менее, нервная дрожь в руках, заставляла сжимать ремень сумки, испуганно и часто озираться по сторонам. Даже не смотря на то, что она в лучших традициях этикета опоздала на пять минут, все равно пришла раньше Савьен и теперь совершенно не знала, за какой столик следует присесть.

Она медленно опустилась в кресло и пощелкала в телефоне, полистала каталоги T & C, которые выстроились в ровную стопочку на подоконнике, пытаясь выглядеть беззаботной. В эту секунду девушке очень захотелось, чтобы у нее был резервный переключатель, который бы поставил ее в совершенно расслабленное состояние.

К тому времени, как появился Севьен и седая женщина, Лора была так напряжена, как будущий отец перед дверями роддома. В течение десяти минут она вновь перебрала все варианты разговора, но так и не была до конца уверена, что продумала все. Севьен ни за что не расскажет её ничего о Кармелле. Хуже того, когда он открыл дверь для румынки, Лора была уверена, что даже не узнает ее. Конечно, он думал, что она была кем — то еще, когда она позвонила, и она уже была готова к смущенному взгляду и извинениям.

— Ах, мисс Карнеги! — сказал Севьен, увидев ее. — Так рада, что вы пришли. Вы помните мою жену, Гортензию?

— Приятно снова видеть вас, — сказала Лора.

Гортензия кивнула.

— Я не знала, какой стол лучше занять, — сказала Лора.

— Нет необходимости, мы тут постоянные клиенты.

Хозяйка, завидев их, пригласила к угловому желтому столу. Лора чувствовала себя жесткой, чрезмерно вежливой, напряженной — но очень прилагательной. Руби, бы оценила такую перемену. Но Севьены, похоже, не заметили.

— Пьер говорит мне, что ты помогаешь Джереми Сент — Джеймс, — сказала Гортензия, наклоняясь вперед на локтях, как будто Лора была самым интересным человеком в мире.

— Я только конструирую модели. По правде, Джереми, просто говорит мне как что должно выглядеть, а я лишь выполняю пожелания. Что касается посадки изделий — он просто звезда на всем севере.

— Поэтому, хочу тебе, сказать, когда надеваю одежду от него, у меня такое ощущение, что сшито специально по мне. Сидит идеально. У меня есть вещи, сделанные на заказ, и его одежда подходит так же хорошо. Не так ли, Пьер?

Севьен ответил своей жене, обратив внимание на Лору.

— Его одежда изысканно сидит на теле; все это знают.

— Не могу дождаться, когда вы скажите ему это лично, — просияла Лора.

Муж и жена посмотрели друг на друга, а затем повернулись к Лоре.

— Итак, — сказал Севьен, — где ты выросла?

Лора была так счастлива, что у нее был ответ на вопрос, и не пришлось лепетать непонятно о чем. Хотя, может быть. Это был лишь вопрос вежливости. Она не знала. Но начала свой рассказ с адской кухни, в эпоху, когда она жила с матерью, сестрой, отсутствующим отцом и системой общеобразовательных школ, которая оставила девочек наедине с собой,

когда у мамы не было свободного времени.

— Она должна была отдать нас в частную школу, но у нее не было денег. Таким образом, мы были первыми белыми детьми в школе Далтон, которые получили финансовую помощь. Понимаете, мама шила для каждой первой леди после Барбары Буш, поэтому она пообещала, что костюмы от кутюр будут выставлены на торги для фандрайзеров.

— Ах! Она была в Скаази! — сказал Севьен. — Ты и твоя сестра родились для этого бизнеса.

— Раньше я ходила в магазины на Пятой авеню, типа Шанель, заходила в раздевалку, вырезала этикетку и вшивала этикетку в свои вещи. — Она остановилась, чтобы рассмешить Пьера. — Все это было нужно, чтобы тусоваться с самой крутой компанией в Далтоне. Правила там были, как в гарнизоне «Кейтлин Вендерспир». Они не общались с теми, кто покупал одежду в «Gar». Наконец-то я привлекла их внимание главным трендом сезона курткой — дуони бирюзового цвета, на которую нашла лейбл Alexander McQueen. Она пригласила меня на ее вечеринку по случаю дня рождения в «Windows on the World». Я был так взволнован, я начал шить что — то еще, платье — макси с бахромой, и спросила свою сестру Руби, какой ярлык на него прикрепить. Ну, а Руби рассказал всем, что я перешила украденные ярлыки на куртку с домашней рубашки.

— Ужасно! — воскликнул Севьен.

— И ты отправилась на вечеринку? — спросила Гортензия.

— Да, но со мной никто не захотел говорить на ней. Это было последний раз, когда я делала что — либо подобное.

Прошло полчаса, а она так и не продвинулась в разговоре ни на йоту. Она поддерживала разговор. Но никак не могла перевести его в нужное направление.

— Так твоя сестра собирается шить свадебное платье? — спросил Севон. — Может её стоит сразу открыть свою линию по их производству? Зная её размах. — Пьер улыбнулся. — И ты хотела расспросить меня об этом? Будете работать вместе?

Лора зашла в тупик. Её хотелось придерживаться правды и в тоже время не сильно затягивать во все это Руби. И на одном дыхании ей пришлось спросить их о Кармелле.

— Ну, я рассказал ей о том, что Кармелла хочет начать свое дело. — Лора сделала паузу, оценивая их реакцию, но ни одна морщинка их не выдала. Проклятые профессионалы. — И тогда у нас был длинный разговор о том, что она всегда хотела сделать свадебное платье по своим эскизам, и я подумала, что попрошу Кармеллу, как она это все работает, но она была очень скупа на информацию, поэтому я подумал, что лучше спрошу вас. К тому же вы хорошо знаете Руби. Я имею в виду, сильно ли разработка дизайна и проектирования свадебного платья отличается от того, что собирается делать Кармелла?

— Никто не должен повторять других, — ответил Севьен. — Хотя, честно говоря, мы еще не видели работ Кармеллы. С тех пор, как ее потенциальный сторонник был убит.

— Это смешно, сказала Лора.

— В ту ночь, когда Грейси была убита, я была на мансарде, и ты знаешь, мне кажется, я была в двух кварталах отсюда. Я могла бы что — то сделать?

Ее комментарий Севьеном остался незамеченным, но Гортензия полностью превратилась вслух.

— Ты была на 36-ой?

— Да. Но ушла довольно рано. Вы были там?

— Я была там пятнадцать минут. Клянусь, это было похоже на футбольный матч. И там

всего лишь один туалет.

— Ты рассказывала мне, — сказал Севон, махая рукой. — Я не особый любитель подобных мероприятий.

— Да, — сказала Лора, — и у Кармеллы была со странным парнем в белом спортивном костюме. Я его никогда раньше не видела.

Гортензия ухмыльнулась.

— Это ее парень. Эмоции Лоры, должно быть, были на ее лице, потому что Гортензия рассмеялась жестоким гортанным смехом. Лора мысленно заметила, что никогда не расскажет Гортензии о чем — либо вообще. А та продолжила: — Ему принадлежит клуб на Стейтен — Айленде, откуда она родом.

— Нет, но, она из... — слово «Милан» почти исходило от уст Лоры, но она была бы похожа на идиота. Конечно, Кармелла не была отреченной итальянской графиней. Конечно, ее акцент был совершенно поддельным. Она была хроническим лжецом, и все это знали, кроме Лоры.

Севьен посмотрел на неё так, словно хотел умереть от скуки, но Гортензии, похоже, нравилось сплетничать.

— Она заставила нас всех думать, что она такая, какая она есть. Вы знаете, что ее отец был чернорабочим? Он на инвалидности, и этот парень, Марио Олливери, так его зовут, платит ему за то, что он моет полы его ночного клуба.

Конечно. Естественно. Кто хотел быть дочерью инвалида — уборщика? Никто. Все хотели быть отреченной итальянской графиней, курить Gitanes и дарить совершенные европейские поцелуи красивым людям. У Кармеллы были все основания превратить свои фантазии в реальность. Или это была трусость? Возможно оба варианта.

— Так, — сказала Лора. — Она была когда —нибудь в LVMH?

И Гортензия, и Севьен засмеялись. И тут Лора поняла, что ничего не знает о Кармелле.

Абсолютно ничего. Она знала, кем была Кармелла, и кем она не была. Но итальянская графиня исчезла, ее заменил неизвестный лжец, защищающий тайную жизнь и изо всех сил продвигавшийся в выдуманную жизнь, которую она построила для себя. Лоре придется выяснить, что заставляет её так сильно лгать, и не встала ли Грейси на ее пути.

Лора была благодарна, что Севьен заплатил, поскольку счет был примерно столько же, сколько обед в более известных местах и в более фешенебельных районах. Он повернулся к ней, пока он усаживал Гортензию в такси, которое появилось как по мгновению волшебной палочки с минимальным количеством брызг. — Ты занималась проектированием с Парсонса?

— На самом деле, нет.

Севьен наклонился вперед.

— Молодые дизайнеры. Сестры. Одна знает, как делать, другая, что нужно потребителю.

Дети ученика мастеров старой школы. Это довольно привлекательный набор.

— Похоже на то, — сказала Лора, понимая, что его слова были не от вдохновения, а от причины обеда в первую очередь.

— И это тот пакет, который я бы хотел представить. И я действительно хотел бы поговорить с вами об этом подробнее. — Он шагнул на заднее сиденье и, прежде чем закрыть дверь, сказал. — Спортивная одежда. Забудь о свадьбе. Он захлопнул дверь, и машина унеслась, забрызгав Лоре сапоги.

Лора не знала, грустить или радоваться. Каждый из выпускников Парсона мечтал бы о таком разговоре. Севьен мог сделать или сломать карьеру. Но все, чего хотела Лора, это знать, где Кармелла была в ночь до убийства Грейси Померанц.

Она так ничего и не узнала.

На углу улицы зажегся красный свет. Такси остановилось, и Лора кинулась за ней. Она поскользнулась, чуть не упала, но добралась до машины и постучала в заднее окно, тяжело дыша.

Гортензия открыла в окно.

— С тобой все в порядке?

— Как называется клуб бойфренда? — спросила Лора, тоже затаив дыхание, чтобы придумать оправдание для этого вопроса. — Друга Кармеллы.

— Duomo. Зачем тебе это?

Машина взлетела, прежде чем Лоре пришлось вновь лгать.

Лора подобрала копию «Женской одежды» с Джереми на стойке регистрации. Рене вернулась на свой пост. Она кивнула, когда Лора проскользнула мимо стойки регистрации. Лора заметила, что раздел «Требуется помощь» был пуст. Ей все равно. Она спасет эту работу, даже от адского пламени или великого потопа.

Шелдон исчез. За компьютером Джереми сидел Дэвид, ковыряясь в том, что ему не принадлежало. Они приветствовали друг друга, затем Дэвид вернулся к своему любопытному обшариванию стола. Она хотела позвонить ему, сказать, что он не имеет права лазить по чужим книгам, но прав у неё на это не было. Шелдон владел всему базами. Когда она собиралась уйти, он сказал.

— Чувствуешь себя лучше?

— Да, спасибо. Что ты делаешь? — спросила она, вложив в эту фразу столько обвинений, сколько смогла.

— Мой босс, Шелдон Померанц, владеет пятьюдесятью пятью процентами этой компании, и мы вносим некоторые изменения. Я составляю список активов. Присядешь?

Я не могу говорить с тобой в дверном проеме. — Она села и продолжила.

— Активы включают собственность, инвентарь. Другие материальные ценности. А также некоторые нематериальные активы, такие как отношения, бренд и талант.

— Поэтому ты просматривал работы Кармеллы?

Он ухмыльнулся.

— Я далек от этого. Но я беспокоюсь о нескольких других людях, таких как Йони. Мне нужно уговорить её подписать контракт, чтобы поддерживать стоимость компании. И тебя.

— Мне нужно подписать контракт?

— Если хочешь остаться.

— А Джереми вернется?

Дэвид уставился на нее.

— А ты верная, не так ли?

— Я знаю, что мне нравится делать, и знаю, с кем мне нравится работать.

Дэвид приподнял бровь, но она её проигнорировала. Настроения отшучиваться, категорически не было.

— Значит, у вас есть покупатель? — спросила она.

— Конечно. Бренд сильнее, чем один человек.

— И ты сказал этому человеку, что ты продаешь магазин?

— Правопреемник Грейси Померанц имеет право продать свои акции кому угодно, в любое время. И если бы вы были ее мужем, разве вы не хотели бы избавиться от них? — Дэвид откинулся на спинку стула, ожидая Лорин ответ. То, что было логично для Шелдон а, для неё было совершенно не важно.

Дэвид продолжал.

— Лора, я не понимаю, почему это важно для вас. Мы сделаем вам хорошее предложение.

Джерери справится и без вас. Он и не из таких передрыг выплывал.

— Я скажу вам, почему это важно для меня. Потому что я была довольна своей работой. Я была так счастлива, что приходила на неё раньше всех. И теперь кого — то убили, я знаю, это звучит ужасно, но полиция арестовывает Джереми ни за что. У них нет ничего на Джереми, кроме пропавшего Т.О. Р. и пары шелковых волокон на пальцах. А между тем, накануне вечером она поругалась с вашим боссом, в момент убийства Кармелла была в здания, а мотивы убить Грейси были чуть ли не у всего города. Так что здесь происходит?

Вы думаете, что я могу, здесь спокойно находится и работать на людей, которые выкинули Джереми за борт?

— Никто никого не выкидывал за борт.

— А кто, по — твоему, её убил? — это был провокационный вопрос, который она порой боялась задавать даже себе, и Дэвида, он тоже поверг в молчание. — Ну? — нажала она. — Бумаги и ДНК указывают на Джереми. Так что ты думаешь? Это сделал он?

— Нет, я не знаю.

— Так кто же?

— Мне все равно. — Дэвид сжал пальцы и наклонился вперед. — Моя работа здесь — следить за этим офисом во время перехода. Мне все равно, кто убил Грейси Померанц.

Это не мое дело. — Он намекал на что — то, но слишком расплывчато.

К сожалению, Лора слишком плохо понимала намек.

— Что — то происходит. Я не знаю, что, но пока с этим не все ясно, я не могу брать на себя никаких обязательств. А теперь, у меня много работы. — Девушка встала, чтобы уйти.

— Извини, но тебе придётся подписать контракт.

— Что это значит?

— Это означает, что нам нужны люди, которые хотят работать в этой компании. Если ты не из таких, чего бы я очень не хотел, то мы будем вынуждены уволить тебя. — Он казался таким жалким, что Лора даже опешила. — Ты получишь начисления за каждую неделю работы в течение всего срока работы. Сейчас готовится черновой вариант контрактов. Он будет подлежать неразглашению, но ты сможешь ознакомиться с ним в любое время.

Все хотели, чтобы она заткнулась. Он нервничал.

— Вы не имеете на это права. Только Джереми может уволить меня.

Он покачал головой.

— Грейси может. Если бы она была здесь.

Она знала, что он прав. После смерти Грейси, Шелдон занял её место, и Дэвид был его агентом.

— Мне нужно время подумать об этом.

— Хорошо. Мы составим план контракта. До тех пор, пока мы не уверены, что ты продолжишь работать на нас, пожалуйста, не подходи к своему столу без сопровождения.

Она мгновенно перешла от уважаемого сотрудника к потенциальному вору интеллектуальной собственности. Предела её удивлению не было. На какой — то момент ей показалось, что земля уходит из-под ног. А потом просто вышла, прежде чем Дэвид мог выставить её еще какой — нибудь приговор.

Она даже не собрала вещи. Просто потому что не была готова к такому. Её мысли все еще были на работе, с Джереми и людьми, которые помогали строить красивую модную сказку. Она сидела на одной из холодных деревянных скамеек в вестибюле и отдавала по телефону последние распоряжения. Она рассказала Тони, что нужно доделать с её моделями. Он шумел и жаловался, но ему не предлагали контракт, поэтому у него было мало выбора. Поговорила с мамой и попросила продолжить вязание без Лоры, Кармеллы или Джереми.

Она открыла выписанную для себя копию «Women's Wear Daily» с Джереми на главной странице. Самая большая статья размышляла о будущем его бизнеса и рассказывала о возможных покупателях из Китая. Следующая размышляла о его пребывании в тюрьме: сколько ему могут дать, какие обвинения предъявят, и какие последствия могут ожидать его бизнес. Самая маленькая статья, малюсенькая заметка на углу страницы, была посвящена вопросу: «Он ли это сделал?». В ней не содержалось никакой новой информации, и она была до безобразия короткой, хотя у журнала было достаточно времени, чтобы провести свое независимое журналисткой расследование. Похоже, индустрия волновалась судьбе Джереми не больше Дэвида.

С такими мыслями Лора вышла в холодный, бетонный мир, называемый Бродвеем.

Там она купила еще один выпуск «WWD», но уже без рекламы. Толпа подтолкнул её к телефонному столбу, сплошь обклеенному листовками с номерами телефонов. Она сорвала один и положила ее в карман, зная, что никогда не позвонит. Но её необходимо было сделать хоть что — нибудь.

В два часа уличное движение уменьшилось на сорок процентов, и энергия города плавно перетекла из кофеен, забитых во время ланча, в офисы. Где — то там. Еще казалось в другой жизни, начинался бы спор о пуговицах, поставщиках ниток, медленных и нерасторопных. Курьеры на мопедах бы шныряли по городу от фабрики к офису, таская, громоздкие рулоны бумаги, которые не помещались в багажнике.

Но Лору это больше не должно было интересовать. Она пересекла Седьмую авеню четыре раза без причины, перебегая на красный свет как будто ей было куда спешить. Она спустилась еще на один квартал, избегая поворота на 38-ю, пока потеряно не остановилась, впервые заметив, насколько заплеванным выглядит тротуар под ногами.

Она натолкнулась на вешалку с распродажными купальниками, проходящую через улицу, опрокидывая её. Продавец кричал её «Эй, дамочка, осторожней!». Каждое его слово тонуло в шерстяном бордовом шарфе, обвязанном вокруг лица. Она пробормотала извинения, но это было единственное доказательство того, что она на самом деле существовала.

Лора впервые пришла домой в середине рабочего дня. Внезапно, у нее появилось много свободного времени, и она понятия не имела, что с ним делать. Она протянула руку к брюкам, которые она купила для переделки в винтажном магазине и начала фантазировать о Джереми. Она представила себе, как он будет ее благодарить, когда она вытащит его из тюрьмы, как будет сожалеть о том, что проводил время с Грейси, когда он мог быть с ней. Как бы он стал яростно отрицать свою связь с этой ужасной женщиной, как бы сказал, что

он не нанял ее, потому что он хотел иметь с ней чистые отношения, которые были бы незапятнанными их совместной работой.

Она чуть не укололась, когда прозвенел дверной звонок. Она выглянула в окно и удивилась, увидев, как легкий снегопад покрывает волосы Йони. Звонила она.

Йони была похожа на Мстителя с ее черной кожаной курткой и сапогами. Она держала портфель под мышкой. Лора предложила присесть и выпить чаю.

— Ты спрашивала меня о контракте, — сказал Йони.

— Мне было любопытно. — Менеджер положила портфель на кофейный столик, но не раскрыла его.

— Я недооценила тебя. Прости.

— Не волнуйтесь об этом, — сказала Лора, пытаясь скрыть свое удовольствие.

Йони развязала шнурки на портфеле и вытащила из него две пачки бумаг, перевязанных лентой.

— Вы предупредили меня, что контракт был важной частью головоломки с Джереми, о котором, как вы знаете, я беспокоюсь не меньше, чем вы. Но я видела, как Дэвид уничтожал бумаги в измельчителе поздно вечером. Бумаги резались неправильно, и я подумала, вы знаете, я всегда говорила Джереми, купить измельчитель с вертикальными и горизонтальными ножами.

— Но он не слушал, как всегда. Итак... — Йони открыла бумаги. — Я проделала небольшой трюк, которому мой отец научил меня, когда работал в Моссаде. Линии измельченной бумаги были прикреплены к доске, достаточно близко, чтобы читать. Низ был черным, как если бы страница была вытащена из копира перед тем, как все копирование было завершено. — То есть, он никогда не говорил мне, где он работал, но какой отец знает, как записывать ленту вместе с измельченными документами? Хм? Ладно, вот что мы имеем.

Сент — Джеймс был в полной дыре. Во — первых, посмотри на седьмой параграф. — Лора ничего не видела, это был измельченный кошмар, а половина букв была внутри бумажных швов. — Он не мог открыто говорить о ней на публике и рассказывать ничего, что она говорит. Это она сказала, что он гей, для его профиля в «Women's Wear Daily»?

— Думаю да.

— Ну, вот так оно и было. Потом, он не смог создать другую линию, без её одобрения, даже только под своим именем. Она полностью владела правами на бренд. У нее было право вето на все решения по дизайну и маркетингу. Есть еще одна страница, где указано, что её принадлежало 55 процентов активов. Но больше я ничего не нашла. — Она закрыла портфель.

— Не могу поверить, что он подписал это.

— Я тоже. — Лора тоже не могла поверить, что Йони оказалась такой полезной. — Они предложили вам сегодня контракт?

Йони закрыла портфель.

— Да. Это были большие деньги. Я не верю. Я весь мозг сломала, гадая зачем я так нужна Шелдон у Померанцу. Может мне известно что — то важное. Когда ты позвонила, я подумал, может быть, ответ заключен в контракте. Но если это так, то ответ на других страницах. На этих только как они скрутила Джереми по рукам и ногам.

— Вы не доверяешь Шелдон у? — спросила Лора.

— Не настолько, что могу его бросить. Это то, что ты имеешь в виду?

— У него алиби. Покерная игра. Этим утром я видела записи камер наблюдения из

вестибюля. Его не было в здании.

Она вздохнула и потягивала чай.

— Можешь подержать это пока у себя, — сказала Йони, указывая на портфолио. — До тех пор пока все не прояснится.

— Спасибо, Йони.

Йони встала, чтобы уйти.

— Я знаю, что они и тебе предложили контракт. Как по деньгам?

— Я даже не смотрела.

Йони закатила глаза и направилась к двери. Лора еще долго провожала её взглядом в сгущающемся снегопаде.

Дуомо.

Церковная колокольня.

Лора была во Флоренции в старшем классе средней школы. Каждый год итальянский клуб Западного Манхэттена организовывал поездку в Италию для одного старшеклассника. Для сестер Карнеги это была несбыточная мечта. Но Лоре удалось выиграть её в изнурительном конкурсе эссе собственного сочинения, которые студенты должны были написать на итальянском языке, и в которых рассказывалось, почему они хотят поехать в Италию. Несчастливая Лора проторчала три ночи в итальянской пиццерии, совершенствуя произношение *sarta* (портниха), *lavorazione* (мастерство) и *squisito* (изысканный). Она так хорошо описала работу итальянских портных, что зал взорвался овациями, а некоторые судьи обратились к ней на итальянском, как будто она могла что-то сказать за пределами эссе.

Поездка на экскурсию как дизайнеру её никак не помогла, но она даже и не надеялась на что либо. Даже и не представляла, что ожидать. Поэтому просто прогуливалась по Милану как по подиуму, и представляла, как Джон Гальяно выйдет из своего кабинета, пожмет ей руку и предложит провести экскурсию по своей мастерской.

Но в итоге, она плелась в конце экскурсионной группы, разглядывая достопримечательности. Среди них было и Дуомо во Флоренции, где по ступенькам носили несколько сотен туристов каждый день. Каменные балконы, парящие высоко над городом и, несомненно, самые прочные стены, построенные за последние тысячи лет, заставили ее чувствовать себя до головокружения уязвимой.

А когда она вернулась домой, то обнаружила, что Руби встречается с Беннетом Маттевичем, из школы Троицы, который нравился Лоре.

Стью, терпеливо выслушивал все Лорины ассоциации со словом «дуомо» под виски содовой в ирландской дыре на Лексингтоне. Они сидели в баре, в окружении людей в костюмах с короткими стрижками, которые вылавливали лаймы в коктейлях или набивали живот крепким пивом. Куда не посмотри, Лоре казалось, что на неё пялятся.

Как будто у неё лосиная голова.

— Ты несешь полную чушь, — сказал Стью. — Это все совершенно бесполезно.

— Я не собираюсь идти в клуб на острове Стейтен, по крайней мере, одна. Но я должна.

— Ну, предположим, узнаешь ты что —нибудь. Ты просто хватаешься за соломинку.

— Что, если он гангстер? Друг Кармеллы. Что, если он опасен?

— Это тебя остановит?

Она должна была признать, что нет. Просто еще один повод для беспокойства.

— Это прямо над мостом, — сказала она, — не слишком далеко от парома. Клуб.

— Ты пытаешься заставить меня пойти в какой — то стремный клуб на Стейтен — Айленде? Я вырос в Бруклине, и дважды был в Стейтен — Айленде.

— А если вы не включать школьную поездку к Статуе Свободы? — Он никогда не упоминал её, но каждый школьник хоть раз ездил к Статуе.

— Тогда один раз. — Он заказал еще выпивки на двоих. — Вот как я это вижу. Ты хочешь пойти туда, потому что, тебе любопытно. Это я принимаю и уважаю. Ты не можешь просто ждать, пока кто — то поймает убийцу Грейси Померанц. Полиция слишком медленно

действует.

Лора кивнула, и Стью продолжил:

— Ты склонна думать, что все в этой жизни должно быть правильно. Докопаешься до правды и все буде хорошо. Это не мило.

Он собирается снова поцеловать ее? Но он трезв, а Стью никогда не делает ничего на пьяную голову. Но он был достаточно храбр, чтобы повторить попытку, пока бармен не поставил перед ними четвертую порцию виски.

— Ты идешь или нет?

— Мне нужна история, — сказал он. О, теперь стало, ясно к чему он вел. Никакой это не другой поцелуй, а банальное деловое предложение. — Я хочу получить доступ ко всей информации, любые документы, которые ты найдешь, и все, что ты обнаружишь. Когда мы выясним всю правду, я хочу получить эксклюзивный контракт на общение с прессой и права на продажу всей этой истории, где бы ты ни была, и что бы ни случилось.

— Мне положена доля?

— Это было бы неэтично. — Он отхлебнул напиток, наблюдая за ней через край стекла шальным взглядом, совершенно не типичным для него.

— Как поживает ГарриMeal? — попыталась перевести разговор Лора.

— Я не для того ходил в школу журналистики, чтобы обслуживать одиноких богатых женщин.

— Если у них нет сенсаций.

Он прокрутил свой виски вокруг стакана.

— Ты хочешь поговорить о другой ночи? — с таким необычным ядом она была менее уверена в том, как управлять им. Спонтанный поцелуй в центре Бродвея стал событием, которое заслуживало больше внимания, чем внимание, которое она могла предложить в данный момент.

— Нет. Я вообще не хочу об этом говорить.

— Мне следует извиниться.

Хороший вопрос, но она не была готова на него ответить. Скорее всего, ему и нет нужды извиняться, он никак не ранил ни её чувства, ни её тело. По правде, она даже восхищалась его мужеством.

— Я полностью твоя, — сказала она, не замечая двусмысленность сказанного. — Интервью до конца времен, если захочешь. И даже можешь распечатать мою фотографию. Но ты должен пойти со мной сегодня вечером.

— Лора, ты слишком дешево продаешься.

— Ладно, но еще один напиток и никаких поцелуев. И на пароме ты расскажешь мне, как мне найти работу.

— Что?

Она отмахнулась от него и залпом выпила коктейль, заглотив при этом большую часть льда. Стью проделал то же самое, не задумываясь. Пропустив её по стаканчику, они отправились на паром.

Только сумасшедший человек будет кататься на верхней палубе в конце февраля. Но вот они именно здесь. И если вы спросите их, почему, по обоюдному, невысказанному соглашению, Лора и Стью решили, что на холодных, влажных скамьях гораздо удобнее говорить о жизни, чем внутри теплых кают, они ни за что не смогли бы вам ответить.

— Я не думаю, что тебя действительно уволили, — сказала Стью после того, как

девушка рассказала ему всю историю. — Как правило, есть хотя бы переговорный период с контрактом. Они не могут заставить тебя просто подписать его. Ты должна показать его адвокату.

Она посмотрела на реку и плавучую ледяную слякоть. Конечно, он был прав. Ее не уволили. Дэвид не сказал, что ее уволили. Он просто предупредил: или она соглашается на сделку; или может валить на все четыре стороны. Однако сделка не была четко оговорена. Она вытащила свой мобильный телефон, который отключила ранее, чтобы ничто не помешало предаваться меланхолии.

Семь звонков с работы.

Она склонила голову и рассмеялась. Смеялась до тех пор, пока не стала заваливаться на пол от смеха. За прошедший день она не только смирилась со своей судьбой, но и приняла её. И даже успела почувствовать некую свободу. Да — да, именно свободу. С бедностью она подружилась еще в детстве, а вот свобода была для неё в новинку. И она поняла, что жаждала её даже больше, чем свою работу.

Стью догадался, что она чувствовала.

— Я не знаю, станешь ли ты безработной за отказ от контракта.

— На самом деле, я думала, почему они в первую очередь предложили контракт мне? У конструкторов нет контрактов. У дизайнеров, руководителей производств они есть. Имеет смысл предложить Йони. Возможно Кармелле. Но не мне. По крайней мере, не на этом этапе моей карьеры. Я имею в виду, единственное, что я могу подумать, так это то, что они сделали это, потому что люди бегут от них толпами, а я остаюсь на месте. А потом, предложение Пьера Севьена. Что это было? Почему он предложил курировать меня? Он работает только с лучшим.

— Вероятно, это и есть ответ на твой вопрос.

— Не бойся, — ответила она, не подумав об искренности слов Стью. — Две вещи вроде этой точно не случатся сегодня: раскрытие убийства и чья — то протекция Стью встал, когда паром подходил к причалу.

— Возможно, ты знаешь что — то, что очень важно. Но ты еще этого не поняла.

Мысленно Лора перебрала все варианты всего того, что она могла знать, не догадываясь об этом, но ничего дельного не пришло в голову. Ее мысли были далеки, когда она встала в очередь с другими пассажирами, которые выходили с теплой внутренней палубы. Стью обнял ее, и она не убрала его рук, когда они сошли с парома в морозную ночь под кусающий островной ветер.

Они сошли с трапа на улицу, которую Стью описательно назвал типичным промышленным раем. Лора же описала бы её как унылое незаконное пространство, которое можно найти в каждом городе.

— Ты настоящий сноб, ты это знаешь? — сказал Стью, когда они подошли к одиноко стоящему вышибале рядом с качающейся бархатной веревкой. — Это то место, которое заставило Кармеллу лгать о том, откуда она родом.

— Бывал в подобных заведениях? — спросила Лора.

Он не ответил. Она знала, что он не ответит.

Вышибала отстегнул веревку, и направила их к женщине за красной стойкой. Ее волосы были нагромождены на голове, как конфеты из желтых хлопьев. Окинув их взглядом сверху до низу, показательно прожевав резинку, блондинка сказала: «Тридцать каждый».

Лора и Стью переглянулись. Это было дорого, по крайней мере, для них. Лора

подумала, что стоит попытаться сбить цену. Или сказать, что она не собирается в клуб и просто пришла поговорить с Марио. Но пока она взвешивала все «за» и «против» в своей голове, за ними в клуб зашла толпа из шести человек. Кукурузная барышня улыбнулась и помахала им рукой. Они были классическим примером отвратного вкуса, с бахромой на сумке, легинсами и волосами до вторника. У четырех женщин свисала грудь, а двое мужчин выглядели так, будто они долго били друг друга.

Один из мужчин помахал охраннику и отошел в сторону, чтобы позволить дамам пройти.

Они не заплатили никаких тридцати долларов. И Лора, понимая, что они здесь на чужой территории, открыла свою сумку и понадеялась, что ей хватит, даже если ей придется подчистить всю мелочь, оставленную на автобус.

Стью подошел к ней и достал увесистую пачку налички.

— Не хочу создавать у тебя комплекс по поводу того, что я плачу, хотя и придерживаюсь патриархальных взглядов о женщинах и деньгах. Но я слишком сильно хочу в туалет, чтобы ждать пока ты выскребешь весь мусор из своей сумки.

— Ты назвал мои вещи мусором?

— Извините, если оскорбил ваши тонкие чувства.

Он вручил «Кукурузной конфетке» полтинник и десятку, а Лора закрыла сумку и сделала вид, что его поступок её совсем не трогает. Она смотрела, как девица закладывает деньги в лоток и отрывает два билета с рулона, как будто они что — то значили, как будто руководство не брало деньги в обход кассы и честно платило налоги. Это было шоу для «чужих», поэтому было, похоже, что их тридцать долларов ушли не на клочке бумаги, а на чьи — нибудь карманные расходы. Она аж закипела от ярости. Если бы они жили в комиксах, на ее голове была бы черная надпись.

Стью схватил её за руку и провел за бархатный занавес. Она должна была простить его.

Из всех его хипстерских замашек это была самая невинная. К тому же, он был представителем только первого поколения со Среднего Запада. Но он был таким чертовски невозмутимым. Она никогда не смогла бы встречаться с ним. Никогда. Даже с его пшеничными волосами, светящимися в ночном клубе. Даже с его волевой челюстью или милыми глазами, или тем фактом, что он заставил ее чувствовать себя спокойно и безопасно. Но сейчас она была с ним, и он передал секьюрити их билеты, как если бы это была самая естественная вещь в мире.

Она села за барную стойку, а Стью отправился на поиски туалета. Лора заказала два «Джеймсона на скалах» и заплатила бармену кредитной карточкой. Он вежливо улыбнулся, правда, так, что стало видно цель между его кривыми зубами. Изо рта у него неприятно пахло, и он тот час же вызвал у Лоры чувство брезгливости. Но пришлось загнать обратно весь свой снобизм и премило улыбнуться. Это был человек Марио, и он точно знал, где его найти, хотя и не был склонен сильно болтать. Просто взял свои два доллара на чай и ушел в другой конец барной стойки.

Лоре пришлось отдать должное дизайну этого убогого клуба. Марио пытался.

Утопленное в потолке освещение не отражалось на цементном полу, а темное дерево бара было правильного оттенка. Столы стояли на высоте груди, а у стульев была удобная спинка. Но стены, обшитые панелями под каменную кладку от Home Depot, и потолок, как белый лист бумаги, портили впечатление. У фрески на южной стене была правильная идея: единорог 80-х / Пегас, полуобнаженная женщина с зелеными глазами и изящная девушка с

расстегнутым корсажем, выглядывающая из пещеры. Но все было слишком добросовестно сделано, что создавало наоборот отталкивающее впечатление.

Как будто дизайнер думал, что получилось круто, а на самом деле лишь посмеялся над вкусом предков. И не было никакой изюминки. Ни специальной обработки воды, типа бассейна или фонтана. Ни стены из стекла. Казалось, все можно было бы поменять в угоду более современным дизайнерским тенденциям.

Критика в адрес заведения заставила Лору почувствовать себя лучше, и она окинула взглядом танцпол. Вдруг в толпе мелькнет убийца. Для вечера четверг народу было предостаточно. В зале навскидку было около двадцати человек, кружило на внутреннем круге танцпола. Внешний периметр зала был почти полностью заполнен мужчинами, которые размахивающими в такт музыке бутылками и стаканами с горячительным, а по середине зала, под разноцветными люстрами Уоллбергер, пританцовывали девушки.

Все выглядели одинаково, в костюмах и с короткими волосами. Трудно будет случайно наткнуться на Марио. Лоре придется напрямую спрашивать о владельце Бармен вышел из подсобки, посмеиваясь над парнем в пальто HugoBoss, на котором была маленькая тканевая этикетка на левой манжете. Такие этикетки пришивали специально, чтобы в магазине вы с легкостью могли выбрать HugoBoss или Armani или что — то другое, но по приходу домой, такую этикетку следовало отрезать. Но публика здесь не слишком соображала в особенностях брендовых вещей. Лора отхлебнула еще немного коктейля, и заметила, что у половины женщин одежда болтается на плечах.

Когда Стю скользнула рядом с ней, она спросила:

— Когда ты покупаешь костюмную куртку, и не можешь просунуть руки в карманы, что ты делаешь? Лора прищурилась, задавая вопрос. Минуту помолчала и продолжила.

— Думаешь, что купил куртку с карманами обманками или разрезаешь прошивку? — Лора еще раз посмотрела на Стью, который только что примостился на стул рядом с ней.

— Я не ношу такие куртки. — Он взял свой напиток. — В задней комнате кучка парней. — Он указал на коридор, ведущий к туалету. — Держу пари, что он там.

— Я хочу домой.

— Полтора часа мерзнуть на пароме и ничего не сделать?

Он был прав, как обычно. Она приехала, чтобы узнать, кто такая Кармелла, и о чем они спорили в ночь убийства, и именно это она и собиралась сделать. Лора прикончила свой виски и встала.

— Каков наш план? — спросил Стю.

— Метод бульдозера. Заходим и задаем вопросы. Если они не ответят, спросим еще раз. Если ответят, зададим больше вопросов.

Прежде чем он успел что — то ответить, она направилась к маленькому коридору с табличкой «туалет». Она не проверила, следует ли он за ней, но почувствовала его присутствие позади нее, как ангела — хранителя. Если бы его сейчас с ней не было, она бы сбежала, как сбежал Джереми от посещения фабрики.

Светильники в коридоре были сделаны из латуни — еще одна выбивающаяся деталь.

Можно было это объяснить простым недостатком вкуса? Или это была задуманная небрежность? Это было важно и указало её на тот факт, что незаметно для себя она прошла в комнату.

Прежде чем у Лоры появилась возможность передумать, она распахнула дверь в неряшливую заднюю комнату, еще один пятно на уженесовершенном виде, и почувствовала, как что — то пронзительно просвистело около её лица. Затем она услышала шум, издаваемый четырьмя парнями из Стейтен — Айленда во главе с Марио. У него был затуманенный, один Бог знает чем, а локтям он пихал под ребра высокого парня с лейблом HugoBoss на рукаве. Какой — то слизняк в белой атласной рубашке, расстёгнутой для пупка, прислонился к белокурому хипстеру, у которого вид был такой, как будто он потерялся на обратном пути избруклинского Уильямсбурга.

В руках у Марио было два дротика, он протянул их как бы говоря «подойди ко мне».

— Я попал в яблочко или промазал? Не могу разглядеть.

Вокруг снова послышались смешки. Лора посмотрела вправо и увидела мишень с воткнутым в середину дротиком. Должно быть, он пролетел в миллиметре от её лица.

— Глупое место для мишени. — Сказала она.

Марио рассмеялся. Лора не знала, был ли он под наркотой, или это его естественное состояние, но в любом случае время для расспросов крайне подходящее. До того как приди в этот клуб, она много на воображала себе о парне своего дизайнера, но не была готова к такой самоуверенности. Уверенность в собственных силах таяла как на глазах.

Кармелла определенно не была чьей — то, куклой. Она бы просто не подпустила к себе такого рискованного человека.

— Ему там самое место, — ответил он. — Прогоняет чокнутых баб.

— Видимо, нет, — сказала она, входя в комнату. Она больше чувствовала, чем слышал, как за её спиной стоит Стью.

— Все горячие девушки сумасшедшие, — сказал «Слизняк». — Присаживайся. Он подтолкнул стул. Это был алюминиевый складной вид с широким пластиковым плетением, который она видела на фотографиях 70-х годах. Ей не очень — то было уютно сидеть, пока все стояли.

— Ты Марио? — девушка оглянулась на Стью. Тот стоял, прислонившись к дверному проему, предоставив ей полную свободу действия, толи из джентельменских, толи из журналистских побуждений, толь из всего вместе.

— Я тебя знаю. — Марио указал на нее, поворачивая ладонь под неестественным углом. — Вечеринка в Сити, в прошлую субботу.

Когда житель окраинных районов говорил «Сити» с ударением на «с», то сразу же имелось в виду Манхэттен.

— На 36-й улице? Не помню, чтобы встречалась с тобой. — Это была чистая правда. Она и Кармелла пошли на вечеринку отдельно, поэтому представлять друг другу кого — либо не было нужды.

Он протянул руку и вытащил стул поменьше, чем складной стульчик, но больше похожий на человеческий. — Что привело тебя на Айленд?

Лора присела.

— Я слышал, ты знаешь Кармеллу Ульфанти, и я хотела узнать о ней по больше за пределами работы.

— Кармелла, да, — сказал он, как будто они встречались раз или два на вечеринке. Он положил два дротика в руку Хипстера. — Выпьешь что —нибудь?

— Нет, спасибо.

— Ты работаешь с Кармеллой? — Он был невероятно трогательным, учитывая, что она только что приперлась без спроса и покритиковала размещение его мишени для дартса.

За ней игра продолжилась, как будто ничего не произошло.

Марио упал в кресло и закинул свои ноги на большой дубовый стол, слегка покоцанный по краям. Щелкнул синей ниткой своего браслета, пару раз провернул его вокруг руки. Он носил обручальное кольцо. Лора мало что знала о жизни Кармеллы, но, вроде бы, дизайнер не была за мужем, или, если бы она была, она была уверена, что она бы знала.

— Я живу на Ист — Сайде, — ответила девушка, совершенно ничего не значащее предложение.

— И ты работаешь с Кармеллой? Чем ты занимаешься?

— Я модельер. — Она хотела было объяснить, но он кивнул, как будто точно знал, что это. — Мне очень жаль беспокоить тебя, но полицейские показали мне видео, на котором Кармелла поднимается в лифте утром, когда была убита Грейси Померанц. И я не знаю, знает ли она, что они знают.

Марио просто пристально посмотрел на нее, щелкая ниткой голубых бусин, словно просчитывая что — то.

— Кто этот парень? — он указал Стью.

— Он со мной.

Марио кивнул подбородком в сторону Стью.

— Эй, не хочешь присесть, или так и будешь там полы протирать?

— Мне и здесь хорошо. Ногу свело, вот стою, разрабатываю.

— У парня судорога. — Марио повернулся к хипстеру. — Эй, Джефферсон, я слышал, что у тебя хорошие руки. Помассируй этому парню бедро, чтобы он смог нормально сидеть на стуле.

Со стороны, все выглядело чрезвычайно забавно. Лора перевела взгляд на Стью. Тот в ответ пожал плечами. Она снова обратила внимание на Марио. Он щелкнул своими бусинами и уставился на нее, ничего не говоря, очевидно, окончил школу запугивания Шелдон а Померанц.

— Итак, вернемся к Кармелле. Сможешь передать сообщение? Потому что на работе у стен есть уши, а у полицейских кончились идеи, и я боюсь, что придет время, когда парень, который убил Грейси, вернется или же полицейские решат, что у них мало людей в обезьяннике. Я имею в виду, что уже побывал в темной комнате с видеозаписью из холла. И что — то мне подсказывает, что мне могу счесть похожим на убийцу. Поэтому, просто оставьте меня в покое!

Марио перестал двигаться, кроме как перебирать этот треклятый браслет. Затем он пожал плечами.

— Полицейские могут позвонить ей, если они хотят поговорить с ней, верно?

— Думаю да.

— Знаешь, я тоже занимаюсь торговлей тряпками. Ты видишь эту куртку? — Он

отодвинул край лацкана. — Это мои вещи, которые я поставляю в магазины по всему Бруклину. Я копирую Армани с каталогов, но знаешь что? Это не Армани. Две тысячи долларов за Армани! Я похож на того, кто потратит две штуки за куртку?! Я что, идиот?!

Лора не ответила, но на куртку посмотрела. Это была какая — то смесь вискозы.

Внутренняя часть куртки распахнулась, когда он сел, и Лора увидела оверлоченную строчку. Манжеты скручивались, и шов вокруг лацкана был кривым потому, что натяжение машиной нити было слишком плотным. Это была подделка. Джорджио Армани позволил своей служанке таким только пол в ванной мыть.

— Это хорошая куртка, — сказала она. — Я думаю, вы с Кармеллой должны работать вместе. У нее отличный вкус.

— Да, я тоже так думаю. Она бывает слегка надменна, но иногда очень хороша.

— Я знаю, что Грейси пыталась удержать ее, но я думаю, это больше не будет проблемой.

— Её предложение было куском дерьма. — Марио резко скинул ноги со стола и ткнул пальцем на Лору. — Эта сука и с копейкой бы не рассталась ради Кармеллы.

— В попытках нет никакого вреда. Ас тех пор как Пьер Севьен отказался от неё, кто знает?

Нет предела совершенству, верно?

— Пока ты не поднимаешься так высоко, что становится трудно дышать. Девочки, как Кармелла, как правило, забывают, откуда они.

— Я уверен, что она не оставила бы тебя полностью, — сказала Лора, напряженно выжидая ответа.

Марио постучал рукой по столу, громко задевая своим кольцом его поверхность.

— Дело было не в том, чтобы оставить все в прошлом. У меня была куча денег. У меня было ее оборудование, установленное здесь, в этом чертовом Вьетнаме. У меня была куча денег, но не «правильных» денег. Она сказала не принимать это на личный счет.

Скажешь, это не личное?

Должно быть, из — за этого и произошла сора влофте, и он, очевидно, все еще злился за это. Но был ли он достаточно разозленным, чтобы убить Грейси.

— Может быть, она не хотела сотрудничать со своим парнем? — предложила Лора. — Или, может, её был нужен свой человек в этом бизнесе?

— Я уже в этом чертовом бизнесе. — Он дернул за лацкан своего «Не — Армани». — Я уже рассказал тебе.

— Я видела тебя на той записи, — сказала она.

Марио щелкнул пальцами.

— Джефферсон. — Хипстер оторвался от игры в дартс. — Проводи её и посади в такси. У меня нет на это времени. Он забрал дротики у Джефферсона и на бум бросил их в доску.

Бах, бах, бах. Прямо в центр.

Лора хотела сказать еще что —нибудь, хотя бы до свидания или спасибо или что — то, чтобы не обижался. Но Марио даже не смотрел в её сторону.

Она последовала за Джефферсоном. Когда Джефферсон проходил мимо Стью, стоявшего прислонившись к дверному косяку со скрещенными на груди руками, он как бы случайно задел его плечом, стараясь сбить с ног. Стью увернулся от толчка, и пожал плечами. Уж кто — кто, а Лора знала, что еще со школьной скамьи он был самым ловким участником всех школьных мероприятий.

Ожидание паррома казалось вечностью. Лора подпрыгивала на месте, чтобы согреться.

Стью сидел на скамейке, обхватив себя руками, как будто было семьдесят градусов.

— Почему он это сделал? — спросил Стью. — Если бы он действительно считал, что ее обещания денег ничего не стоили, ему нечего было бояться.

— Возможно, это был не страх. Может быть, он просто рассердился, что его финансируют извне, и, может быть, она просто что — то сказала, что разозлило его, и он пошел на убийство.

— Подожди, Лора. Ты сказала, что он даже не поднимался на лифте.

— Я видел только часть записи. Он мог подняться перед ссорой с Кармеллой. Может быть, когда Кармелла поднялась наверх, Грейси уже была мертва. Или, может быть, он поднимался в толпе, и полицейские не заметили его.

— Или, может быть, он проходит сквозь стены, — сказал Стью. — Послушай, я не собирался об этом говорить. Потому что когда ты любопытна, то так мило выглядишь, но все — таки платим налоги на содержание полиции. Может быть, поручим им поработать?

— Позволить полиции найти убийц? Боже. Стью, как банально.

— Ты очень заинтересована этим убийством, и я не могу понять почему.

— Это тоже входит в твою статью?

— Может быть.

Она не хотела говорить ему, что она под подозрением, потому что пришлось бы сказать, что полиция подозревает её в романе с Джереми. Поэтому она придумала другую причину.

— Когда я это делаю, то чувствую себя лучше. Чувствую себя действительно... Я не могу это объяснить.

Он закончил за неё.

— Живой? Нужной? Как будто твоя жизнь имеет смысл? Как будто ты не просто делаешь, вещь, которые люди поносят и выбросят?

Лора хотела возразить, что люди покупают вещи Сент — Джеймс не для того, чтобы выбросить. Но это было неправдой. Конечно, они их выбрасывают. И правда была в том, что он сказал. Прекрасная куртка в этом сезоне будет устаревшей старой вещь в следующем. И это было изнурительно. И именно поэтому люди покупали контрафактные товары и дешевый китайский мусор. Потому что, какой у них выбор?

— Грейси попала между двух огней, — сказала она. — И Кармелла бросила его ради спонсорства.

— Используй больше слов, — сказал Стью.

— Кармелла знала, где производится контрафакт, а что, если она подозревала, что Марио не только производит подделки? Что он не просто нашивает ярлыки? Итак, она пошла к Грейси и рассказала ей, а Грейси обещала профинансировать собственную линию КармеллыУльфанти. А затем Марио встречается с Кармеллой на вечеринке, где она его бросает.

— А потом он убивает Грейси? — мгновенно сорвал с языка Стью.

— Да.

Он пристально посмотрел на нее.

— Если это может разрушить мою карьеру, тебе придется предложить что — то посущественней.

Кто — то на внутренней палубе поймал взгляд Лоры, и она вытянулась, чтобы посмотреть.

— Что такое? — спросил Стью.

— Я думаю, что видела того парня, Джефферсона. — Она взглянула еще раз, чтобы посмотреть лучше, но было темно.

— Паранойя — не инструмент оригинального разума.

— Не тогда, когда за тобой следят.

Но на самом деле она не это имела в виду. Она не думала, что кто — то пойдет за ней, и не думала, что Джефферсон действительно сел с ними на паром. Она подумала, что у нее достаточно информации о Марио, чтобы убрать полицейских от своей персоны. Казалось, что лодка слегка покачивается, Стью чрезвычайно мил, и ветер на ее лице был соленым, влажным и вкусным.

Несмотря на достаточное хорошее освещение вокруг стадиона Ши, паромный терминал был довольно жутковат в полночь. И если бы вы не грабитель или насильник, то это место для вас глухая чаща. Лора и Стью притворялись беззаботными, но смотрели на каждый угол и постоянно оглядывались. Лора расслабилась только тогда, когда они ушли с этого медвежьего угла и вышли на улицу. Уж там — то с ней ничего не могла случиться.

Даже на мертвых улицах финансового района она чувствовала себя в безопасности.

Поэтому, когда они вышли на юг к Уайтхоллу, она опустила своего стража. В конце концов, это был её дом и все, что её требовалось, так это просто следовать привычному маршруту. Во — первых, она попыталась посадить Стью на поезд, идущий по желтой ветке N или R, чтобы он мог отправиться на север на 14-ю улицу и пересечь на L до Вилльямсбурга. Он возразил, что это небезопасно, и она в ответ пришлось заявить, что ее женственность не превращает мир в зону военных действий и не изменяет того факта, что остров Манхэттен был самым безопасным местом в мире. В конце концов, она настояла на том, чтобы они поймали поезд на зеленой ветке.

Она немного рассмеялась, когда она спустилась в метро, прокручивая в памяти все то, что сегодня рассказал Марио. Ее худшие опасения о Кармелле подтвердились. Она считала дизайнера своим другом, другом, который путешествовал в кругах высшего класса, гламурной женщиной со связями и любящей прожигать свою жизнь на вечеринках.

Теперь она знала, что Кармелла лгала и преувеличивала, но все же она поехала в «Дуомо», ожидая, что Марио опровергнет, что Кармелла была его девушкой. Но нет, у Кармеллы была целая отдельная жизнь. Никакой отреченной королевской семьи.

Никаких романтических прогулок на пляжах Сицилии. Работали ли она когда — либо в LVMH? Знал Джереми, что это было большой ложью?

Она прижала свою карточку через турникет поезда. Размышляя о своем первом ужине на чердаке Кармеллы, тот, с болоньезом, который Кармелла обругала, она ударила по терминалу. Не идея. Объект. Что — то, что заставляло ее мыслить ясно и твердо.

Это случилось так быстро, что у Лоры было только секунда, чтобы заметить высокого человека с темными бакенбардами и в шерстяном пальто от Хьюго Босса с ярлыком, все еще прикрепленным к левой манжете. Легкий удар в голову размыл ей взгляд, но она знала, что это Джефферсон. После первого удара она начала злиться, но ее тело совсем не хотело сей слушаться. Она подумала, что взмахнула руками. Ей казалось, что она, возможно, попыталась бежать, но в результате уперлась в пальто. Все смешалось в голове.

Остались только удары по голове, надежда, что она не сильно повредила мозг, и ощущение полного отсутствия контроля над телом. Она увидела звезды и была убеждена, что ее череп вот — вот взорвется.

— Тебе следует отступить. Если не хочешь, чтобы это повторилось. Поняла? — сказал голос её на ухо, пока чужие руки шарились по карманам.

Она заставила себя открыть глаза. Все было как в тумане. На лице выступила кровь, как теплый чай по сравнению с горьким холодом снаружи. Она разжала губы, чтобы сказать «Да», но не была уверена, что её это действительно удалось. Как не была уверена, что она не сказала, что на самом деле было в ее голове, а именно: «Вы должны срезать этикетку с манжеты».

— Что? Я тебя не расслышал.

Его дыхание пахло «Рояль Чизбургером» и Лора поняла, что очень голодна. А потом она закричала. Она закричала что есть мочи, звуком, который поднимался из самой её глубины, на октаву ниже её собственного голоса. Закричала так, чтобы было слышно даже у подножия Уайтхолл — стрит. Ее крик был осязаем. Как удар кирпича. Как прилившая волна. Закричала так, чтобы бросить его на десять футов. И это сработало. Он отшатнулся от неё, прежде чем окончательно разозлиться и ударить её ботинком по голове.

Последнее, что Лора слыша, перед тем как потерять сознание, были чья — то ругань и звуки борьбы.

Сначала она не узнала голоса. Какие мужские, какие — то женские. Женские, скорее всего, принадлежали её сестре и маме, а вот мужские она не узнавала совсем. Только когда открыла глаза и увидела копну расплывающихся в тумане светлых волос, догадалась, что один из голосов принадлежал Стью. Она почувствовала его запах, смесь велосипедной смазки и еще один сухой аромат, который она не могла различить. Дерево или дым, или запах подгорелого тоста. Спасительный запах. Запах, который она узнала в последние секунды в переулке. Должно быть, он пришел и спас её тощую маленькую задницу.

Улыбаться было больно, но уголки губ сами собой поползли вверх.

— Она пришла в себя, — прикрикнул неизвестный женский голос. — Все кто без значка, уйдите.

Стью вышел вместе со всеми. Его запах исчез вместе с ним. Она открыла глаза и увидела нечеткий контур каштановых волос и веснушек Канингеми с небрежно повязанным галстуком и вязанным в ромбик свитером, лежавшим у него на коленях. Медсестра принялась кружить по палате, как ворона над трупом, измеряя давление, тыкая во всякие кнопки на аппаратах, а Канингеми просто сидел, наблюдая, как Лора вновь приходит в сознание.

Лора провела языком по зубам.

— Они сколотили его, — сказал Канингеми. — Он даже добавил какой — то харизмы.

— Мне это как раз не обходимо, — ответила она.

— Голова у неё в порядке, — сказал он игнорирующей его медсестре. Он повернулся к Лоре. — Вы пропустите несколько дней работы.

— Не уверена, что у меня ещё есть работа.

— Вот почему ты отправилась на Стейтен — Айленд?

Она попыталась сесть, но комната закачалась перед глазами, поэтому она положила голову назад на подушку.

— Парень Кармеллы убил Грейси.

— Марио Олливери?

— Он пытался запустить свою линию с Кармеллой, но она бросила его ради Грейси.

Медсестра покрутилась возле девушки еще немного, затем ушла. Видимо, детектив ждал ее ухода, потому что он наклонился вперед и серьезно произнес.

— Прекрати строить из себя детектива. Это всех бесит.

— Нет, это только тебя бесит. Всем остальным все равно. Как в Крейзиленде.

— Ты так и не рассказала, как пролила тот кофе.

— Это была семидолларовая чашка кофе. Если бы я пролил его, поверьте мне, я бы это помнила. Окей? И вы, вероятно, скажете, что это доказывает, что я сплю с Джереми, потому что он покупает мне такой дорогой кофе каждый день. И мой вам ответ: для людей, живущих в этом районе, чашка кофе за семь долларов — не большая растрата.

Канингеми не ответил. Он пристально смотрел на крошечный уголок ее простыни, словно вспоминая какое — то давно забытое событие.

— Эй, — постаралась привлечь его внимание Лора.

Он вырвался из оцепенения.

— Просто отступи. Помнишь, мы полицейские. Это наша работа.

Она посчитала про себя, чтобы успокоить свое негодование. «И этот человек засунул её в список подозреваемых?»

— Стью был здесь?

— Тощий светловолосый парень? Да. Он чуть не убил их за тебя.

— Вы их поймали?

— Мы следим за ними. Они отрицают свою причастность, и у них есть алиби.

— Марио.

— Мы их возьмем. Не волнуйся. — Он похлопал ее по плечу. — И не пытайся снова поймать их сама. Кстати, об этом... — Он сделал долгую паузу, заставляя её нетерпеливо спросить.

— Говоря об этом, перестать задавать вопросы и вынюхивать, верно?

— Что — то вроде того.

— Вы обвиняете меня в убийстве, и говорите мне, что я не должна пытаться очистить свое имя. Как это работает? Это вообще законно? — гримаса гнева далась её даже большее улыбки. Лоре стало интересно, как она выглядит сейчас со стороны: маленьким монстром или злойшей дамой.

— Я никого не обвинял. Я попросил тебя оставаться на связи, но теперь, когда вы полезли, куда не следует, все стало выглядеть, как будто вам есть что скрывать, и нам нужно это расследовать. Так что спасибо за дополнительную работу. Что —нибудь есть, что ты хочешь сказать мне, чтобы сегодня вечером я смог вернуться домой за полночь?

Хотелось просто из злости ляпнуть, что она и есть хладнокровный убийца. И то, что она тайно любила Джереми, пока не узнала его достаточно хорошо. То, что, когда она узнала о его романе с Грейси, была в ярости, рано утром позвонила ей в офис, чтобы сказать ей, что раскроет её грязные отношения и убила ее прямо тут же. Шелковым отрезом. Затем она подставила Джереми, в наказание за любовь к другой женщине, пока она считала его геем, и держала его в тюрьме, очаровывая его, чтобы он в неё наконец — то влюбился.

Это был красивый план, за исключением того, что его было слишком опасно говорить вслух.

— Если бы мне было что вам рассказывать, я бы сделала это.

— Ты мне нравишься. Ты — хороший человек. Хорошие люди попадают в неприятности, когда они не там, где им следует быть.

— Ты можешь уйти, пожалуйста? — Спросила она, глядя в потолок.

— Сначала я хочу тебе кое — что сказать. — Он встал и надел себе куртку на плечи. — Сент-Джеймс заговорил, а затем был немедленно госпитализирован.

Она резко выпрямилась. Детектив стоял с каменным лицом, наблюдая за ней, ожидая ее реакции. Каким — то образом она почувствовала, что повела себя именно так как он и хотел.

Он снисходительно ухмыльнулся, как будто смотрел прямо внутрь её, с микроскопом, и нашел то, что хотел. Он вышел, и она осталась одна. С черными синяками на глазах, разбитыми зубами и опухшими щеками. И, пожалуй, поврежденной губой.

Потенциально, с большим мясистым синяком на лбу. Ей хотелось узнать, как выглядело ее лицо, но лучше подумать о худшем, зная, что это будет, не так плохо, как она могла бы представить это в своей голове, где она была чудовищем.

Лора, так и просидела, уставившись на стену перед собой, пока в окно комнаты не начал пробиваться утренний свет. Над ней висел телевизор с плоским экраном, а под ним

табличка с её именем, номером палаты, диагнозом и предписаниями. Несмываемым маркером был написан номер лечащей сестры «Малелль, 5492». На верху таблички было напечатано «Медицинский центр Нью — Йоркского Университета». Зазвонил телефон.

Следовало бы поднять трубку, вдруг что важное, но Лора его проигнорировала. Когда она вновь начала проваливаться в себя, раздался еще один звонок, как хор колоколов, она полностью очнулась.

Она позвонила Малелль, стройной черной женщине, которая могла с легкостью подсказать Лоре, как найти в больнице другого пациента.

— Наберите ноль и спросите, — сказала медсестра, проверяя ее давление на мониторе компьютера.

Лора набрала телефон.

— Да, — ответил оператор, — сегодня его выписывают. — Она сказала номер палаты, который Лора тут же записала на клочке бумаги. Повесив трубку, девушка повернулась к медсестре.

— Я сильно плохо выгляжу? — спросила она.

— Согласно твоей диаграмме — все пройдет.

— У меня здесь есть зеркало?

— Вы не лежачий больной, — усмехнулась Малелль.

Как же она сразу не догадалась. Но когда она встала и направилась к ванной, вся решимость смотреть на себя в зеркало испарилась. Какой в этом смысл? У нее нет ни косметики, ни грима, чтобы скрыть весь этот кошмар на лице. Нужно ли делать себя еще более не уверенной.

Когда Малелль ушла, Лора скользнула в коридор в своем больничном халате и тапочках.

Его комната находилась в другом крыле, но она без труда нашла её. После того, как она прошла по холодным коридорам и лифтам, уверенность в том, что необходимо его увидеть пропала, уступив место сомнению.

Но все — таки она постучала, тихонько, надеясь, что её не услышат.

— Войдите, — донеслось из — за дверей и Лора поборолла желание сбежать. Она вошла внутрь.

Джереми в палате не было. Просто смятая кровать с высокой спинкой и инструменты повсюду. Она остановилась у прозрачного пластикового цилиндра с желтой гармошкой внутри. Раздался хрип, похожий на смех, но он исходил не от аппарата, а из ванной.

— Джереми? — позвала она.

— Одну минуту.

Она запаниковала. Она все еще не знала, как она выглядит. У нее была секунда, чтобы уйти, прежде чем он увидит ее. Но нет, она уже зашла слишком далеко, и закрытая дверь между ними была скорее удобством, чем помехой, если быть оптимистом.

— Это я, Лора, — сказала она, и хрип за дверь затих. Дверная ручка повернулась. — Нет, просто оставайся там, хорошо?

Тишина.

— Я не хочу тебя волновать, — сказала она.

— Ты бы здесь осталась?

— Только не выходи.

— Прекрасною.

— Джереми, я... — она замялась. — Я пыталась. Но я не смог тебя понять. Я думал, что

это Кармелла, и я думаю, что это может быть Шелдон, но я не мог понять, кто это сделал.

Прости. Я все испортила.

— Я не просил тебя расследовать убийство, Лора. Я попросил держать офис вместе.

— Да, вначале все так и было, но Шелдон решил продать компанию, и меня избили за то, что задавала слишком много вопросов.

— Прежде всего, Шелдон ничего не продаст. Он просто создает видимость. Он пытается выжать больше денег. И он пытается посеять панику, раскидав мой персонал и испортив каждую сделку, которую я заключил до смерти Грейси. Просто злоба. Во — вторых, что ты имеешь в виду под «меня избили»?

— Нанесение телесных повреждений с применением грубой силы.

— Могу ли я выйти?

Лора проскользнула за занавеску, которая отделила кровать от зала от общего помещения, когда он вышел. Он сделал паузу и сказал: «Ты не возможна».

— Почему ты здесь? Ты выглядел больным в Райкере, а теперь ты в больнице?

— Не меняй тему.

— Вчера вечером мое лицо встретилось с кулаками двух парней, и я не хочу, чтобы ты меня видел. Это все. А теперь скажи мне, почему ты в больнице с грудным кашлем.

Джереми одернул занавеску. Лора закрыла лицо руками.

— Лора. — Он сказал, как нетерпеливый родитель.

— Джереми. — Она ответила, как взрослый ребенок, который не хотел, чтобы его допрашивали.

Он схватил ее запястья, и она почувствовала что, как и в первый день, их знакомства, её засасывает в морскую пучину. Она чувствовала это каждый день и никогда не уставала от этого.

Его руки потянули её запястья вниз, но она не позволила ему убрать их.

— Ответь мне, — сказала она.

Его пальцы перестали так сильно сжимать ее запястья.

— У меня проблемы, — сказал он.

— Это неудовлетворительный ответ. — Она почувствовала, как повлажнели её ладони от частого дыхания.

— У меня проблемы с дыханием с рождения. Это генетический дефект.

— А...

— И никто не знает. Ни одна душа, кроме моего врача и адвоката.

— И твоей матери, — вмешалась она.

— И медсестры.

— И, вероятно, какой —нибудь тети или дяди?

— И Грейси знала, — сказал он, немного раскаявшись.

— И ты запнулся.

— У меня кистозный фиброз.

Она подняла руки.

— Ты же не умрешь от этого?

— Это был грязный трюк, Лора. — Он отступил. Краем глаза она заметила, что он был переодет в уличную одежду: бледно — голубую оксфордскую рубашку и чинос. На работе его привычно было видеть в костюме.

— Какой трюк? — она посмотрела на свое отражение на темном мониторе компьютера.

Ее лицо выглядело нормальным, не опухшим, не разбитым и не покалеченным. Она развернулась, чтобы посмотреть на себя в зеркало в ванной, которое было видно с того места, где она стояла, и увидела, что синяк красуется только на одной щеке. Не то, что она хотела выглядеть, чтобы мать родная не узнала, но скрывать свое лицо и правда не стоило. — Они били меня так, что я подумала, что у меня везде будут синяки.

Джереми ничего не сказал, но взгляд на его лице сказал ей, что то, что она сказала, было для него ударом. Она хотела расспросить его по подробнее, но он снова согнулся в приступе глухого кашля. Покрасневшее искаженное болью лицо давало понять, что эти приступы нет так уж и просты.

Он осел на кровать и схватил край.

— Закрой дверь. — Он замолчал на несколько секунд, чтобы отдышаться, пока Лора закрывала дверь.

Девушка подошла к занавеске.

— Прости.

— Если бы все знали, — сказал он. — Я бы потерял инвесторов, и моя линия стала бы называться «преодолевающая невзгоды». Расширение прав и возможностей. Есть и плюсы.

Гарантировано появился бы на шоу у Опры, рассказывая о своем нелегком детстве. Это сделает меня слабым. Напишу книгу за десять центов, а мою одежду скупят в ожидании моей смерти. И не смей меня жалеть. Жалость хуже Опры.

— Я не буду тебя жалеть из — за болезни, если ты не будешь жалеть меня из — за избиения.

Его спина еще больше ссутулилась. Это был еще один новый Джереми. Он из её наставника стал её боссом, а сейчас из просто больного человека превратился полностью сломленного. Она не думала, что может выдержать ещё одну перемену в нем. Да и смотреть на него в таком состоянии было просто больно. Она плюхнулась рядом с ним на кровать, и они оба уставились в окно.

— Шелдон предложил мне контракт, — неожиданно сказала она. — Дэвид сказал, что он уволит меня, если я не подпишу. Он может меня уволить?

— Сейчас он является мажоритарным акционером. Почему ты не подписала?

— Я ему не доверяю, и я не хочу работать на него. Я доверяю тебе. Я не знаю, что происходит, но мне нравится работать на вас. Нет. Мне нравится работать на вас, и, если не вы мой босс, то тогда никто. — Она подумала о предложении Пьера Севьена, прекрасно зная, что это из области фантастики. Тем не менее, думать, что мечты могут, сбыться было гораздо приятнее, чем смириться с работой в T&C.

— Ты, должно быть, единственная, кто так считает, — сказал он.

— Может, тебе стоит спросить.

Правда заставила его замолчать. Он посмотрел на свои руки, затем на окно. Он никогда никого не спрашивал, нравится ли им их работа. Остались бы они или ушли. Нашел бы он новых людей или нет. Беглые ежегодные показы показывали производительность компании, а несчастье её работников. Лоре стало ясно, что это был еще один способ закрыться от окружающих. Но ее заявление, должно быть, поразило его.

Тишина продлилась несколько минут. Он провел ладонями по лицу.

— Высока вероятность, что я могу потерять бизнес. Я пытался разработать другую линию, более свободную в финансовом плане. Я перемещал деньги каждый сезон, чтобы дать этой идее зеленый свет и IWU сделало нам встречное предложение. — Он произнес

IWU тоном настоящего щеголя. Международный женский союз был фоновой компанией для некоторых из самых успешных недорогих дизайнерских линий в мире. — IWU мыслит глобально. Общее международное насыщение брендами а la Н&М и им подобными — они хотели именно такой формат. Из «Сент — Джеймса» сейчас сделать такое уже не возможно.

Грейси ничего не хотела с этим делать. Она думала о нашей компании так же, как и о наших отношениях. Она должна оставаться маленькой и настолько незаметной, чтобы поддерживать жизнь. В противном случае, у неё могли возникнуть проблемы.

Я предложил ей все. Я сказал, что разрешил бы Кармелле быть основным дизайнером, и мое имя никогда бы не фигурировало там, её нужно было дать мне хоть каплю доверия, но она была непреклонна. Я поклялся её, что заберу права на свое имя, и марка просто окажется за бортом модной индустрии, но и в этом случае она отказалась. Я никогда не видел ее такой упрямой.

— Она думала, что она может потерять тебя.

— После девяти лет ей не должно было быть дела до меня. Куда я уйду? Какая порядочная женщина захотела меня, по слухам гея и, вероятно, мертвого к сорока годам?

— Полагаю, ты не знаешь женщин.

— Я их слишком хорошо знаю.

Она по лицу видела, что он имел в виду. Любая женщина, которая имела бы его в любом из этих обстоятельств, была не той женщиной, которую он хотел. Лоре вновь открылся целый новый мир Джереми. Лора посмотрела на него с пониманием. Ей стал понятен его неукротимый трудоголизм, его преданность делу, которое мало помогло, его желание руководить всеми аспектами его маленького мира. Высокомерный и уверенный мудака исчез, уступив место жалкому одиночке. Загнанный, как и Грейси, в угол обстоятельствами, он легко стал идеальным подозреваемым в убийстве, за исключением того, что в каждом слове, которое он сказал, и в каждом порыве гнева, который он сдержал, она слышала только, что он любил Грейси так же, как и обстоятельства.

— Шелдон узнал о тебе, и поэтому они поссорились накануне.

— О, все было хуже. Грейси рассказал ему о сделке IWU и о том, как она собирается её не допустить. Он взбесился, что она мешает ему зарабатывать деньги. У богатых свои причуды. В итоге она позвонила мне, плача рассказала, что Шелдон хочет забрать наш бизнес себе, и она обнародует тот факт, что я её любовник с девятнадцати лет. Это нормально? Кто так поступает? Утром в субботу она пришла ко мне в офис и завила, что Шелдон хочет, чтобы она оставила меня и отдала ему бизнес, и это бизнес из — за которого она сходит с ума. Поэтому она завтра позвонит в WWD, скажет, что мы запускаем новый бренд. И выбора у меня нет. И что со мной будет, её не касается. — Его голос наполнился гневом, и на минуту она подумала, что тем утром он был в состоянии убить Грейси..

— Джереми, я...

Он не позволил ей извиниться. Он смотрел на Лору каким — то удивительным совершенно непонятным взглядом и продолжил свой рассказ.

— Я даже не мог смотреть на нее. Но, честно говоря, я был рад, потому что все равно хотел все бросить, и она это знала. Глупой она не была. Нет, нет. Она дала понять, что похоронила бы меня на горе судебных разбирательств, если бы я попытался ее покинуть, или если бы я попытался прорвать сделку IWU с Шелдон ом, который хорошо дал понять, что он заинтересован таким развитием событий. Знаешь, в ту минуту, когда Грейси вышла поговорить с мужем, он позвонил мне по телефону. Приструни мою жену и сделайте мне

деньги. Правильно? Они не оставили мне выбора. Я должен был уйти. Было лишь одно место на земле, где они бы меня никогда не нашли. Я имею в виду, что последним местом на земле, где бы они стали меня искать — это 40-ая улица.

Её осенило.

— Тканевые волокна на фабрике усугубляют фиброз.

— Представь меня в респираторе. Это, как и в тюрьме.

— И разве это не доказывает, что ты был на заводе всю ночь?

— Я был госпитализирован в прошлом году, не будучи на заводе. Поэтому, нет. Ничего не доказывает. — Он, наконец, посмотрел на Лору, которая услышала еще одно откровение. — Эта поездка в Марсель в июне не была похожей на отпуск.

Когда она переварила всю свалившуюся на неё информацию, то поняла, насколько она мало знала — о его болезни, о его бизнесе, о его личной жизни. И все эти подробности были именно теми подробностями, которые всегда важнее всего остального. Детали, которые могли удержать ее от него. Детали, которые бы отделили настоящего Джереми от Джереми со слишком многими «но». Даже с этими деталями, которые мешали смотреть, на него открыто, она бы все равно уважала и любила его. За его безусловный талант, за его доброту. За все. Всегда.

— Я ненавижу тебя, — сказала она.

— Это было очевидно с первого дня.

Саркастичное замечание вылилось на неё как ушат воды. Он знал, что она чувствовала с первого дня встречи. Знал ли он, как тяжело она дышала, когда он стоял рядом? Видел ли он, как она подолгу смотрит на него? Все то время, когда они приходили на работу пораньше и полчаса разговаривали по пустякам, не было ли это насмешкой над её чувствами? Неужели он просто принимал её неприкрытое восхищение, ничего не думая отдавать взамен? Использовал ее, чтобы потешить свое самолюбие? Доказать себе, что все еще может соблазнить молодую женщину, стоит лишь ему захотеть?

Краска стыда сначала растеклась по её лицу, обжигая щеки. Она не осмеливалась смотреть на что — то, кроме своих взмокших рук. Когда он протянул свою руку в утешающем жесте, её стало стыдно еще больше.

Она выбежала из комнаты.

В коридоре было прохладно, и лабиринт коридоров, ведущих в её палату, казался еще более запутанным и на много и длиннее, чем она помнила. Через некоторое время у Лоры появилось ощущение, что она потерялась. Когда она спросила проходящего мимо врача путь в свою комнату, то обнаружила, что у палаты две двери. Измученная, эмоционально и физически, она вошла и увидела, что Руби, сидящая у окна, перелистывала справочник i — D.

— Где, черт возьми, ты была? — спросила Руби.

Лора бросилась на кровать, как подросток, и засунула лицо в подушку.

— Я умираю.

— Ну, тебя хотят выписать, так что тебе лучше об этом сообщить врачу.

У Лоры не было настроения шутить, и шутка её более красивой, более очаровательной, более высокой, стройной сестры — близнеца, у которой никогда не было проблем с мужчинами, ужалила еще сильнее. Она уткнулась глубже в подушку и подтянула ноги к груди. Кровать прогнулась под весом, а спины коснулась теплая рука. Руби постарается понять и принять..

Если бы она этого хотела, Лора дала бы ей возможность попробовать.

— Мне так стыдно, — начала она. — Я такая дура.

Хотя Лора ожидала согласия или небрежного принятия этого утверждения, Руби удивила ее.

— Нет, нет. Послушай, чтобы это ни было, я уверена, ничего страшного в этом нет.

— Я влюблена в кое — кого.

— О, круто!

— Но он полностью не моего уровня, и я только что узнала, что он все время знал, что я чувствую, и я хочу убить себя.

— Как долго ты собиралась держать это в секрете?

Лора вытащила голову из подушки.

— всю жизнь. Как подумаю, что он считает меня одной из.... сразу плохее.

— Он сказал тебе, что он так думает? Он смеялся над тобой? Он сказал: — Спасибо, не «нет, спасибо»? Я имею в виду, что случилось?

— Он пытался утешить меня.

— Ой. — Руби похлопала ее по спине, Лора была совсем не против. — Это Стью?

— О боже, нет. Руби, пойдём.

— Почему? Он милый.

— Он не в моем вкусе.

— Ну, а кто это?

Лора сделала паузу. Если бы она сказала Руби, это был бы полный Армагеддон.

Катастрофичная катастрофа. Зная Руби, 9-балльное землетрясение с метелью.

— Джереми, — сказала она, проклиная себя последними словами.

— Ваш босс — гей?

— Вот прямо он.

Руби задохнулась.

— Нет.

— Да.

— Да ну тебя.

— Нет, действительно. Он спал с Грейси Померанцем в течение девяти лет.

— Кто — нибудь знает? Шелдон? Знает ли он?

— Я не знаю. Джереми пытался расстаться с ней и все еще удерживать свой бизнес, но она не позволила ему, и ее муж узнал и преследовал Джереми, чтобы заключить сделку с IWU.

Иона рассказала Руби о Джереми, все ничего не утаивая. Она не пропустила ни рассказа о склейке порезанного контракта с Йони, ни о ночи в «Дуомо», ни об истории с Пьером Севьеном и своими сомнениями в его предложении.

Вместо того, чтобы прыгать от радости, хлопать в ладоши, или сжечь Лору, за то, что та ничего не сказала ей раньше, Руби встала и собрала вещи Лоры, ее пальто, шарф и обувь.

Как самая целеустремленная женщина, она одела сестру и нашла медсестру. Нужно было найти врача, чтобы осмотреть ее сотрясение мозга и выписать ее. Когда зазвонил Лорин сотовый, Руби подняла трубку и послала Канингеми голосовое сообщение. Она не говорила, за что Лора была благодарна. Она не сказала Лоре, почему она так настроена, вытащить ее из больницы, даже когда они стояли на Первой авеню собранные и готовые к тому, чего Лора не знала.

Однако, Руби полностью контролировала ситуацию. Она позвала Стью, который приехал и забрал у Лоры сумки с вещами, казалось она, пыталась подружиться с тем, кто был в её вкусе? Но прежде чем она смогла расспросить ее, Руби, очень быстро поймала такси до «Плейта», посадила её и рассчиталась с водителем.

«Плейт» была не больше, чем закусочная. Лора села за свободный столик. На столе рядом с алюминиевой вертикальной салфетницей, стояли фарфоровые коробки с заменителями сахара и металлическая подставка под рекламу. Солонку следовало бы уже давно почистить от риса, намертво приклеенного к ней и отшелушившейся в не некоторых местах эмали. Но деревянный и кожаный декор, не говоря уже об адресе в Челси, повысил статус этой забегаловки в жизни и, в свою очередь, цены — два яйца — восемь долларов; стакан содовой — три — пятьдесят; гамбургер — одиннадцать семьдесят пять, двенадцать пятьдесят с сыром.

— Итак, — сказала Лора, — зачем ты меня тащила сюда всю дорогу? Я только что выписалась.

— Твоя проблема в том, что ты пытаешься сделать все сама, когда у тебя есть все, что вам нужно прямо здесь.

— Руби, я больше не хочу ничего делать. Я не хочу спасти Джереми или его бизнес или что — то еще. Я просто хочу вернуться домой и привести себя в порядок.

— Не глупи. — Руби кипела энергией. Прямо светилась изнутри. Лора не видела её такой с тех пор, как они получила подтверждение из Парсона. У неё появилась цель. Она видела проблему и стремилась решить её несмотря ни на что. Стало понятно, что быстро убрать это выражение одухотворенности с лица сестры не получится.

— Послушай, — начала Руби, — Джереми клянётся, что был на заводе. Он сказал тебе, почему он никогда туда не заходил?

— Нет. — Заболевание Джереми было единственной вещью, которую она оставила без внимания.

— А теперь смотри. Шелдон хочет бизнес, верно? Он узнал о нем, затем о сделке с IWU и хотел заключить её от своего имени. Он почувствовал запах денег, и поэтому, когда Грейси ничего не стала ему рассказывать, они поссорились, верно? Разве Нададь не сказал, что была настоящая драка? Ок, мы точно уверены в этом, но не уверены в Джереми. Итак, все дерьмо вертится между этими тремя. — Руби начала загибать пальцы и перечислять. — Джереми хочет заключить контракт с IWU и избавиться от Грейси, но его связывает контракт. Шелдон хочет заключить договор с IWU, и он не хочет, чтобы жена как — то в это вмешивалась. Грейси держит все карты. Из — за нее у обоих этих парней связаны руки.

— Значит, оба убийцы?

— Любой или оба. Все, что нам нужно, так это доказать, что Джереми был на фабрике в ту ночь. И вуаля, твой убийца — Шелдон. Если Джереми на фабрике не было, то он сговоре с Шелдон ом. Мне нравится этот вариант.

— Я думала, что это Кармелла или Марио. Ябыла уверена. — Лора вздохнула. Непонятная живость Руби порядком измотала её, а когда она увидела в окне парующегося Стьюрасстроилась еще больше.

Она ожидала, что Руби тут же разболтает всем новость о том, что Лора влюблена в Джереми. Для неё это было просто одной из новостей. Такое уже случалось раньше, еще в младших классах средней школы, когда Лора поделилась с сестрой своей влюбленностью в Отто Беннитовича. Который был достаточно добр и внимателен в Лоре, чтобы зародить у неё надежду на что — то большее. Буквально на следующий день Руби едким комментарием

все разрушила. Научившись на этой ошибке и устав от постоянной потери парней, Лора больше никогда ничего не рассказывала сестре, даже когда чувствовала себя очень одиноко.

Иногда, Лору, конечно, посещала мысль найти кого —нибудь, с кем можно было бы пойти на Хэллоуин или выпускной... Кого — то, кто был бы точно не во вкусе Руби. Но, так или иначе, сестра бы все равно узнала бы об ухажере.

Лора, конечно же, не напрямик сказала Руби, что рассматривает Отто в качестве своего бойфренда. Руби, тогда все еще сохла по Хэнку Данбару и, казалось, не строила никаких планов. Даже попыталась помочь. Во время осенней книжной ярмарки умудрилась усадить Лору и Отто за один стол. Когда Отто сделал смешное замечание о том, что Руби единственная блондинка — сплетница в мире, замечание, над которым Лора слишком громко рассмеялась, Руби сказала ей то, что она никогда не забудет: «Не нужно быть сплетницей, чтобы видеть дальше своего носа».

Лора была настолько смущена, что всю оставшуюся часть ярмарки проронила лишь пару слов. И если Отто и был в ней заинтересован раньше, то к концу фестиваля его интерес полностью исчез.

Итак, когда Стю наконец упал в кресло рядом с ними и заказал чашку черного кофе и тосты, Лора уже вся извела себя беспокойством об слишком интимных знаниях Руби о любовном треугольнике между Стю, Лорой и Джереми. Стю, казалось, тоже чувствовал себя не в своей тарелке. Но все общее унынье ничуть не касалось Руби. Она, похоже, стремилась поднять всем настроение, несмотря на желание присутствующих. Она рассказала планы на свадьбу (пока без четких дат или мест), продемонстрировала свое кольцо (Стю был очень вежлив, хотя он ненавидел «атрибуты потребительского статуса»), и немного поболтала о работе, прежде чем поблагодарить Стю за спасение Лоры от «прислужников «Джефферсона» и «Хьюго Босса»».

— На повестке дня — проблема с местонахождением Т.О.П. — а, — сказала Руби.

— Но у меня он есть, — ответила Лора. — Все вроде замечательно.

— У тебя есть какой — то Т.О.П., — сказала Руби. — Но не факт, что это будет тот же самый Т.О.П. В последний раз, когда я был на нашей фабрике в Гуанчжоу, я отошла в ванную, которая, кстати, была похожа на дыру в полу. На обратном пути я потерялся, и забрела в другую комнату для образцов, где, конечно, никто не говорил по — английски. Но по мере того как я бродила там, я увидел футболку, которую мы должны были получить следующей доставкой, и парня, который быстро менял ее с помощью нашего Т.О.П.—а. Но производство футболок располагалось в Панью.

— И что? — спросила Лора.

— В общем, — сказала Руби. — Они на противоположных концах провинции.

— И как это связано? — Лора в недоумении покачала головой.

— Вот именно. — Согласился Стю.

— Готовое производство находилось в трехстах милях от нас, — сказала Руби, видя полное непонимание со стороны Стю.

— По инструкции, Т.О.П. должен находиться в верхней части коробки, чтобы когда товар прибывает в магазин, мы или наши конструкторы могли убедиться в правильности изделия. Но у этих парней была комната с образцами, где они делали идеальные Т.О.П.-ы, поэтому мы одобряли их для доставки, а это означает, что тысячи других образцов, которые они делали в провинции Панью, были бракованы, и мы, вероятно, отправили бы их назад. Таким образом, на фабрике застряли бы тысячи футболок Т&С, и прибыль была бы нулевая.

Поэтому они сделали свои собственные для утверждения.

Стью кивнул, но махнул руками, чтобы они еще раз проговорили суть. Лора перевела.

— Руби говорит, что собственная фабрика Джереми создала идеальный Т.О.П., чтобы получить утверждение.

— Именно. — Руби насыпала себе в кофе еще один пакетик сахара.

Лора возмутилась.

— Именно поэтому у его компании вертикальная структура управления. Он контролирует фабрику, чтобы такого не произошло.

Руби, помахал пальцем.

— Неправильно. Его там никогда не было. Он ничего не контролирует. Куму была выгодна продажа некорректного Т.О.П. — а?

— Никому, — сказала Лора расстроено. — Ты не понимаешь. Вся компания целиком под руководством Джереми. Если бы менеджер в цеху сделал что — то подобное, его бы поймали. Если менеджер по производству передал его, его бы уволили. Магазины бы вернули товар, и Джереми бы потерял состояние.

— А что, если менеджер цеха не знал? Что, если это был какой — то незаметный человек на маленькой должности?

Руби повернулся к Стью.

— Разве «Кетчум» доставлял Т.О.П. за ночь до убийства? Ты сможешь получить их записи или что —нибудь что может подтвердить доставку?

Стью заколебался.

— Думаю, смогу.

— Ты меня пугаешь, — сказала Лора.

Руби засмеялась.

— Мне это нравится. Как по телику.

— Знаешь, что меня действительно удивляет, — сказал Стью Руби, — так это то, что ты не можешь найти Канзас на карте, но ты знаешь расстояние между двумя провинциями Китая.

— Так ты добудешь квитанцию? — спросила Руби.

— Конечно, только если Лора с этим согласится.

— Я с этим не согласна. Совершенно не согласна. Я уже говорил вам, что я не буду преследовать убийцу Грейси, но, похоже, вы меня даже не слышали. Меня избили. Я бегала за людьми с вопросами, на которые они не хотели отвечать. Я тот, кто потерял работу, и, в отличие от вас, я плачу рыночную арендную плату. И теперь ты втянула во все это Стью, и у меня больше нет шансов отказаться от всего этого. И кто ты вообще такая?

Шерлок Холмс? — На полпути между «арендной платой» и «нет шансов», Лора поняла, что есть только один способ избавиться от Руби, и это полностью поставить крест на своей жизни. — Вчера я видел Пьера Севьена, — сказала она. — Он хочет взять нас в свою команду. И я бы хотела сосредоточиться сейчас на этом, а не на всём этом кошмаре с убийством.

Повисла пауза, пока Руби отпила свой кофе. Казалось, она задумалась над предложением, или, может быть, она размышляла о том, как Лора заговорила с ней. Или, может быть, она рассматривала это предложение или как оно было сказано.

Стью прервал нависшую тишину.

— Пьер Севьен? Тот самый Пьер Севьен?

К удивлению Лоры, Руби, которая всегда ставила себя превыше других, которая заботилась лишь о показном благополучии, Руби которая думала о социальном статусе больше чем кто — либо, осталась беспристрастной и невозмутимой.

— Севьен может подождать. Мы останемся сестрами и после того, как все это закончится.

Если ты не снимешь обвинения с Джереми или не докажешь, что он убийца, то будешь вечно об этом вспоминать и в итоге сойдешь с ума.

Так или иначе, нежелание Руби заниматься созданием собственной линии смягчило Лору. Если бы только её интерес к делу действительно помог.

— Если вы так хотите поиграть в агентов ЦРУ, то мы можем поговорить с несколькими людьми, но меня больше не избивают, ок? Мне это не очень понравилось.

Руби захлопала в ладоши, как будто ее пригласили на выпускной с капитаном футбольной команды. Бросив десятку на стол, она ушла, пробурчав что — то невнятное про Майкла.

Исчезнувший вместе с ней энтузиазм, не оставил Лоре и Стью ничего кроме чувства неловкости и необходимости прояснить все свои разногласия.

— С тобой точно все в порядке? — спросил Стью.

— Да. Я должен закончить то, что начала, я так и не поблагодарила тебя за то, что помог мне.

— Я бы не бросил тебя.

Лора пожала плечами. Она не знала, почему он чувствует ответственность за нее, и это ранило её, затем успокаивало, а затем снова ранило.

— Я о другой ночи, — сказал он, и она знала, что он имел в виду вечер, когда он поцеловал ее. — Я не собираюсь извиняться за это, но я думаю, что я тебя шокировал или напугал.

— Меня легко смутить.

— О, не ври, пожалуйста? Тебя нелегко смутить. От меня не укрылось, что ты была просто удивлена. Ты давно меня знаешь и знаешь о моих чувствах, и я не понимаю, зачем было держать меня за дурака.

Она застыла. Руби что — то сказала? Даже зная, что ее сестра выдавала ее тысячу раз раньше, она все еще была в шоке.

— Итак, кто он, и где работает?

— Стью, не надо.

— Я был честен с тобой. Я рассказал тебе о своих чувствах, и ты тоже должна быть честна со мной.

— Нет, я не могу. Я не обязан рассказывать тебе о своих отношениях. Ни тебе, ни кому бы то ни было. Только потому, что ты настолько уверен в себе и можешь сказать, что ты чувствуешь. Я не могу этого сделать. Большинство людей, в Америке, не могут этого сделать. У большинства людей есть чувство стыд и боязнь разочарования, с которыми они сталкиваются, и они проявляются в особенности тогда, когда у них есть чувства, которые не отвечают взаимностью.

— Я не так уж и отличаюсь от большинства людей.

Он ошеломил ее. Конечно, ему больно так же, как и всем остальным.

— Большинство людей не такие храбрые. Прости. Вот, что я имела в виду. И, как и у всех остальных, у меня нет никаких отношений. В моей голове все смешалось. И я не могу

понять, что я чувствую к тебе, пока моя голова не догонит мою жизнь.

Он пожал плечами. Его пожимание плечами не сказало: «Мне все равно»; он пожал плечами: «Ты слишком заморачиваешься». Вместо ответа она тоже пожала плечами, потому что словесный ответ был долгим и включал слишком много бессмысленных извинений. Никаких необдуманных решений не было, и она и Стью это знали.

— Я проверю ваш Т.О.П.? — спросил Стью.

— Ты, правда, этого хочешь?

— Да, я как бы хочу заткнуть Померанцев.

Лора была рада, что ненависть Стью к богатому классу, даже превзошла его чувства к ней. Она заплатила остальную часть чека, сославшись на феминизм, на услугу и на спасение от подонков из ночного клуба.

Лора чувствовала себя частично виноватой перед Кармеллой, хотя та и была грязной лгуньей. Но если Марио рассердился на Лору, то, вероятно, он сорвется на свою любовницу.

Чердак Кармеллы на самом деле не был чердаком из 70-х в прямом смысле слова. Он никогда не был складом или промышленным пространством. Кармелле не пришлось полировать полы или царапать стены, когда она въезжала. Она сама не строила перегородки. Не оплачивала крепежи и не переделывала обширную залу под жилое помещение. Она жила в довоенном здании, которое стало кооперативом в девяностые годы. Владельцы воспользовались высокими потолками, выставив немного кирпича, убрав несколько стен, чтобы создать открытый план этажа, и продавая полученный результат как жилые / рабочие студии. Кармелла рассказывала, что поселилась здесь, потому что незаконченных чердаков на Манхэттене больше не осталось. Временно. Но Лора знала, что дизайнеру не хватит терпения чистить настоящий чердак с его многолетней грязью и сквозняками.

Обычно в это время, Кармеллы дома быть не должно, но у Лоры было ощущение, что известие о том, что Джереми в больнице, начисто отбило у всех желание работать. И она была права. Швейцар позвонил Кармелле и отправил Лору на четырнадцатый этаж.

За пять прошедших с её последнего посещения лет, в коридоре ничего не изменилось. Та же бледно — желтая краска. Те же цементные полы. Оригинальные латунные ручки.

Металлические двери с серой отделкой. Яркое освещение. Все это создавало впечатление, что вы вошли в совершенно лишенную роскоши комнату, которая сама по себе кричала роскошью.

Лора постучала, и дверь распахнулась.

Студия была такой же, какой она помнила, оформленная в стиле, полностью противоположном декору коридора. Гостиная была окрашена в баклажан с горчишной отделкой. На одной стене были нарисованы ветки слив и мох с золотыми вставками. На окнах висела дамасская тюль с контрастными блестящими и матовыми узорами. Такая же ткань украшала кушетки. Неиспользуемые медные горшки висели на открытой кухне, а в столовой были темно — бордовые и бордовые шерстяные ковры.

Если приглядеться внимательно, то взгляд мог натолкнуться на горы одежды, разбитые на набольшие кучки, как будто кто — то задумал рассортировать одежду на «можно оставить» и «срочно выбросить». Самое интересное. Что этот кажущийся беспорядок ничуть не портил общей картины, а только украшал её.

Кармелла стояла за кухонной стойкой, глядя на пустой кусок тыквенного линолеума, прижимая телефон к уху. Она увидела Лору в дверях, махнула ей, и продолжила что — то говорить по — итальянски. Она перешагивала с ноги на ногу, ее тон резко менялся от умоляющего до объяснительного. Лора присела на подлокотник дивана, и Кармелла, словно пораженная блестящей идеей, выхватила бутылку вина из буфета и штопор из ящика. Вручив Лоре бутылку и нож, она крикнула в телефон «Нет» и продолжила тараторить по — итальянски.

По — итальянски открыв вино, Лора успела как раз к окончанию разговора.

— Клянусь Богом, — сказала Кармелла, снимая два сверкающе чистых бокала с прилавка.

— Семья подобна бедствию. Они поднимают вас, чтобы вы стали тем, кто вы есть, а

затем обвиняете вас в этом всю оставшуюся жизнь. Налей мне, пожалуйста.

Лора налилась и спросила.

— Сегодня нет работы?

Кармелла взмахнула рукой.

— О, кто знает? Шелдон выгнал всех. Он вошел... — Она сделала широкий взмах рукой. — «Все идут домой!» И мы все ушли. Я думаю, что Тиффани и Чилли отметили этс парой «Маргарит». Разве это не мило?

— Он хотел, чтобы офис был пуст, когда вернется Джереми.

Кармелла пожала плечами.

— Он обещает мне свою собственную линию всю неделю, потом я поняла, что он мудака, как и все остальные. Кармелла произнесло это с сильным итольянским акцентом, который сейчас казался каким — то поддельным. Словно услышав мысли Лоры, Кармелла перешла натакой же сильный стейтен — айлендский акцент, что Лоре показалось, что её поймали в каком — нибудь фильме ужасов. — Значит, ты видела Марио прошлой ночью?

Прости за лицо.

— Почему, Кармелла? И как ты это делала в течение стольких лет?

Женщина пожала плечами.

— Я сделал это для одного интервью, просто чтобы посмотреть, что произойдет. И получила работу. Три месяца искала, и получила, когда рассказываю какую — то выдуманную историю. Но теперь все, хватит.

Лора указала на груды одежды.

— Куда — то уезжаешь?

— Я думаю о Лос — Анджелесе. Никто меня не знает, но у меня хорошее резюме без пятен или темных историй.

— Как Марио к этому относится?

— Честно говоря, мне все равно.

— Почему ты никому не сказала? Ты талантлива, тебе не нужно врать, откуда ты.

Кармелла налила еще вина.

— Ты знаешь, что Грейси была готова подписать чек для меня, а потом я могла перестать работать на этот мудака. — слово «мудака» звучало не так стильно в акценте Стейтен-Айленда, но оно было в десять раз более наглядным. — Пока она не узнала, откуда я.

Затем она буквально высмеивала меня в «Гроте» перед всеми. Она сказала, что никто не захочет носить мешки с бахромой и порванные лосины, и посоветовала надеть их на похороны моей матери. И все засмеялись. Ха — ха, чертовы ублюдки.

— Так это ты плакала в туалете. Не Ноэ?

— Мы обе плакали и ругались. Грейси и по Ноэ проехала. Я не знаю, что залезло ей в задницу, но Ноэ действительно боялась ее. — Кармелла опрокинула бокал с вином, и Лора поняла, что он был далеко не первый. — Она сказала, что Грейси пыталась погубить все, над чем она и ее отец работали.

— Ее отец — банкир.

— Мне все равно. — Она обняла себя руками. — За студию платит Марио. Джереми платит мне недостаточно, чтобы жить в Бруклине. Мне нужно двигаться дальше. И... — она сделала паузу, чтобы отхлебнуть из бокала еще. — Эти стены должны вернуться к белому, или мы потеряем депозит. Как ты думаешь? Три слоя праймера или четыре?

Лора хотела сказать ей, что иногда единственный способ улучшить ситуацию — сделать её еще хуже. Иногда вам нужно остаться на более низкой должности. Чтобы получить в последствии более высокую. Понять, что та жизнь, которая у вас есть, гораздо лучше той, какую вы хотите. Что жизнь с парнем, который не хочет на вас жениться или работа на босса, который вас не особо ценит, вовсе не то, что вам нужно.

Затем она увидела куртку, висевшую на спинке стула. Она была ужасна во всех отношениях. От неровных швов до плохо вшитых рукавов, с дешевыми неравномерно-окрашенными пуговицами, пришитыми за подкладку. Лора подняла её и брезгливо придерживала за ворот. Ткань была слишком сильно натянута, и воротник оттопыривался.

— Это Марио, — сказала Кармелла. — Можешь представить себе, как они проектируются?

Лора покачала головой и пожелала ей успехов в поездке в Калифорнию.

Когда она вышла наружу, ее лицо болело от ее подбородка до ее лба. Ее шея скрипела и защемлялась, а ее спина болела как будто её только что пинали. Какой бы чудесный обезболивающий её не вкололи в больнице, его действие заканчивалось. Она отправилась домой с намерением отшлифовать свое резюме и позвонить в некоторые фирмы, но вместо этого она направилась прямо к кровати и проспала в течение следующих двенадцати часов.

На следующее утро, скуля от боли в мышцах и суставах, Лора серьезно подумала о том, чтобы остаться дома, приготовить кофе и посмотреть на падающий за окнами снег. Такой план действий был чрезвычайно заманчив. Но потом она вспомнила, что оставила на рабочем столе, который в сущности больше не был её рабочим столом, свои ножницы для раскроя, игрушку — кролика и коробку с разными мелочами. Если код на двери не изменили, что она бы могла прокрасться в офис, пока тот еще был уст, забрать вещи и уйти, чтобы её больше никто не видел. В поезде она подумала о том, чтобы оставить записку, стереть с компьютера все данные или прихватить какие —нибудь старые дизайнерские эскизы для портфолио. Она боялась, что маме не заплатят за вязание, и задавалась вопросом, должна ли она внести пару исправлений в платье Аманды, в качестве добросовестного отношения к Джереми. Дверь лифта была открыта, Лора зашла в него, и нажала на кнопку, ожидая закрытия дверей. «Н» кнопка не горела. Она выглянула в вестибюль, посмотрела направо, затем вышла, потом снова вернулась. Лифт все еще не двигался. Она нажала «Закреть двери», которая, казалось, никогда не работала, и сегодня не стало исключением. Она как раз собиралась выйти и подняться по лестнице, когда в лифт ворвался Андре, принес с собой вихрь холодного снега и запах кофе из «HasBean2».

— Доброе утро, — сказал он без особого восторга. — Чудная погода, не так ли? — Он дернул плечом, поправляя огромную сумку, которую всегда брал с собой. Она выглядела как обычно, раздутая до невообразимых размеров, как будто внутри, по меньшей мере, лежит Британская энциклопедия. В офисе его все обходила, чтобы не, но роком не натолкнутся на это «чудовище».

— Лифт не работает, — сообщила Лора. — Я собиралась подняться по лестнице.

— О, нет. — Андре помахал своей кофейной чашкой. — Следуй за мной.

Они вновь очутились под холодными порывами ветра и повернули на 38-ю улицу, огибая край здания. Он взял правее и повернул за угол.

— Такое уже однажды случилось. Тогда был жуткий ливень. Бродвей был перекрыт. Помнишь? И подвал затопило. А нам нужно было срочно разгрузиться.

Она помнила тот день. Тогда она поднялась по лестнице. Хоть на лестнице было много народа, но она так и не додумалась спросить, как остальные поднимались наверх.

Продолжая разговор, она спросила:

— Ты еще нашел покупателя для линии?

— В такую метель?! Нет. — Его ответ был кратким. По —видимому, не хотелось об этом говорить. — Что на счет кнопок? — спросил он, меняя тему.

— Тебе придется спросить Джереми. Он вернется в понедельник.

Они вновь очутились в здании на 38-й, в широком коридоре с мусорными контейнерами и ящиками. Кое — где на стенах краска облупилась, и сквозь щели можно было видеть искрящуюся проводку. Тут — то Андре и показал её, то, что она никогда до этого не видела — грузовой лифт.

— Утро, Олли, — сказал Андре. Олли был чернокожим, ростом в шесть футов и весом под центнер. У него были усы, и он носил форму швейцара, которая давно отжила свои лучшие дни. Он поздоровался с Андре и кивнул Лоре.

Они вошли в грузовой лифт, дверь которого напоминала дверь сарая, и Лора вспомнила,

что сарая — то никогда в жизни не видела. Стенки лифта были обиты грубой ватой. Лора хотела было опереться спиной на одну из них, как обычно делала в пассажирских лифтах, но почувствовала, как грубая материя царапает пальто.

Олли вытащила старый стальной механизм из двери, и огромная дверь с лязгом захлопнулась, когда фиксирующая система скользнула на место. Затем, он положил руку, на латунную ручку, соединенную с другим механизмом и напоминающую два кусочка пиццы, и потянул её к себе. Лифт начал подниматься, и Лора увидела нескончаемый поток напольных перекрытий, прерываемых вставками дверей с красными цифрами.

Тошнота начала подкатываться к горлу.

— Как долго вы живете в Нью — Йорке, если никогда не ездили на грузовом лифте раньше? — спросил Олли.

— Я родился здесь, — сказала она, — и я поднималась в таких лифтах на чердак.

Олли засмеялся.

— Они медленнее спускаются, и двери у них как у машин.

— И кнопки, — добавила Лора.

— Это не настоящий «грузчик». — Олли отпустил ручку, и машина остановилась на этаже с цифрой «4». — Четвертый этаж, — громко произнес он, словно в лифте был еще кто — то кроме них.

Они вышли в промозглый задний коридор, затем повернули за угол, чтобы добраться до коридора с обычными лифтами.

Жалуясь на всю работу, которую он должен был сделать для заказа Бергдорфа, Андре пожелал ей хорошего дня и скрылся в кабинете. Она вошла в комнату, где работали дизайнеры, которая, как и ожидалось, была пуста. Можно было просто схватить вещи и уйти.

Джереми стоял у ее стола, прижимая к себе манекен. Двое ярдов того же черного букле были задрапированы на спинку стула. Она увидела желтые затирку службы тестирования ткани. Они предварительно промывали ярлыки тканей точными стандартами, чтобы оценить, как одежда будет вести себя, после продажи. Именно эти ребята советовали компаниям ставить на ярлыки «ручная стирка» или «химическая чистка разрешена».

Наблюдая за ним, вернувшимся в офис, делающем то, что он всегда делал, Лору посетило чувство дежавю. Она знала теперь, что он не гей, и ей казалось, что это позволит ей сделать его досягаемым. У нее внезапно появился серебряный нож в груди, где было ее сердце, и этот нож повернулся и скрутил ее внутренности. Ей казалось, что она вот — вот задохнется.

— Дисторни снова терпит неудачу? — спросила она, перебирая ткань. Текстура стала тусклой и жесткой, а свободные и мягкие складки куртки теперь выглядели не очень лестно.

— Я так и подумал, что это ты пришла, когда услышал щелчок двери. — Он не оторвал взгляда от работы, разглаживая ткань вдоль манекена. На секунду её показалось, что она по-прежнему может его любить.

— Эта ткань не сочетается с этим стилем, — слова выскакивали из неё как из пулемета. — Если вам необходимо использовать именно эту ткань, то стоит изменить стиль и добавить и что — то более стабильное, например, девяностые Шанель — лей.

— Это не будет продано, если не будет сексуальным. — Джереми положил руку на талию манекена, чтобы переместить его. Внутри неё все вспыхнуло, как будто он переставлял её саму.

Он раздвинул задние полы куртки и перевернул их, чтобы посмотреть изнанку.

— Я заказал пятьдесят ярдов этого дерьма, и я нахожусь в трех минутах от того, чтобы натянуть его на задницу Терри Дисторни.

Лора сняла ремень с куртки и, взяв ножницы по ткани, которые, наконец, себе вернула и вырезала рукава у плеча.

— Ты хочешь поговорить о Шелдон е? — спросил Джереми, поднимая рукав и прижимая его ближе к шее, словно читая ее мысли.

Она приколола булавки в просвет на талии.

— Я просто пришла за моими вещами.

Джереми указал на ножницы на кристально чистом и пустом столе Кармеллы.

— А здесь что случилось? Ящики пустые.

— Ты знаешь, откуда она?

— Тоттенвилл, Стейтен — Айленд. Отец — конкретный водитель грузовика. Мама владеет химчисткой. А что?

— Знает ли она, что ты знаешь?

— Конечно, нет.

— Ну, теперь все знают, и она плохо это пережила.

Джереми положил ножницы и разгладил рукав.

— Как насчет того, чтобы поговорить о том, о чем мы начали говорить в больнице?

— Ты думаешь, я убежала из — за этого? — Она укоротила переднюю часть куртки, вставив булавки, проверяя точность. Удовлетворенно оглядев сделанную работы, Лора с такой же ловкостью выровняла спинку куртки.

— Я понятия не имею, почему кто — то что — то делает, так почему бы тебе просто не объяснить.

Они вновь молча занялись работой, выравнивая рукав — реглан, придающий изюминку модели, сохраняя пропорции, откалывая и прикалывая постиранное букле. Им не нужны были слова. Они знали, о чем каждый из них думают.

Затем Лора отошла на несколько шагов и придирчиво оглядела работу.

— Этот манекен не сможет даже такси вызвать, не порвав рукава.

— Ткань — просто дерьмо.

— Это рушит всю линию. А между тем, матовый джерси на ноле, персонал разбежался, а вы можете продать свой пятничный показ Заку Позену.

— Я лучше вилку в глаз воткну.

— Это окажется на первой полосе всех модных изданий.

— Это лучше, чем вылететь из бизнеса, и это произойдет, если у нас не будет показа.

Они замолчали, затем Джереми спросил.

— Почему ты ушла?

— Я не хочу об этом говорить. Я не готова. — Это был самый честный ответ, который она могла придумать. Не честность уровня Стью, но где — то близко.

— Как только вопрос о смерти Грейси разрешится, нам придется поговорить. — Он вытащил разобранную куртку с плеч манекена.

Она посмотрела на него, держащего куртку одним пальцем за воротник, пристально глядящего на нее, словно хотел сказать, что нужно говорить сейчас, а не потом. Она была с ним согласно. Говорить нужно было сейчас. Но то, что остановило ее, было призраком его бывшего партнера и по совместительству любовницы.

Он продолжил:

— Я хочу, чтобы ты знала, что я не убийца.

— Я знаю, что это не ты.

— Нет, не знаешь.

Он был прав. Она не позволяла себе думать об этом, но в ее голове всегда возникала мысль, что возможно он мог бы это сделать. Она гнала её, надеясь, то ошибается или, что полиция ошибается.

— Ему сойдет это с рук, — сказала Лора. — И это, действительно, жжет мне задницу.

— Я все время думаю об том Т.О.П. — е, Лора. Том, который ты получила от Йони. С ним все было хорошо, верно? — Она кивнула. — Тот, который доставили, я исправил и положил на стол Йони, чтобы онаотослала его обратно. Я думаю, что тот, кто стоит за всем этим еще здесь.

— Ну, все в прошлом. Вы уверены, что не вернули его на 40-ю улицу?

Он кивнул и повернулся к куртке.

— Это уже не имеет значение. Мы должны воскресить линию из матового трикотажа, или это будет трехминутныйпоказ.

Пришел Андре и позвал Джереми. Бывший босс Лоры вколол булавки и извинился, уходя в отдел по продажам. Лора неловко схватила своего лежащего на столе игрушечного кролика и металлических лекала, опрокидывая их со стола.

Звук привлек внимание Джереми, и он обернулся.

— Ты нужна нам.

— Я не подпишу контракт.

— Тебе не обязательно.

— Я не буду работать для Шелдон а.

— Работай со мной на почасовой основе, пока не решим это вопрос. Назови свою цену.

— Я дорого стою.

Он развернулся и вышел с Андре.

Лора осталась. Появилась Тиффани, а сразу за ней и Чили. Стали подтягиваться и остальные швеи и раскройщики. Она подготовила образец, оставила его на раскройном столе с биркой времени начала и конца работы и решила, что отправляется на обед.

Девушка на западную сторону, по пути размышляя, должна ли она рассказать Джереми, что она чувствовала, когда он сделал такое заманчивое предложение. Он был прямо перед ней, спрашивая. Легче от этого не стало.

Метель прекратилась, и она решила пройтись за бургером. Она заслужила это за то, что она вернулась к своей работе или, может быть, потому, у неё был надломан зуб.

Подгоняемая чувством голода, она направилась к мексиканской забегаловке.

Которая была закрыта из — за погоды.

Она огляделась и вернулась тем же путем на 39-ю, просматривая, где бы перекусить и на левой и на правой стороне улицы, где она обычно не ходила. Ускоряя шаг, она вновь задалась вопросом, как Джереми потерял этот плохо выполненный Т.О.П. и не вспоминал об этом до недавнего времени.

Потому что, когда вы теряете что — то важное, вы обычно не забываете об этом?

Ноги, незаметно для неё самой, привели её к ресторану японской кухни, на углу 39-ой и 8-ой. Они были открыты, но она совсем забыла, на сколько, дорогой была здесь еда. Она подошла на 10-ю. Обед начал превращается в эпическую прогулку, но здесь Лора наткнуласьна другой мексиканскийресторанчик. Она решила не ходить в него, отдав

предпочтение индийцам на пересечении 39-ой и 11-ой.

Все это заняло около сорока минут, и, в конце концов, она купила мешок с арахисом из корейской бакалеи и отправилась туда, куда она хотела пойти в первую очередь — последний производственный цех в Нью — Йорке, на углу 40-й улицы и 11-ой авеню.

Заводский цех был больше, чем просто цех. Это было пять этажей и хранилище в подвале, арендованное пятьдесят лет назад, когда казалось, что швейная промышленность будет навсегда оставаться центром финансовой жизни Нью — Йорка.

Демонстрационные залы и офисы занимали другие этажи, подальше от раздражающего некоторых, звука швейных машин.

Лора увидела крошечные комочки пыли в каждом углу, оплетенные разноцветными нитками, которые так же торчали из — под стола и цеплялись за кресла. Грязь в дверных канавках и изношенную часть медных кнопок, где руки пассажиров лифта день за днем тщательно стирали металл. Как ребенок с муковисцидозом переживал свои послеобеденные дни здесь?! Где каждый угол забит древней шерстью и шелком!

Заводский пол причинял ему боль, но он все равно возвращался домой из школы, изучал узоры, шил, из — за чего ему становилось хуже. Так продолжалось до тех пор, пока он, наконец, не достиг верха мира моды.

По крайней мере, она позволила себе думать, когда она подошла к стеклянной двери.

Приемная на третьем этаже была немного больше, чем передняя комната с пустым металлическим столом. Возможно, кто — то сидел там, когда Сент — Джеймс управлял их бизнесом исключительно с фабрики, но, сейчас, когда Лора заглянула туда, все выглядело не больше, чем путь к швейным цехам. Она позвонила в колокольчик и подождала хорошие три минуты, прежде чем Эфраим открыл её, извиняясь. Ему было лет пятьдесят, он с гордостью сидел за машинами при этом всем своим видом показывал, что он устал от жизни под флуоресцентными лампами.

— Прости. Я был на другой стороне. — Он коснулся своего лица, в области её ушибленной щеки, и спросил: — Что случилось?

— Пришлось уложить Майка Тайсона на лопатки, но он все — таки меня задел. — Она закатила глаза. Эфраим уклончиво улыбнулся. — Джереми прислал меня за застежками-молниями с эмблемой, которые мы использовали в октябре прошлого года. Может у тебя что —нибудь осталось?

— Пойдем за мной. — Он полностью открыл дверь. — Я не знаю, перенесли ли они их на четвертый. — Он имел в виду четвертый этаж, который был исключительно для хранения и недоступен без кода и ключа. — Но проверь здесь.

Он направил ее через ряды зеленых промышленных машин, прижимных приспособлений, утюгов, столов для отделки, уставленных ящиками с предметами одежды, сетями из нитей и другой фурнитурой к маленькой комнатке, отгороженной от остального холла стеклянной перегородкой.

Внутри все выглядело как свалка, как каменный дом третьего мира из обломков и забытого мусора. Этот вечный цех работал, днем и ночью, через полтора — два часа, остров правил на Дикой Западной стороне. В течение всего уик — энда туда успели попасть пара сгоревших утюгов, пластиковых водяных кувшинок, висящих на синтетической коричневой нити. Весь периметр цеха опоясывали железные колодки, которые давно пара было обновить. Вышедшее из строя трубки были запечатаны клейкой лентой, и не потому, что никто не купил запчасти, а потому, что замена частей их частей у таких древностей

потребуется времени. Сгоревшие утюги, ремонт которых должен был бы занять всего один день, оставались здесь лишь по одной причине. Производство линии могла остановить лишь смерть, а тридцати дней на поиски запчасти на eBay просто не было.

Кладбище машин забилося за стойки тканевых рулонов, ожидающих возвращения золотых дней. Оверлоки с разоренными таймерами, плиссировочные машины, ожидающие возвращения моды на плиссе (которая изменялась слишком медленно), крепежные машины для джинсовой линии, которую Джереми убрал после одного сезона.

Они все ждали окончания войны, когда их вытащат, вытряхнут из них пыль, смажут и начнут использовать, до тех пор, пока их снова не забудут в угоду потребителю.

Две дамы, работающие в субботу, сгорбились над машинами. Двадцать лет назад за этими машинами сидели итальянцы с Богородицей Кармель, вышитой нитками на их форме, теперь же мексиканцы, почитающие Богородицу Гваделупскую. Они подталкивали ткань через фидеры, затем разглаживали швы или прострачивали реверсом, или завязывали узелком. А в перерывах между этим делом все поглядывали и поглядывали на часы, тикающие к следующему перерыву, который они смогут потратить на звонок родственникам и поход в тамал, прежде чем похолодает.

Это были счастливые, профсоюзные работники, в Нью — Йорке. Последняя из профессий, убитых коррумпированным союзом, которая стоила миллионам в отдалеке и взятках, бумом недвижимости, который делал завышенные цены на жилплощадь, и потребителем, который ожидал новой моды каждый сезон, но не хотел платить за нее.

Эфраим, нервный человек по привычке и рождению, подвел Лору к шкафу для хранения, хотя и не был обязан это делать. Она просмотрела пластиковые коробки от пола до потолка, наполненные пуговицами, пряжками, шпильками и наклейками.

— Тебе нужно порыться здесь. Мне жаль, но я точно не знаю, где они. — Эфраим показал на средние полки. — Как Джереми? Он в порядке?

— Он расстроен, — сказала Лора, пытаясь вытащить первую коробку.

— Он работал с Грейси девять лет. И теперь Шелдон хочет продать все это китайской компании.

Ефрем выглядел так, как будто его сердце остановилось.

— Что мы можем сделать?

— Я не знаю. Шелдон у принадлежит пятьдесят пять процентов бизнеса, поэтому я думаю, что он может продать свои акции, а может, нет. Послушай, я не эксперт в этом. И обвинение в убийстве против него совсем не помогает.

— Его здесь не было, — сказал Эфраим, слишком оборонительно. — Юбка была идеальной пятницей, когда мы уходили. Не было причин, чтобы он приходил сюда что — то исправлять.

— Я не обвиняю...

— Приходила полиция и обшарила на это место сверху донизу. Зачем, скажите мне, лгать? Чтобы защитить мою работу? Смешно. Я потеряю работу и свою репутацию, и что мне придется делать, если только не переезжать в Китай? Ты не понимаешь. Это последний производственный объект на Манхэттене. Последний. Если я потеряю эту работу, в другом месте я её не найду. Это было чудо, когда я нашел её год назад. Теперь, что мне делать?

Он был готов расплакаться, и хотя она была слегка зла на него за такие слова, но эмоциям поддаваться не стоило. Ей нужна была информация, а не нелепые причитания.

— Не переживай. Он не даст компании развалиться.

— Он называет меня лжецом.

— Нет, Эфраим, это ты называешь его лжецом. — Как ни странно, но это заявление успокоило его. Дыханье замедлилось, слезы высохли. Он попытался резко отойти от шкафа, но Лора не дала. — Ты сказал, что в субботу с образцами все было хорошо. То есть, они уже были готовы к отправке в пятницу?

— Висели уже упакованные. И днем ранее так же. Когда я работал в «Girl Starz», ранняя отправка была мне на руку, но не более. — «Girl Starz» были создателями футболки, чрезвычайно популярной среди обитателей 32-ой параллели. — Извини, но ты знаешь, сколько денег я сэкономил этой компании, отправляя все в срок?

Она кивнула. Это был не несущественный подвиг.

— И Т.О.П.? — спросила она. Когда вы его отправили?

— В пятницу вечером «Кетчумом».

— Эфраим, я сожалею обо всем этом. Но, когда вы уходили в пятницу, подрубочные швы были в порядке на юбке? Точно? Я имею в виду, все — таки это не ваша обязанность смотреть швы на изделиях, верно?

— Клянусь Богом, Лора. Эти швы были идеальными. — Он провел рукой по воздуху.

Несмотря на все, она поверила ему. Он извинился и ушел доделывать какое — то документы, а Лора сделала вид, что ищет застежку — молнию. Она нашла дюжину в пластиковом контейнере и проскользнула к соседнему шкафу, в котором находились записи об истории пошива и образцы конструкции. Она нашла Т.О.П. от платья «Маргарет» с прошлого года. У него была такая же юбка и низ, и оно хорошо продавалось, поэтому эту модель переделали в «Марди».

Она вытащила его. На бирке стояла пометка «Отказ», заверенная Йони. Она повесила платье на конце стойки и поняла, что Джереми имел в виду под «сугробом». Подол местами уходил клином.

Круглая юбка была разрезана на кусочки пиццы, которые затем были сшиты. Это означало, что общее направление нитей, должно было совпадать с направлением швов, но по центру получилось смещение, из — за чего, направление нитей сместилось перпендикулярно швам. В итоге, подол растянулся и провис.

В платье «Маргарита», подол провис только в одном месте, аккуратно по центру, в то время, как длинна во всех остальных швах осталась одинаковой. Это выглядело нелепо.

Но почему была допущена ошибка?

Она повернула карточку и увидела еще одну подпись — Роберто, менеджера цеха, который работал до Эфраима. Из — под штампа внизу она увидела, что он тоже отклонил это Т.О.П., но либо отправил его Йони для подтверждения, либо Йони была на заводе, и они смотрели его вместе. Он перебрался в Гондурас, и открыл текстильную фабрику. Она могла бы связаться с ним, если бы захотела.

Она взяла бракованные Т.О.П. и спросила Эфраима, может ли она вернуть его в мастерскую. Он согласился, даже не взглянув на него.

В зале она встретила Йони, выходящую из лифта.

— Что это? — Йони указала на образец.

— Это «Маргарет» с прошлого года. Посмотри на подол.

Йони вздохнула.

— Менеджеры цеха. — Она закатила глаза. Всем были известны проблемы, с которыми сталкивалась менеджеры по производству. — Всегда хотят получить одобрение заранее.

Роберто отправил Т.О.П, прежде чем оставить его отвисеться. Я его чуть не убила. — Поймав недоуменный взгляд Лоры, Йони пояснила. — Круглые юбки нужно развешивать на двадцать четыре часа до упаковки, или получится такая хрень. Нам пришлось распаковать их всех и восстановить реплики.

Это похоже на то, что Джереми сделал в прошлую субботу вечером, потому что юбки были сделаны на день раньше, а это означает, что Т.О.П. сошел с линии в идеальном состоянии, а вот отвисеться не успел.

— Почему ты улыбаешься? — спросила Йони, прерывая ход мысли Лоры.

— Ничего. Прости. Мне нужно идти.

Йони указал на образец.

— А это ты куда потащила?

— Украду его на вечеринку. Я просто собираюсь подправить подол. Пожалуйста, не говори никому.

Йони улыбнулась и похлопала ее по плечу.

— Ты должна прочитать контракт. В нем есть хорошее пособие на одежду.

Лора улыбнулась и смущенно пожала плечами, затем спустилась по лестнице, прежде чем Йони поняла, что у замужней «Маргарет» такая же проблема, как и у исчезнувшего Т.О.П.—а.

Когда она принесла платье домой, то аккуратно подрезала одну юбку, чтобы та стала прямой. Ну, вот и все. По крайней мере, пока.

Но какие еще недочеты были в «Марди»? Только неровный подол, с которым оно попало в руки к Джереми? Очевидно, что Эфраим, не заставший инцидента с «Маргарет» допустил ту же ошибку, что и Роберто. «Starz Girl» была фабрикой футболок, поэтому, хотя Эфраим мог создать швейную линию для всех предприятий Джереми, если бы она состояла из одних маек, но все — таки имел пробелы в изготовлении юбок.

Снег замедлился до пыльного тумана, и закат солнца осветил маленький уголок Лоры в Манхэттене. Она уставилась на прямую часть края «Маргарет». Подумывая о том, чтобы еще как — то переделать платье, она услышала, как наверх поднялась Руби, а бас — гитарист Майкл смеется над чем — то по телевизору. Вскоре зазвонил телефон.

— Сегодня суббота, не так ли? — спросила Руби.

— Да.

— У нас есть какие —нибудь планы?

— Уверена, что мы сможем что —нибудь придумать. — с улыбкой сказала Лора.

Руби повесила трубку. Пятнадцать минут спустя в дверь постучали. На пороге показалась сестра с двумя термосами кофе и сумкой сэндвичей Барни. — Сегодня ночь покера!

Мысль о том, что Шелдон мог отправиться играть в покер ночью среди недели сразу после убийства своей жены, показалась Лоре бредом сумасшедшего, но доля логики в теории Руби была. По её словам, если Шелдон хотел сделать покер своим алиби, то внимательно следил бы за игрой, в особенности, если бы он был связан с убийством.

Обычно те, кто больше всех виновен, будет больше запоминаться окружающим, чтобы выглядеть невиновным. Если бы он не имел к этому никакого отношения, он бы сделал то, что сделал бы любой нормальный человек, и остался бы дома и убивался по своей обманутой убиенной жене.

Вход на территорию комплекса «Парк Грамерси», названный в честь городского парка по соседству, был заперт. Лора так и не смогла понять, кто дал им ключи и почему; она только знала, что лично у неё их не было. Поэтому, когда она и Руби оказались напротив таунхауса из красного кирпича с белыми карнизами, безвыходность их ситуации стала очевидна. С одной стороны они были заблокированы закрытым парком, с другой сотней таунхаусов, тянувшихся друг за другом. Они не могли притвориться куском кирпичной кладки или вычурной лепниной по соседству, у них не было машины, чтобы спрятаться в нутрии. Руби окинула улицу от тротуара до крыш, но никакой идеи не появилось.

— План был не очень, — сказала Лора, дрожа. — А что, если он куда — нибудь уедет? Идет снег. Ты знаешь, как тяжело будет достать такси? — Лицо Руби потемнело. Очевидно, она об этом не подумала.

Лора взглянула на светящиеся не ярким слегка приглушенным светом окно дома Шелдон а.

— Пойдем. — И они побрели, прижавшись, друг к другу, чтобы их голоса были не слышны за уличным шумом. Взад и вперед, иногда переходя улицу, а иногда и нет, они смотрели на дом Шелдон а и Грейси, от одного конца блока к другому. Лора оказалась в ловушке последней беседы, которую она меньше всего хотела вести с Руби.

— Итак, — сказала Руби, когда они нашли свой темп, — когда ты влюбилась в своего босса?

— Это абсолютно неуместно. Я даже не буду обсуждать это.

— Зачем? Мы можем часами сидеть в засаде. Нам нужно о чем — то говорить.

— Давай поговорим о свадьбе.

— Хорошо. Затем, после паузы, — Ты выберешь Джереми или Стью?

— Прекрати.

— Тогда ответь мне, когда.

— В ту минуту, когда я встретила его.

— Пять лет назад? — спросила Руби, как будто разъяснения были необходимы. — Тоже мне! Знаешь, что он не гей?

Движение машин на улице было ужасно, и каждый раз, когда они поворачивали за угол, им приходилось останавливаться и долго и пристально смотреть в глаза, проезжающим водителям, или они бы стояли на обочине вечно. Хорошо, что они двигались. В такие минус четыре, это хоть как — то спасало. Лора нахмурилась, и дыхание, вырвавшееся из её приоткрытого рта, пролетело метров пять, прежде чем рассеяться.

На углу, пропуская очередную «Ауди», Руби, снова спросила ее, как давно она

испытывает чувства к Джереми, только на этот раз она была более требовательна. Так или иначе, это была долгая ночь. Для Лоры эти такие простые и в тоже время волшебные слова, они были, каким — то не ведомым компасом произнеся, их вслух можно было отклониться в какую либо сторону. Вращение стрелки это не видимого компаса, так долго укорачивало ее жизнь, она перестала заботиться о том, кто знает, когда и где и почему.

Так она и рассказала все сестре. Она рассказала ей о том, как она и Джереми встретились, о том, как он поправил ее рисунок, о том, как он пах, двигался и говорил. Она рассказала ей о кофе и рассказах и о том, как он защищал Лору от Грейси. Она рассказала ей о том, как важно её было красиво выглядеть по утрам, и разочарование, когда она оказалась совершенно не нуждой. И выяснив, что он не гей, и как это изменило их отношения в ее сознании. И как Джереми держал ее от каких — либо чувств к Стью, как будто это была его вина, но, возможно, это было так. Может быть, он вел ее все это время. Может быть, ему не было никакого дела до неё, и он просто покупал кофе. Он должен был знать, должен был видеть. Тем не менее, он держал её рядом, просто, чтобы чувствовать себя человеком.

Лора рассердилась, когда она подумала об этом, ее голос повысился. Он заставил её почувствовать себя гораздо лучше. Джереми был скотом, если делал вид, что не видел, как она себя чувствует. Настоящий первоклассный, крышесностный мудака.

— Я расскажу тебе, что я знаю о мужчинах, — сказала Руби. — На самом деле это единственное, что я знаю. Когда человек говорит тебе, что ты ему неинтересна, девять раз из десяти, все на оборот. И когда кажется, что ты им нравишься, то в большинстве случаев, это так и есть.

— Это ты, Руби. А не я.

— Нет, это правило работаетна всех. Ты нравишься ему, Лора. После всего этого, вероятно, еще больше.

Лора задумалась. Ей это даже не приходило в голову. Как только она собиралась признать, что это возможно, свет в передней в доме Шелдон а погас, и дверь открылась.

Она схватила Руби за руку, и сестра тоже застыла.

— Что нам делать? — прошептала Руби.

— Я не знаю.

— Что он делает?

Он запер дверь и спустился по лестнице вниз.

— Пошли за ним, — сказала Лора. — Далеко позади. Он не должен увидеть меня. Иначе он обязательно узнает.

Полдороги они прятались под навесами лестниц, потому что тротуары были пустынные.

Если бы он повернулся на 3-ю, девушкам предстояло бы выйти из тени дома, чтобы продолжить слежку.

Но он этого не сделал. Он прошел мимо ворот большого белого каменного здания и проскользнул в маленькую, едва заметную дверь.

— Это синагога, — сказала Лора. — Но похороны были католическими.

— Идем за ним? — прошептала Руби, хотя шептать не было никакой нужды. Шум дороги заглушил бы все.

— И что? Я даже не знаю, в какой одежде туда ходят. Нужно ли надевать парик или что-нибудь еще.

— А что, если ночью он был в синагоге?

Рубиткнула на доску объявлений, чернеющую перед главным входом. На белых листах

объявлений был написан следующий праздник, имя раввина, возглавляющего службу в следующую субботу, и «Покер — рум для мужчин» (только для членов).

— Невероятно, — сказала Лора.

— У него действительно алиби.

— Я этому не верю. — Она рассчитывала доказать вину Шелдон а, ну или, по крайней мере, найти намек, что он может врать. И вот он идет играть в покер, как по часам. Нет, она не верит. Он должен был быть дома, упаковывать одежду Грейси или что — то еще, но не играть в карты. Он пытался что — то подтвердить, и если Лора не узнает, что это было сегодня, то не узнает уже никогда.

Она схватила Рубину за руку и потащила в маленькую боковую дверь, куда вошел Шелдон. Ее сестра, казалось было, читала ее мысли и смолчала, когда они вошли в коридор с темным, ворсистым ковром, сияющими листовыми лепными украшениями и лестницами и пустым столом. Вдоль коридора тянулись бесчисленные к двери и лестничные пролеты. Сестры молча, продвигались вперед, прислушиваясь у каждой двери, пока не услышали звуки смеха и хруст чипсов. Наверяд ли играющие презентабельные джентльмены будут хомячить чипсы, и ржать как лошади. Пришлось идти дальше, прислушиваясь. Руби указала на зал, и Лора последовала за ней по лестнице над которой висело рукописное объявление: «Мужской покер». Они сбежали в низ, ступая грязными сапогами по мягкому ковро.

Подвальный зал был менее причудливым, с линолеумом и деревянными стульями в разных местах. На белых стенах висела фотогалерея раввинов, получивших награды.

Латунные подписи к ним рассказывали за что. Лора втащила Руби в полуоткрытую дверь, глядя во все глаза, стараясь не пропустить ничего важного.

В комнате был только один человек, говоривший по телефону перетаскивая красные фишки с одной стороны на другую.

Но он был не Шелдон. Она его не знала. И он определенно был единственным живым существом в комнате.

— Он должен быть где — то здесь, — прошептала Руби.

— Поищем снова?

Руби кивнула, но неожиданно они услышали голоса, приближающиеся к ним. Они посмотрели друг на друга. Голоса стали громче — мужские голоса. По линолеуму шуршали шаги. Они могли быть за углом или где — то наверху, но они, несомненно, приближались. Лора потащила Руби по коридору, боясь столкнуться по пути с кем-нибудь, кто счел бы их присутствие недопустимым в этом мужском кружке без соответствующего костюма или других странностей. Она вытащила Руби в мужской туалет, надеясь, что ребята, спускающиеся по коридору, не захотят туда заглянуть.

Придерживая ногой дверь открытой, она смотрела, как двое мужчин, которые выглядели точно так, как она ожидала, с бородой, в серых костюмах и шляпах, прошли мимо, а за ними проследовала невысокая женщина в длинной военно — морской юбке. Они открыли тяжелую дверь, нажав на электронный замок. С другой стороны был виден тусклый флуоресцентный свет и полоска асфальта подземной автостоянки. И в эту секунду в приоткрытой двери они увидели мелькнувшую красную вспышку «Мерседеса».

— Это его машина! — закричала Лора, не заботясь ни о парне с чипами, ни о троице, которая только что прошла по коридору. Она вытащила Руби из туалета. Они выбежали из мужской комнаты, по коридору, по лестнице, во двор и вышли на улицу, где красный Мерседес вытаскивал на 3-ю авеню, в полу квартале, направляясь на север.

Лора оглядела улицу в поисках такси, но снегопад, в сочетании со временем и местом, гарантировал, что никого не будет. Они решили разделить обязанности: Лора осталась следить за «Мерседесом», а Руби словить по возможности такси. Взявшись за руки, она прячась заторопились среди потока туристов, семей с детьми и субботних компаний..

Когда «Мерседес» вырвался в перед, им пришлось ускориться, а когда, встал на красном, делать вид, что заворачивают на корейский рынок. Но дорога была ужасна. Снежные груды на обочине оказывались ничем иным, как ледянками, скрытыми под липким снегом. Осторожность замедлила всех, делая проспект, больше похожий на линию хлебопечи с автомобилями вместо батонов, которые скользили вперед по льду, блокировали пешеходные переходы, создавая пробки, которые позволяли Лоре и Руби не отставать от машины.

Глаза Лоры и Шелдон а встретились, и она была уверена, что ее раскрыли, но он отвернулся и посмотрел на даму в полосатом шарфе, которая переходила дорогу.

— Он меня видел, — сказала она Руби.

— О, о...

— Но посмотрел в другую сторону.

— Виновен, — сказала Руби.

— Однозначно, — согласилась Лора. Свет стал зеленым, и они немного задержались, прежде чем снова начать погоню. Шелдон никогда не опережал их, что еще раз доказывало, что оживленная прогулка в Нью — Йорке была такой же быстрой, как поездка на такси в центре города, по крайней мере, в снегопад. Он свернул к Центральному парку на Юг. Лора и Руби быстро проскочили через вход, купив две чашки кофе и бутерброды в ожидании они присели на скамейку в ожидании жертвы. Лоре казалось, что она не ела в течение нескольких дней, но не жаловалась на усталость или голод, или на апатию она не могла. Она была именно там, где хотела быть, и когда она взглянула на Руби, она увидела такой же довольный вид.

Шелдон вышел, оглядываясь, как бы проверяя, не преследует ли его кто —нибудь. Хотя, возможно Лоре это только показалось. Они последовали за ним, затерявшись среди группы туристов из четырех человек, прячась за их сумками.

— Он идет в парк, — сказала Лора.

— Может, он хочет прокатиться на санях.

— Он должен играть в покер.

Руби пожала плечами.

Центральный парк кишел людьми: любителями футбола, шопоголиками и просто отдыхающими. Элегантная золотая статуя, выступающая из стены отеля «Плаза», установленной Иванкой Трамп, в те времена, когда она еще носила фамилию Трамп, сияла даже ночью, освещенная подсветкой. Упряжки лошадей, ожидавшие, проезда в общем потоке машин добавляли к общему шуму ржание лошадей, смешанное с гудением автомобильных рожков и запах лошадиного корма, который пах хуже, чем выхлопные газы и жарящиеся хот — доги.

Они продолжали двигаться, пробираясь мимо продавцов горячих крендельков и торговцев футболками, вглубь парка, оставляя позади Центральный остров, огибая каменную стену ограждения. Постепенно парк стал превращаться в лесистый овраг, растянутый на десять метров.

Шелдон подошел к закрытому входу в парк, закрытому тяжелыми пластиковыми

баррикадами, в оранжевую и белую полоску. Желтые надписи на них на четырех языках говорили: «Опасно». Но он без малейших колебаний переступил через ни, оттолкнув конус ограждения в сторону двумя пальцами и сплюнув. Он не оглянулся, и его никто не остановил. Лоре было доподлинно известно, что за этим заграждением находится лестница, ведущая к плохо распланированным туалетам, которые не увидят своего открытия еще очень долго.

— Мы не можем спуститься, — сказала Лора. — Я не хочу вновь попасть в беду.

Рубипотащила её к входу.

— Я просто так прошлялась в такой снегопад.

Лора отпрянула.

— Они думают, что я убила Грейси. Меня избили после того, как я начала что — то вынюхивать. Если меня здесь поймают, точно повесят.

— И кто теперь, разыгрывает драму? — Руби коснулся ограждения кончиком пальца и отодвинул его в сторону, подняв ногу, чтобы перебраться через полицейскую ленту.

Коп вышел из толпы, как хищная птица, нападая с того места, в которое никто никогда не будет смотреть, с властным голосом, который даже не нужно повышать. «Э, здравствуйте» прозвучало как молоток по наковальне. Руби поставила конус на место, а Лора застыла как водосточный желоб.

Полицейский был одет в шляпу, румяный и голубоглазый с морщинками на лбу.

Многолетний опыт, который он накопил на своей работе, отразился на том, как он говорил.

— Куда вы идете? — спросил он, хотя вопрос звучал скорее так: «Вы с ума сошли?»

Лора судорожно металась в поисках оправления, но все что она знала, что когда — то там были туалеты, а ей срочно приспичило Она открыла рот, чтобы рассказать эту печальную историю, но Руби была быстрее. Да и с людьми ладила лучше.

— Моя сестра потеряла обручальное кольцо! — сказала она. — Джереми убьет её.

Лора не знала, как себя чувствовать, когда ей приходится притворяться, что у неё какие — то отношения с Джереми. Хотя возможно сестра выбрала имя Джереми из своего богатого лексикона не случайно?

— Правда? — спросил полицейский, поворачиваясь к Лоре. — Как это произошло?

Лора протянула свою левую руку, чтобы показать, что кольца нет.

— Мы шли, и я ей что — то рассказывала. — С этими словами она подтолкнула ее вперед. — И я думаю, что от холода мои пальцы уменьшились, и оно соскользнуло. — Поддакнула Лора.

— Кроме того, она на диете, чтобы влезть в платье, и она отлично справляется, — вмешалась Руби.

Лора бросила на Руби быстрый взгляд, но полицейский только кивнул. На его латунном жетоне читалось: «Додсон».

— Моя дочь, то же самое. Одни салаты, как и её жених. Такое чувство, что к алтарю я поведу скелет.

— Мои поздравления в любом случае, — сказала Руби, — оно покатилося по этом ступеням.

На кольце камень в карат, поэтому я думаю, мы легко найдем его на полу.

— Карат и три восьмых, — поправила Лора, и Руби закатила глаза в ответ.

После паузы, которая, казалось, продолжалась несколько часов, Додсонотодвинул

заграждение и позволил Лоре и Руби пройти, затем он прошел в перед и поднял ленту.

— Эти лестницы небезопасны. Если не найдете кольцо через пять минут, возвращайтесь.

Поняли?

Они с легкостью согласились, хотя Лора задумалась над тем, что она и Руби ответят так и не найдя кольца по возвращению обратно. Шелдон, конечно, спустился туда не просто помочиться в неработающий туалет. Несомненно, он использовал лестницу как проход к чему — то еще. Она пожалела, что Руби сказала офицеру Додсону, что они скоро вернуться.

Лучше было бы, если бы они сказали, что им нужно по малой нужде, а тогда бы полицейский отстал от них. Но она знала как устроена Руби. Она ни за что бы ни стала довольствоваться тем, что они потеряли Шелдон а. Лора вспомнила, как после окончания колледжа сестра искала работу. Она разослала двести пятьдесят резюме, посетила пятьдесят собеседований и отказалась от Бог знает скольких повторных. Она хотела работать в большой компании, с соц. пакетом и льготами, и она собиралась найти такую работу во, чтобы её это не стоило.

Теперь целью её упорства стал Шелдон.

Бедный Шелдон.

Додсон шел по каменным ступеням. Они закрывались каждую зиму, покрываясь льдом и становясь скользкими, и он протянул руку, чтобы помочь спуститься по наледи. Лора и Руби покорно опустили глаза, осматривая камень и лед. Руби даже присела, чтобы посмотреть на сверкающий кусочек кварца, вставленный в камень ступеней. Но нет. Там не было кольца с бриллиантом в 1,38 каратов. И Руби скривилась, как будто она была разочарована.

Дверь мужской комнаты была приоткрыта, и хотя Лора и Руби взглянули друг на друга, подтверждая друг другу, что они это видят, но сделали вид, что не сводят глаз с мокрого пола. Руби приблизилась к двери, чтобы убедиться, что Додсон не пропустил ее.

— Стойте, мэм, — сказал он своим лучшим командным голосом. Руби, вопросительно взглянула на него в немом вопросе «Что такое?».

Додсону не понравилась пауза. Лора была уверена, он увидел незапертую дверь. А еще за свою карьеру военного он видел взрывы, снаряды, выпотрошенных людей. Поэтому, Лора прекрасно поняла, почему он схватил Руби за плечо, пряча за себя. А Руби, кажется нет, потому что вскрикнула и начала отбиваться, в результате чего, полицейский толкнул её сильнее. Чем следовало. Девушка отлетела к противоположной стенке, больно ударившись затылком. Лора кинулась к ней, опасаясь, что у той сотрясение.

Додсон мгновенно вытащил пистолет, держа его одной рукой и протянул другую ладонь Лоре и Руби, показывая, чтобы они остались на своих местах за его спиной. Он крикнул:

«Выходите оттуда», что эхом пролетело под сводами ванной комнаты.

Из — за двери раздался приглушенный голос, и Лора поняла, что было сказано на основании реакции Додсона: «Я не дам твоей крысиной заднице одеться, так что иди сюда». Он толкнул дверь, и она со скрипом и визгом открылась. В ванную попал луч синего света. В углу дверного проема Лора увидела треугольник из ткани, который, вероятно, был из клетчатого пальто верблюжьего цвета. Она посмотрела на Руби, чья голова оказалась в полном порядке. Они держались за руки, прижавшись к холодной каменной стене.

Лора прошептала:

— Встань передо мной, чтобы он меня не видел.

Когда Шелдон вышел с поднятыми руками, Лора увидела то, чего ни за что не хотела бы видеть, — его штаны спустились к лодыжкам вместе с нижним бельем и все, атрибуты мужского пола сморщились от холода и болтались. Он с трудом переставлял ноги, чтобы не споткнуться. За ним вышла молодая женщина с крашеными красными волосами и пуховой курткой с поднятыми руками. Коленки ее джинсов — скинни были мокрыми.

Лора попыталась подняться по лестнице, но Додсон крикнул:

— Оставайтесь там, леди.

— Зачем?

— Вы свидетель.

Лора спрятала лицо в руках, чтобы не видеть не столько свисающий член Шелдон а, но и чтобы он не увидел её. Однако было слишком поздно, когда она услышала, как Шелдон пробормотал: «Отлично, Болтушка».

Оказавшись в участок, она с Руби попытались придерживаться более или менее связной истории. Допрос продолжался около пятнадцати минут. Тщательно подготовленная история дала трещину, когда полицейский спросил её о мужчине по имени Джереми, который должен был стать её женихом. Лора не смогла подтвердить это даже ради своего спасения и выложила все как есть. В итоге все закончилось не так уж и плохо, потому что Шелдон провел половину ночи, проклиная ее имя.

Когда Лора и Руби вышли на улицу и спускались по еще не обледенелой лестнице, на встречу им поднимались Канингеми и Самуэльсон, усталые и понурые.

— Карнеги. Что ты здесь делаешь? — спросил Канингеми.

Она не хотела отвечать. На самом деле, она предпочла бы быть мертвой, чем объяснять слова о своем женихе, Джереми.

К счастью, рядом была Руби, по своим остроумием и находчивостью.

— Шелдон, находится под стражей. Кажется, покерная ночь была обманом, и он ходит по проституткам.

Канингемина секунду взглянул на них, прежде чем убежать по лестнице в участок.

Известия пришли со страниц воскресных газет, которые Руби и Лора открывали только ради чего — то очень скандального. Однако сегодня именно Шелдон находился на главной странице «Нью — Йорк таймс», в рамочке в нижнем левом углу. «Пост» опубликовал статью о нем, наполненную короткими, но емкими фактами и подкрепленную фотографиями, разместил на шестой странице. Газета отправилась в печать, когда Шелдон был освобожден по собственному признанию в полночь. Лора отдала должное журналистам: она сделала захватывающую историю, ничего толком не зная.

Единственное, что Лора узнала во время своего собственного допроса, и то, что новостные агентства еще не обнаружили, заключалось в том, что Шелдон Померанц был членом элитной покерной сети в районе Манхэттен. Цель клуба заключалась не в том, чтобы кидать фишки, курить сигары или просто провести ночь подальше от детей. Цель состояла в том, чтобы обеспечить алиби людям, которые нуждались в нем, но не от убийства, а чтобы обеспечить правдоподобной версией людей занимающихся прелюбодеянием. И хотя у Шелдона не было постоянной любовницы, у него была склонность ходить к девушкам по вызову.

Каждую субботу один человек оставался в синагоге и, при необходимости, отвечал на телефонные звонки. Эта обязанность переходила от одного члена клуба к другому.

Остальные делали все, что хотели, ни перед кем не отчитываясь. А человек на телефоне рассказывал заученную историю: «Да, он играл в покер со мной, он потерял тридцать четыре доллара и ушел в такое время». Участники клуба должны были прикрывать друг друга, но не от полиции, поэтому напряженность, возникшая в клубе, почти привела к его роспуску. Шелдон убедил их, что все очень скоро закончится, поскольку он не был убийцей, и клуб по — прежнему будет служить хорошей, но не совсем честной цели. Члены согласились прикрыть его, хотя ставки и повысились. Если бы эта ложь выплыла наружу, то о ней незамедлительно бы стало известно женам и девушкам, и вероятно, привело бы к крушению многих браков.

Джереме все еще подозревали до дальнейшего установления обстоятельств, но у Лоры было ощущение, что наконец — то выглянуло солнце. За чашкой кофе номер два Лора почувствовала, что ей нужно поговорить с Джереме, но его не было в офисе, как и Тинто.

Лора подрезала подол от платья «Маргарита», чтобы закруглить его. Занятая этой работой она мысленно пыталась переключиться от размышлений о Джереме. Лора посмотрела на подворачиваемый ею подол платья, она понятия не имела, оставит ли она его себе или нет. Платье висело у неё уже год, и вряд ли она его уже кому — нибудь отдаст. Когда она попыталась подвернуть ткань подола, нити машинки запутались и застряли. Лора позвонила матери.

— Я могу к тебе заехать, и попользоваться твоей машинкой? Моя что — то развредничалась и стягивает тканьь.

— Ладно, приезжай. Посмотрим что там у тебя, — весело ответила мама, как будто Лора все еще пятнадцать и её необходима материнская опека.

— Я буду через час, — сказала она, попутно собирая вещи в стирку. Два темных бюстгальтера, один бежевый. На самом деле три. Подрубленный подол. Прачечная.

Наверное, ужин.

Теперь, когда она была взрослой, её не было необходимости оставаться на ночь.

Когда она добралась домой, оказалось, что у матери серьезные проблемы. Посудомоечная машина была вытянута в центр кухни, а мама вытирала коричневый беспорядок. Лора проглотила желание сказать маме «выкинуть её», и вместо этого выразила соболезнования в связи с непредвиденно устаревшей посудомоечной машиной.

— Это не посудомоечная машина, — сказала она. — Это проклятый арендодатель, он узнал, — Лора ахнула. Это была катастрофа. Её мать, полностью зависимая от арендной платы, могла потерять квартиру, в которой прожила двадцать пять лет своей жизни. — Мой адвокат говорит, что если выключу её, то может быть причин выселения не будет, но когда я стала выключать её, появился этот козел.

Что — то в голосе Лоры щелкнуло, и она побежала к шкафу и открыла дверь. Евро-стиралка исчезла.

— Мам!

— Смотрю, ты тоже принесла в стирку, — позвала она с кухни через секунду после того, как Лора начала биться головой об дверцу. — Вчера вечером я продала машину на Craigslist.

— У тебя же нет компьютера. — Это был неожиданный поворот событий.

— Руби продала за меня. Хочешь посмотреть на вязание? Я не знаю, что вы дальше с ним будете делать, но выглядит неплохо.

Лора вернулась на кухню, потащив за собой сумку с бельем. Теперь её придется пользоваться общественной прачечной, как и всем остальным. Она подсчитала, как долго она сможет проходить в своем текущем чистом гардеробе, а затем добавила день для повторного ношения и добавила еще один день.

Мама взяла белое вязаное кружево. Оно было два метра длиной, прошитое тончайшей нитью мерцающих кристаллов.

— Завтра я отправлю его ему. Сколько он тебе должен? — спросила Лора.

— Много. И мне это тоже нужно. Мне придется оставить что —нибудь в качестве залога.

Мама оглядела свою квартиру, ту, которую она сначала арендовала с ее великолепным, правдагуляющим мужем. Домом, в котором она воспитывала своих детей. Ее глаза говорили слишком о многом.

— Пойдем, — сказала Лора, бросая сумку с бельем обратно в зал. — Я сделаю тебе обед.

Лора убрала бардак под посудомоечной машиной, а затем вытолкнула ее из двери в коридор. Она попросит кого — то помочь ей спустить машинку с лестницы позже. На ужин был омлет с тостами, которым их в детстве кормила мама.

Мама спросила, знает ли Лора о Шелдон е, и после коротких дебатов в ее голове она рассказала всю историю прошлой ночи, что привело к тому, что ей пришлось рассказать, как они с Руби следили за ним. А следом пришлось рассказывать о разговоре с Джереми в больнице и так далее. Её рассказ превратился в товарный поезд, несшийся по рельсам без остановок, все, набирая и набирая скорость до тех пор, пока остатки яиц не прилипли намертво к тарелке, а солнце за окном не стало заходить за горизонт, бросая тени на крошки и соль на столе.

Мама положила руки на стол, стряхивая крошки.

— Я не думаю, что этот человек, Джереми, для тебя. Я не говорю, что ты не должна

проводить с ним какое — то время, но он не хороший. Не во всем, по крайней мере.

— Я не понимаю. Что ты имеешь в виду, — волосы у Лоры встали дыбом. Вот почему она ничего не рассказывала маме. Она ожидала услышать что — то вроде: «Он больше типа Руби» или «Он плохо на тебя повлияет».

Но она не сказала ничего такого. Вместо этого мама продолжила.

— Он использовал эту женщину из — за денег. Мне это не нравится. Я не думаю, что он способен просто быть с кем — то, если это не принесет ему пользы. Я не знаю, для чего он тебя использует, дорогая, но ему определено что — то от тебя нужно. — Лора попыталась скрыть выражение разочарования на ее лице, но когда мама посмотрела на её, поняла, что у неё плохо получилось. — В этом нет ничего плохого. Мы все что — то используем. Но какая от него польза для тебя?

Для неё от Джереми были сотни плюсов. Его деловая хватка, его мастерство, когда он заходил в комнату, все ощущали его присутствие, но она хотела отнюдь не этого. Ей хотелось с кем — то встречаться. С кем — то завтракать. Её нужен был парень. Не больше, не меньше.

— Ты говоришь такие вещи Руби?

— Какие вещи? — ответила мама, беря со стола тарелку с вилкой.

— Предполагая, что кто — то не подходит ей, или что она не имеет никакого контроля над своей жизнью или что кто — то пытается использовать её? Или ты оставляешь эти разговоры только для меня?

Мама не ответила. Она положила тарелки в раковину и включила воду.

— У меня нет никакого моющего средства для посуды, — пробормотала она, глядя на решетку под раковиной. Она пожала плечами и вытряхнула в раковину мыло для посудомоечной машины. Лора подумала, что она забыла или проигнорировала ее вопрос, но потом она сказала.

— Мне не нравится Майкл. Он приносит твоей сестре слишком много расстройств, но она всегда хочет надежности. А если Руби что — то хочет. Она это получает. И да, я говорила с ней об этом.

— Тем не менее, тебе все равно удалось оскорбить меня.

— Чем же?

— Говоря «Руби всегда добивается того, чего хочет», ты подразумеваешь, что я не получаю того, чего хочу, потому что не способна.

К удивлению Лоры, ее невозмутимая мать швырнула коробку с порошком на полку с такой силой. Что он перевернулся и высыпался на пол.

— Все, что я говорю о твоей сестре, не является таким же и для тебя, Лора Присцилла Карнеги. Вы два отдельных человека. Вылезь уже, наконец, из утробы.

Лора почувствовала себя сначала наказанной, затем прощенной, но только она собралась ответить на слова матери, как та продолжила.

— Я должна была быть более мягкой, когда ты росла, но я не смогу оберегать тебя как насадка всю твою жизнь. Ты теперь женщина, как и твоя сестра, и у тебя есть выбор. Вы можете быть друг с другом и быть друзьями одновременно, или вы можете порвать все связи и выяснить, кто вы на самом деле. Но вы обе не можете продолжать жить, как враги друг с другом, и все еще держаться друг за друга. Это просто привычка, и я не собираюсь больше за этим наблюдать.

Лора откинулась на спинку стула. Мама подразумевала, что у Руби есть багаж под

именем Лора? Она даже не подумала об этом, и хотела уточнить у матери, почему же Руби всегда превосходит её. Она должна была знать, или всю ночь проведет, разглядывая потолок.

— Руби тоньше и выше, — сказала Лора. — Все любят ее, и она всегда получает того парня, какого хочет. А я та, кто просто должен с этим жить и во всем поддерживать её.

— А еще ты умеешь конструировать одежду. У тебя есть способности и таланты, которых ни у кого больше нет. Ты никогда не будешь голодной, Лора. Как думаешь. С этим легко жить?

— Она может всему этому научиться. А я не стану выше. — но когда Лора это сказала, она знала, как сильно Руби пыталась научиться шить и рисовать модели. Начиная с того времени, как Лора вырезала свои модели из журналов и кончая поступление в Парсон, Руби постоянно старалась, ее догнать.

Мама покачала головой и вымыла посуду, нагромождая их на полотенце, потому что у нее не было сушильной стойки.

— Я люблю вас обеих, — сказала она как непреложный факт, прежде чем показать на вещи, которые Лора принесла в стирку. — Лучше идти до часа пик.

Мама была права, как всегда. Они вытащили посудомоечную машину к бордюру и оставили на бумажку с надписью: «Я РАБОТАЮ!». К тому времени, когда Лора вернулась со своей сумкой для белья, перекинутой через спину, и платьем «Маргарет» в другой руке, машинка исчезла.

Когда она вернулась домой, она выложила белье из сумки в шкаф и попыталась позвонить Джереми, чтобы сказать, что Т.О.П. по — все равно не найден. Как только на том конце подняли трубку в квартиру как огонь ворвалась Руби.

Лора повесила трубку, о чем сразу же пожалела.

— Руби! Разве ты не должна хотя бы подождать. Пока я разрешу войти?!

Руби, просто включила телевизор, транслировавший местные новости.

— Черт, пропустили.

— Пропустили что?

Руби переключила на Первый канал. Шелдон, окруженный полицией, с курткой поверх его сложенных рук, глядя на тротуар, выходил из таунхауса Грамерси — парка. Лора сочла это нереальным. Увидеть того, кого ты знаешь в так виде.

— Это он сделал, — сказала Руби, — и полицейские поймали его из — за нас. Разве это не круто?

— Конечно.

— Теперь. — Руби уселась напротив Лоры. — Давайте поговорим о Пьере Севьене.

— Это предложение полная чушь, — сказала Лора. — Должна быть полной чушью. Почему я привлекла чье — то внимание? Особенно, как дизайнер.

— Изабель Толедо долгое время была модельером, прежде чем получила поддержку.

— Во — первых, я давно не модельер. Во — вторых, я вовсе не Изабель Толедо. Я на неё ни капли не похожа. Я живу в двухкомнатной квартире, расположенной в полумиле ходьбы от поезда. У меня нет крутого акцента, я не знаю нужных людей, и я не знаю, как делать копии.

Руби положила ноги на кофейный столик и протянула руки над стулом.

— Дай мне отдохнуть! Я знаю правильных людей. Я дизайнер. Я работаю в офисе. Это все, что я умею делать. Ты тот, кто знает, как сделать одежду, и я не могу сделать это без тебя.

— Казалось, Руби знала, что мама рассказала Лоре о неуверенности Руби, и Руби решила использовать их в своих интересах.

— Это хреновое предложение, — ответила Лора. — Шелдон или кто — то еще попросил его поговорить со мной, чтобы я не лезла куда не надо.

— И что? У тебя есть что — то лучше?

— Джереми вернулся.

Руби выглядела так, будто её хотелось сказать столько всего, что казалось она готова взорваться. Она наклонилась вперед в кресле, и ее рот открылся, чтобы что — то сказать, но вместо этого она выбежала, хлопнув дверью.

На следующее утро Лора вошла в мастерскую около девяти часов. Стол Кармеллы был пуст, но Тиффани стояла у пенопластовых досок, что — то яростно прикалывая. Чили с непринуждённым видом каталась на ножке стула, колебания ее туловища были такими резкими и казались такими сильными, что ощущение от этих движений было таким, как будто она вот — вот упадет на пол, вместе со стулом.

За столом Лоры, где никого не должно было быть, стоял Джереми, вкалывая рукав в пройму. Она стояла и наблюдала, как он выкладывал кусочек за кусочком, вдоль линии шва детали. Он поднял глаза и увидел ее и улыбнулся.

— Карнеги, подойди сюда и помоги мне. У нас показ в пятницу.

Она уронила свою сумку и пальто и направилась к нему.

— Где Кармелла? — спросила Лора.

— Ты слишком занят, чтобы беспокоиться об этом, — Лора, продолжала смотреть на него с изумлением, произнося эти слова.

Он указал на стойку позади него, которая была заполнена образцами и узорами.

— Если ты закончишь это вовремя, мы пойдем на обед в пятницу, — без тени смущения ответил Джереми.

— А если нет?

— Ты по — прежнему будешь обедать, но я буду ужасной компанией.

Лора не знала, как ответить. Она почувствовала, как ее лицо вспыхнуло, словно она стояла у раскаленного огня, и улыбка намертво пробилась к щекам. Она уставилась на образец, но ничего перед собой не видела кроме его лица. Он слегка сдвинул рукав, но её было все равно.

— Надеюсь, ты отведешь меня в какое —нибудь милое место, — сказала она, пытаясь сдержать голос.

— Сейчас я зарабатываю кучу денег, и я не хожу в места ниже четырех звезд.

— Естественно. Установка через час.

Его кончики пальцев сжали ее руку, прежде чем он подошел к Тиффани, чтобы проверить раскладки. Это было похоже на электричество. Она смотрела, как он ходит рядом с другими, с еще большей тоской. Он был ее, по крайней мере, на этой неделе, по крайней мере, до обеда, пока она не испачкает чем —нибудь свою рубашку или юбку, пока будет нести несуразную чепуху. На этой неделе она идет на свидание с Джереми Сент-Джеймсом.

Все шло хорошо, пока она не приступила к работе над «Девон». В голове снова зазвучал мамин голос, говорящий, что он использовал Грейси из — за её денег в течение девяти лет.

Возможно ли, что он боится, что она уедет, и пытается удержать её до шоу? Или что — то еще хуже? Может быть, стоит на свидании прояснить это? Но какие вопросы стоит задать? Может быть, свидание было лишь проявлением лояльности, чтобы заставить её перестать задавать не нужные вопросы? Сомнения грызли ее, и каждый раз, когда она пыталась заткнуть их, глядя на него, становилось ещё хуже.

Началась примерка, и модели начали сновать вокруг Джереми с пацелуями и объятиями, спрашивая о времени, проведенном в тюрьме. Они были намного красивее, и теперь все знали, что он свободный натурал. Но почему он смотрел на нее и закатывал глаза?

Почему обращает на неё внимание среди всех этих женщин? Пока она прикалывала, заправляла, делала заметки, все больше убеждалась, что все это ложь, и у Джереми есть скрытые мотивы. Ему пришлось задержаться на долго около Томасины Венте, чтобы Лора постояла рядом и послушала, как та расспрашивала его об убийстве. А потом Лора оказалась без работы и без Джереми, читая статью о его помолвке с наследницей немецкой супермодели в американском журнале.

— Эй, — возмутилась Ноэ, когда Лора слишком сильно затянула корсет на талии. — Если меня обтягивает, значит, обтягивает полностью.

— Прости.

— Да все нормально, — ответила Ноэ. — Ты меняешь боссов как перчатки, а? Сумасшедшее время. — Лора взглянула на Джереми, поправляющего юбку на Томасине. Чувствовал ли он её тепло? Он наслаждался ли собой? Ей вдруг захотелось, чтобы он снова был геєм.

— Кармелла тоже ушла. — Рассеяно добавила Лора. — Блин, ты же не станешь плакать.

— Я никогда не плачу. — Она покачала головой и подняла руку, Позволяя Лоре поработать над проймой. — Разве что сейчас... Грейси. Как же это тяжело, быть убитой человеком, который должен тебя любить. — Лора сразу подумала о Джереми, прежде чем поняла, что Ноэ говорит о Шелдон е.

К тому времени, когда примерка закончилась, вечер уже закрадывался за край неба.

Одетые модели гоготали в углу. Лора и Тиффани развесили порезанные и сколотые образцы, пытаясь сохранить их в порядке очередности. Их было недостаточно. Джереми придется поднапрячься и сделать коллекцию из матового трикотажа. В противном случае, показ будет очень коротким. А это мало освещения в СМИ. Мало обсуждений.

Плохая оценка от критиков.

Тем не менее, тот факт, что у них в запасе есть еще неделя, и работников было достаточно, чтобы они дожили до пятницы. Лора сделала список исправлений и спланировала, как все сделать вовремя.

Зажужжало сообщение от Рене. Кто — то хотел ее увидеть.

В холе её ждал Стью, без пакета, с простой сложенной бумажкой в руке, затянутой в перчатку. На нем были нелепые брюки — байкеры и плотная оранжевая рубашка, на которой яркими большими буквами было написано «Кетчум». Он жестом пригласил ее сесть на один из коричневых кожаных диванов. Стью никогда не сидел. У него не было времени.

— Ты в порядке? — спросила Лора, стараясь не смотреть на «ослепительную» рубашку.

— Меня могут уволить за это, но мне плевать. — Он показал ей бумажку. Она проверила квитанцию. Это была доставка платья «Марди» с завода 40-й улицы до 1410 Бродвея, подписанного ГрейсиПомеранц. Но не только это вызывало вопросы. Вместе с платьем была заказана доставка двадцати пяти предметов одежды, с номерами, которые она никогда не видела.

— Знаешь, что это значит? — спросила она. — Грейси и Джереми смотрели платье вместе здесь, в ту ночь.

— Да, платье было отправлено сюда. Но согласно этой записи, Грейси позвонила и перенаправила двадцать пять предметов одежды. Это изначальное место в Бруклине, а она отправила их в парк Грамерси.

Стью разрешил ей оставить квитанцию у себя, настолько он презирал своего работодателя, и ушел дальше выполнять заказы на корпоративной машине.

С лекалом в одной руке, карандашом в другой и телефоном, зажатым между ухом и плечом, Лора звонила детективу Канингеми..

— Где ты? — спросил он.

— На работе.

— Я думал, что тебя сократили.

Она вздохнула.

— Джереми вернулся, так что я здесь, что заставит тебя думать, что мы с ним спим или что — то еще, верно?

— Поскольку твой босс не является больше подозреваемым, то мне все равно, что вы с ним делаете.

— Я достала квитанцию о доставке Т.О.П.—а.

— И как выглядит подрубочный шов?

— Знаешь, ты должен делать планку по выходным.

— Откуда ты знаешь, что я не делаю?

— Он был доставлен с вешалкой из двадцати пяти предметов одежды, которые я даже не знаю, что из себя представляют.

— Правда? — Она почувствовала, что ему наконец стало интересно её слушать, а не только упражняться в остроумии. — И они в офисе?

— Нет, здесь ничего нет. Я гарантирую, когда идет подготовка к шоу, каждый угол забит.

Их негде спрятать.

— Двадцать пять, говоришь?

Она посмотрела на квитанцию.

— Пять “S”, двенадцать “M”, восемь “L”. Что странно, потому что наши клиенты средней комплекции, и нам не нужно много «L».

Она никогда не слышала так много слов в детективном романе с детективом Канингеми.

И даже когда она остановилась, на другом конце была тишина. «Алле?» — только хотела взяться за обвинение или еще одну просьбу зайти и посмотреть видеозаписи.

— Ты можешь узнать фальшивку по внешнему виду? — спросил он.

— Доллар, нет. Куртка, вероятнее всего да.

— Мне нужно, чтобы ты встретила со мной в доме Померанцев. Но никому ничего не говори.

— Даже Джереми? — тихо в трубку спросила Лора.

— Давай позволим отделу фальшивок немножко поработать?

— А чем занимается реальная полиция? — уточнила Лора.

— В отличие от них мы занимаемся реальными преступлениями, а не поддельными. — сказал он. — Ты сможешь быть в парке Грамерси через полчаса?

У Лоры не было времени ехать к дому Померанцев. У нее была куча работы и шоу через четыре дня. Но тайна встречи заинтриговала ее и желание выяснить, что за скелеты, супер — богачи держали в своем шкафу, было слишком велико.

Поэтому она согласилась встретиться с Канингеми в таунхаусе в Грамерси — парке в восемь вечера, если он заплатил за поездку на такси туда и обратно. Он сделал комментарий о переходе по всему городу на копейку налогоплательщика, а Лора парировала тем, чтобы была совершенно свободна для прогулки, если бы он изначально задержал того

подозреваемого. Затем она повесила трубку.

Канингеми стоял на крыльце Померанцев с аккуратной женщиной, чья способность стоять спокойно, даже на холоде, заставляла думать, что она мертва. У неё был длинный прямой конский хвост, который держался на каком — то геле или муссе, и меховые наушники. Одета она была в неопишимо консервативное платье. Она стояла, обхватив себя руками, и смотрела на каменную кладку верхних этажей.

— Лора Карнеги, — сказала Канингеми, — это Дана Бьюкенен из отдела борьбы с контрафактом.

Сузившиеся глаза Бьюкенен, сказали Лоре, как она относится к ехидным замечаниям коллеги.

— Может уже пойдем? — спросила она.

Канингеми вытащил ключ с толстой этикеткой и сломал печать на двери.

В доме было все, что как казалось Лоре, должно быть у богатой пары. И это не имело ничего общего с дорогой мебелью в стиле боз — арт, золотыми и бордовыми полосатыми обоями, приборами из нержавеющей стали или гранитными столешницами. Даже инкрустированные фрески, мраморные полы и мозаики в столовой не были самой большой подсказкой.

Углы были чистыми. Безупречно чистыми. Не было ни одной неуместной книги. Куртки или чашки. Было чувство, что хоть в доме и жили, но за минуту до их прихода, кто — то пришел и стер все следы присутствия человека. Со стороны могло показаться, что дом совершенно пуст.

— Думаю, подарю им пару крошечных кроликов на Рождество, — сказала Лора.

Бьюкенен и Канингеми, похоже, уже бывали здесь. Они прошли через прекрасно ухоженные коридоры и комнаты, и спустились на два пролета вниз по коридору.

— Седьмая спальня, — сказала Бьюкенен без всякой иронии.

Лора открыла дверь в огромную комнату, большую, как мастерская, уставленную полками и стойками. Обувь. Куртки. Платья. Одно свадебное платье, чей белый шелковый шейф тянулся в центр комнаты.

— Это ее гардеробная, — сказала Лора, заявив очевидную, невероятную правду. У женщины был шкаф с тремя обделанными кедром стенками, выступающими в центр комнаты. У каждой стены были стойки с обеих сторон. Архитектор или дизайнер, или кто — то, кто спроектировал это, справился с работой просто блестяще, потому, что стены были помещены асимметрично к окнам, но не мешали взору, но увеличивали естественный свет, рассеивая его, чтобы сохранить цвета от выгорания. Каждый угол и поверхность сияли чистой, бессознательной чистотой.

Лора коснулась одежды, когда она проходила мимо, ее пальцы окунулись в многообразие шелка, шерсти, хлопка, а в глазах рябило от дизайнеров. The Row. Dior. Chanel.

Модернисты: Марк Джейкобс, Баленсиага, Red Velvet. Перешитый Родарт. Все было разное, но Грейсиумела день ото дня сочетать их с завидным изяществом.

— Сюда. — Канингеми указал на стойку с грязно — рыжими куртками. Двадцать пять, ни дать, ни взять.

Они были все одинаковыми, и Лора сразу узнала их.

— Это куртка «Тереза». — Она сняла одну с кронштейна. — Это была первая модель для производства, над которой я работала.

— Это не Джереми Сент — Джеймс, — сказала Дана. — Нет ярлыка.

— Раньше у него не было ярлыка. Смотрите. — Лора указала на маленький французский узелок на углу лацкана. Он был в тон куртке, размером не больше макового зернышка. — Этот узелок делался только для вас. Джереми говорил, что, если одежда сидит на вас идеально, ярлыки не нужны. В первые годы он был анти — лейблом. Один узел для «S» размеров. Два узла для «M». Три для «L». Это было бы плохой идеей, потому что клиенты по незнанию срезали узлы, считая их ошибками производства.

— Пуговиц нет. — Бьюкенен откинула переднюю полочку, чтобы показать четыре ниточных петли для потайных пуговиц.

Лорapolностью распахнула куртку, чтобы посмотреть есть ли этикетка по уходу.

— Это подделка. — произнесла Лора внимательно рассматривая распахнутую куртку.

Бьюкенен посмотрела через плечо, чтобы увидеть большую черную атласную этикетку, подробно рассказывающую об уходе за вещью,вшитую с левой стороны.

— Полностью уверена. — произнесла она.

Канингеми пожал плечами.

— Хорошо, теперь мне объясните.

— Материалы Джереми сделаны в США, поэтому ему не нужен такой длинный ярлык.

Бьюкенен, чтобы не быть превзойденной, добавила слегка ироничным тоном.

— Он использует хлопчатобумажную саржевую этикетку и вышивает на ней инструкцию атласными нитками.

— Йони говорит, что эти ярлыки стоят целое состояние, а их никто даже не видит, — добавила Лора.

— Значит, это...? — Канингеми так и не закончил вопрос.

— Подделка, — сказала Лора.

— Подделка, — добавила Бьюкенен.

— В шкафу ГрейсиПомеранц? — спросил Канингеми. — Что за чертовщина? Она подделывала свои собственные коллекции? Так что ли?

— Нет, — ответила Лора. — Не Грейси. Онабы никогда не стала этого делать.

Лора сняла свое пальто и надела рыжую куртку. Та идеально села в плечах и спине, точно так же, как и оригинальная «Тереза». Но когда она посмотрела на себя в зеркало, то заметила, малюсенькую дырочку в шве на спине и указала на неё.

— Точно не настоящее. Расползающийся шов? Плохая обработка? Мы бы никогда не выпустили такое на продажу.

— Итак... — сказал Канингеми. — Если не Грейси, Шелдон?

— Он был тем, кто хотел запустить более дешевую линию, — сказала Лора. — Возможно, он уже делал это, и Грейси поймала его.

— Значит, он убил ее, — добавил Канингеми.

Лора обернулась, чтобы взглянуть на кронштейн. Этикетка с предварительно напечатанным именем магазина, гласила: «1099 долларов».

— «Centennial's», и треть реальной цены.

— Магазин в Бруклине? — спросил Канингеми, пока Бьюкенен что — то записывала в своем блокноте.

— Сейчас они на северо — востоке, — объяснила Лора. — И огромный онлайн — бизнес.

— Я вырос в том районе, — задумчиво произнес Канингеми.

Бьюкенен закрыла блокнот.

— Хорошо, мы возьмем их под стражу. — Она посмотрела на квитанцию от «Кетчума». — Вам знаком этот адрес?

Лора наклонилась, чтобы посмотреть. Это была фабрика Джереми на 40-й улице.

Лоре следовало бы успокоиться, но она не могла. Несомненно, поддельная «Тереза» была сшита по её лекалам, и это беспокоило ее. Эфраим, устроившийся к ним только год назад, не имел доступа к производственному образцу, поскольку они уничтожились для предотвращения краж. Единственным образцом, существующим для снятия лекал, хранился в кладовке.

Когда она вернулась в офис, не поздоровавшись ни с кем, она направилась прямо к шкафу. Протискиваясь мимо прошлых сезонов, мимо моделей «Тони», мимо всех любимых и нелюбимых моделей, вернуться на пять лет назад. В то время, когда началась её тяжелая болезнь под названием «Джереми». Подойдя к задней стене с грязным окном, через которое с трудом можно было разглядеть ночной небо, зато можно было вдоволь насладиться сквозняками, девушка склонилась над стеллажом.

Там повесили куртку «Тереза» согласно дате её выхода. Ручной образец был синим, но выпускался и в грязно — рыжем цвете. Образец ткани, тот же самый, что и использовался пять лет назад, должен был висеть тут же, на вешалке вместе с лекалами. Но на вешалке ничего не было.

Ее лекала пропали.

Как обычно, в семь тридцать, Руби все еще была в пижаме, но Лора, проведшая в раздумьях всю ночь, не могла ждать и минуты, чтобы поговорить. У нее было всего десять минут, пока Майкл был в душе, потому что Лора не хотела говорить при нем. Она выпалила историю о подделке, уклонилась от вопросов Руби о том, как выглядел дом, а затем набросилась со шквалом вопросов, которые только подтвердили предположение, что её сестру заботят подделки так же, как и саму Лору дожди к западу от Нью — Джерси.

— Тебе нужно надеть что —нибудь сногшибательное в пятницу, — сказала Руби, кружась по кухне и делая кофе.

— Меня сейчас это не сильно волнует.

— Ты ждала этого свидания пять лет, и не можешь оторваться, чтобы купить новые джинсы или что — то в этом роде? Ты вообще хочешь быть с ним или нет?

— Ничего не будет. — Дверь в ванную со скрипом открылась, и Лора в панике сменила тему. Если бы Майкл узнал о Джереми, она умерла от позора.

— Я не знаю, что делать с подделками. Спросить у Джереми? Я имею в виду, что, если все, те, кто был замешан в этом, либо в тюрьме, либо на том свете, это уже не имеет значения.

— Все? Откуда ты знаешь, кто участвовал? Seriously, даже тебя стоит подозревать, если так подумать. Они используют твои лекала.

Майкл вышел из ванной в галстуке, с мокрыми волосами, выбритый и обрызганный таким количеством одеколona, что у Лоры запершило в горле. Он пробормотал привет своей будущей жене и налил себе чашку кофе.

— Что привело тебя сюда? — спросил он Лору. — Она не собирается больше тратить на дорожные обеды.

— Доброе утро тебе тоже. — съязвила Лора.

— Она больше не может платить за свадебное платье и обед из трех блюд в «Грот». Это слишком дорого. — с раздражением в голосе сказал Майкл.

— У нас не было закусок, и мы разделили десерт.

— Если ты голодна, у нас холодильник забит едой. — Он повернулся к ней спиной, дав им понять, что разговор окончен.

Руби стояла за спиной Майкла и кривлялась как в детстве, маша руками. Когда он оглянулся, она обняла его за плечи и поцеловала его в щеку.

— Разве он не мил? — спросила она.

— Просто смотрю в наше будущее, сладенькая.

Лоре пришлось уйти, прежде чем её бы вырвало.

Но Руби подала ей идею, которая кружилась в её голове до обеда. Ей нужно закончить со всем к завтрашнему дню, или у неё не останется времени дошивать образцы для пятничного показа. Но как только она закончит, что мешает ей отследить подделки? Это у неё украли. Это её узоры, её талант.

По мере того, как день подбирался к ночи, она становилась более честной с собой. Ей все равно, что кто — то украл ее работу, и это не была причиной того, что она хотела найти поддельные куртки JSJ. То как полиция поняла, что Шелдон убил Грейси, было слишком легко и просто, и где — то, в этой паутине недосказанности, была спрятана истина.

Она должна была признаться самой себе в том, что истинная причина её метаний состояла в том, что она хотела убедить себя, что Грейси использовала Джереми так же, как и он её. Ей нужно было очернить память покойной, потому что иначе, мама была права на счет Джереми.

Она посмотрела в окно кофейни через улицу. Голова Руби торчала из — за её Мас — а. Лора позвонила ей, наблюдая, как сестра переходит улицу.

— Майкл умрет от негодования, — сказала Лора.

— Я уже к этому привыкла.

— Этикетки были из «Centennial». А квитанция была для Бруклинского магазина.

Повисла пауза, и Лора услышала щелчок мышки Руби.

— Это все одна сеть, — сказала она.

Затем, как выстрел в жестяную банку, раздался звук чего — то рушившегося со стороны выставочного зала. Все оторвали головы от работы.

— Что это было? — спросила Руби. — Я не знаю, это из телефона или через дорогу.

— Мать вашу! — крик Андре доносился через две комнаты и коридор. Он орал, как будто, ему заколачивали палец коробкой с бритвами. — Как это возможно? Дай ему трубку! — Она услышала бормотание, а затем: — Вы собираетесь делать эту работу или нет?

— Я встречу тебя на улице. — сказала Лора Руби, и вставила шнур зарядки обратно в телефон, а затем выскользнула, прежде чем вновь застать истерику Андре.

По дороге она увидела Рене, которая сидела достаточно близко к выставочным залам, чтобы все слышать. Ее глаза были широко открыты, а кожа выглядела немного натянутой на скулах.

Лора спросила:

— Что случилось?

Рене подняла четыре пальца, сделала знак «0», затем потянула его через горло, прежде чем указывать пальцем в сторону голоса Андре. И оглянувшись, покрутила пальцем у виска, указывая на соседнюю дверь.

Лора кивнула и вышла.

Руби она встретила на 38-й. Снег растаял до влажного месива, с хрустящей солью под ногами. В дверных проемах, по краям зданий и внутри бордюров, куда не доходил поток спешной оттепели, собирался серый осадок, бросая вызов шансам и напоминая всем, что все еще достаточно холодно. Влажность стояла и в воздухе, как обратная сила тяжести, раздутая такси, разбрызгивающими лужи на тротуар. Крышки тепловых люков выплевывали конденсат с труб. Капали и капали сосульки с крыш тридцатиэтажных домов. Эта погода была чем — то вроде прощания, которое говорило, что больше не будет снега, а только случайный ледяной дождь, а потом теплая неделя в марте, и возвращение к горькому холоду, как предшественнику нежного весеннего танца.

Руби стояла в берете, подходящем шарфе и кожаных сапогах с трехдюймовыми каблуками. Ее улыбка была совершенно белой и ровной, и в первый раз Лора подумала о том, что Руби искала работу до тех пор, пока не нашла, в то время как Лора боялась что-то менять. В этот момент она действительно заужала Руби.

— Что происходит у вас на работе?

— Завод 40-й улицы был закрыт, и Андре, вероятно, беспокоился о своих поручениях.

Они спустились в метро и, когда они добрались до южной ветки «R», Руби предложила.

— Давай прогуляемся до 86-ой.

Лора знала, что она имела в виду 86-ю улицу в Бруклине, и что сегодня вечером она не вернется на работу.

В метро, Лора смотрела на свое отражение в окнах вагона и проносящихся мимо подсветках шахт метрополитена и думала только о Джереми. Как её вести себя рядом с ним? Что она наденет? Что она скажет, когда они, наконец, останутся вместе? Она хотела показать своё лучшее «я», но жутко боялась, что в самый неподходящий момент начнет хихикать, шутки будут доходить до неё как до жирафа. Из — за нервов она продумывала каждый момент их свидания, что только больше накручивала её. Она оделась так. Он открыл перед ней дверь таким образом. Он не сделал это. Он сказал её это. Она ответила ему так. Он поцеловал ее в конце ночи. Она упала в его объятия. Но неизменно, он, опровергая все сомнения в том, что он просто использует её, неловко признавался в любви. В конце концов, это была лишь её фантазия.

— Что ты улыбаешься? — спросила Руби.

— Ничего.

— Нам выходить.

В Южном Бруклине Лора чувствовала себя как на другой планете. Руби копалась в мобильном телефоне, набирая адрес. В Манхэттене им никогда не нужно было пользоваться картой. Карта указала им на перекресток, сделав линии проспектов более осмысленными для них.

— Нам туда, — сказала Руби. Они двинулись по 86-й улице.

Погода не изменилась, но в Бруклине здания были ниже, тротуары менее переполнены, а на улице было меньше автомобилей. Кроме того, их ожидания были разными. Хотя они бывали на Кони — Айленде, когда они были детьми, и на залив Шепсхед ездили за нечетным количеством запеченных блюд из моллюсков, и мама однажды брала их на Фаэр — Айленд и Монтаук, но это были дневные прогулки, требующие подготовки и времени. Они никогда не были так далеко после работы, и, хотя мир не выглядел иначе, все было по — другому. Где в Манхэттене был АвтоЗон? Или даже автозаправки? А здесь были всевозможные места для ухода за машиной. И серое небо было видно с земли.

Неплохая сделка, если вы не прочь провести два часа в день в туннеле.

— Я была бы не прочь жить здесь, — сказала Лора. — У нас был помощник, который когда-то жил в Сансет — парке. Отсюда, я думаю, около мили.

— Ты серьезно? — спросила Руби.

— Да. Тут спокойно. — Городской автобус пронесся мимо, разбрызгивая воду из подмороженных луж.

— Одно свидание, которое еще даже не случилось, а ты уже собралась селиться в пригороде.

— Да заткнись.

Когда они повернули за угол, перед ними выросли два квартала дизайнерского шопинг-центра «Centennial». Они обогнули еще два угла и обнаружили два входа в магазин, оба из которых выходили на 87-ю улицу.

— Мне кажется это плохая идея, — сказала Лора.

— Мы должны найти что — нибудь, что ты наденешь в пятницу.

— И, может быть, мы сможем найти тебе свадебное платье, — ответила Лора.

— «Кэтти» тебя не устраивает. — Руби потащила сестру через улицу.

Руби, не растрачивая возможность пополнить свой шкаф, схватил в охапку хороших, надежных американских дизайнеров — «Marc», «Vera», «Todd» — а Лора искала вещи Джереми. Они проверяли везде. Магазин был огромен, и их поиск занял более часа. По всем правилам они не должны были ничего найти. Джереми уничтожил испорченную продукцию, а не отвёз её в аутлет.

Но они нашли стойку нужных вещей на третьем этаже в отделе дорогих брендов.

Руби выбрала пару красных капри с оборками на штанинах. Они выглядели прекрасно.

Лора схватила их. Коричневая подкладка была полностью из сатина вместо шелка. В любом случае, это была прекрасная подделка. Лора вытащила из кармана распариватель.

— Что ты делаешь? — спросила Руби.

— Встань, сюда, прикрой меня. — Лора принялась распаривать шов между ног.

— Лора! Они триста долларов!

Но Лора не успокоилась, пока шов не был полностью распорот.

— Смотри. — девушка протянула его Руби. Она уложила края шва между своими указательными пальцами, чтобы показать крошечные надрезы на ткани. Они были длинной лишь ноль два миллиметра на почти двадцати сантиметровом шве. — Выемка.

На заднем полотнище есть три надреза. Это мои надрезы. Я единственная, кого знаю, кто ставит три надреза.

— Значит, это ваш образец?

Лора кивнула.

— И сделан на нашей фабрике, потому что никто не знает, как использовать все три, но смотри, они совпадают, а, следовательно, тот, кто собирал, эти изделие знает о них. — Рубин выглядела слегка озадаченной. — Знаешь это ощущение, когда в брюках чувствуешь, что они слегка перекашиваются в ногах? Проблема в промежности, а не на бедрах. Потому что машина с двойной иглой, когда она идет по ткани, захватывает чуть больше слева. Поэтому третья метка должна соответствовать ткани, чтобы оператор машины был уверен, что не захватит слишком много.

— Я не понимаю. Но ты говоришь, что это твой образец?

— Да.

Лора заметила, как Руби что — то заметила в проходе между кронштейнами, и выражение её лица резко поменялось. Девушка проследила за её взглядом и обомлела.

В пяти метрах от них деловито разговаривая по телефону, прошла Кармелла. По её уверенной походке можно было сказать. Что она как минимум владеет этим местом.

— Серьезно? — Лора вытянула шею. — Что она здесь делает?

На плече у бывшего дизайнера Сент — Джеймс болталась сумка для покупок с предыдущего места работы. С кем она разговаривала? Может быть с Марио. О чем?

Может быть, о какой — то линии, которую она начинала, или о работе, которую ей нужно было сделать. Но Лора больше интересовала сумка. Кармелла закончила разговор, положила телефон в карман и направилась к одной из дверей с надписью «Только для персонала».

— Она не... — начала было Руби.

— Она, — сказала Лора. — Но не с этой сумкой.

Лора выхватила у Руби вешалки с вещами и кинулась бежать. Копна одежды развивалась у неё за спиной как плащ. Она знала, куда идет, но понятия не имела, что нужно говорить.

Лора налетела на Кармеллу как астероид. Кармелла, ослепленная, ошеломленная,

растянулась на полу. Лора плохо сымитировав несчастный случай, уронила сумку Руби, предварительно перекинув её через свою голову и высыпав все содержимое. Сумку от Сент — Джеймс, кстати. Из лимитированной коллекции.

— Лора! — закричала Кармелла, когда ей помогли подняться три покупателя. — Что ты делаешь?

Вокруг начали собираться люди. «Что, черт возьми, вы делаете?» — сказал парень с ребенком и корзиной наперевес; «Если вам нужен свидетель, я все видела» — добавила русская в норковом манто. «Вот что случается, когда разговариваешь по телефону во время ходьбы» — вставила столетняя старуха с огромным ожерельем из камней на шее.

Лора покачала, головой со сторону в сторону разыгрывая головокружение. Но чувствовала себя прекрасно. У неё спросили все ли в порядке, и она заверила всех, что все хорошо, а потом обратилась в Кармелле с там же вопросом.

— Все в порядке, — объявила Кармелла. — Я знаю ее. У неё такой способ здороваться.

При этом Лора, продолжая симулировать головокружение, наступила, на сумку для покупок от Сент — Джеймс, порвав её. Парень, откинув корзину в сторону, балансируя с ребенком на одной руке, которому казалось все детской игрой, попытался её схватить. Это добавило натуральности её головокружению, хотя она искренне переживала за ребенка. В итоге сумка была порвана. А пол усыпали полдюжины искрящихся кнопок Джереми Сент — Джеймс.

Тех самых кнопок, что искал Андре. Тех самых, что были от «Блумингдейла». Как они оказались в «Centennial»? Да еще и у Кармеллы?

Лора сделала вид, что снова теряет равновесие от головокружения, заваливаясь на россиянку, которая отступила в сторону, позволяя девушке болезненно приложиться об пол. Кармелла ползала по полу за укатившимися кнопками. Наконец подбежавшая к ним Руби стала помогать её с этим, не преминув спрятать пару в свой карма. Да благослови Бог её красивую, костлявую самоуверенную задницу.

Лора услышала, как пожилая женщина с ожерельем предложила вызвать охрану, чтобы довести её до медицинского пункта. Контроль над ситуацией быстро таял. Её нужно было попасть в комнату, куда направлялась Кармелла, а не в настоящий медицинский пункт с аптечкой и охранником.

— О боже, — вскрикнула она, держась за живот. — Меня сейчас вырвет.

Русская в норковом манто и её подруга расступились и исчезли между кронштейнов.

Старушка в ожерелье и вовсе выглядела удивленной. А парень с ребенком предложил посмотреть, нет ли туалета за дверью с надписью «Только для персонала».

— Нет! — вскрикнула Кармелла. — В туалет ведет другой путь!

Но Лора уже на всех порах неслась к заветной двери. Руби и Кармелла последовали за ней, продираясь через ряды вешалок и толпу покупателей.

Лора ударилась в металлическую перегородку и чуть не снесла женщину в розовой униформе «Centennial».

Не обратив на это внимание, она понеслась вдоль каменных стен, замечаний работников, встречающихся у неё на пути и фонтанчиков для питья. За одной из дверей она услышала шум швейных машин, и не раздумывая толкнула её. Теперь стало слышно и шипение утюгов. Лора оказалась перед еще одной дверью с кодовым замком над ручкой. Она остановилась. У нее не было доказательств, но звуки, исходящие из — за двери, правоту её убеждений. За этой дверью притаился цех по пришиванию к дешевым товарам этикеток

дорогих марок.

Она должна была все выяснить. Догнавшие Лору наконец, Кармелла, Руби и женщина-охранник, обнаружили её прислонившейся к этой самой злосчастной двери.

— Лора? — спросила Руби.

— Лора! — прикрикнула Кармелла.

— Мэм, — сказала охранница.

Лора вцепилась в торчащий из стены шуруп. Кто — то должен же был выйти из этой двери, в туалет или покурить, и она могла бы проскочить, если подождет здесь.

— Это ты, Кармелла. Вы пошли в офис в ночь вечеринки, потому что вам нужны эти кнопки. Ты подделывал вещи Джереми. И именно поэтому ты и Марио избili меня, а не потому что, я приблизилась к убийце. Для чего все это? Для своей собственной линии?

Для аренды лофта? Или еще для какой —нибудь лжи? Кармелла, мне все равно. Я все понимаю. Я просто хочу знать, как ты попал в кладовку, и украла мои лекала.

— Лучше оставь все как есть, чтобы спокойно спать по ночам. — Сказала Кармелла.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Лора.

— Покупки.

Охранник потянула Лору к выходу, пытаясь отцепить ту от стены. Что было не так уж просто.

— Пойдемте, мэм, — сказала женщина, и Лора поняла, что все закончилось. Она ничего не доказала и только выставила себя душой. Лора отошла от стены, готовая к тому, чтобы ее увезли куда угодно. Внезапно Руби, которая до этого времени молчала, бросилась к двери и принялась колотить в неё откинув голову.

Наверное, где — то в Китае воскресли мертвые.

Охранник кинулась оттащить Руби от двери, но было уже поздно. Шум привлек внимание кого — то за дверью, и она открылась. За ней стояла невысокая, пухлая женщина с браслетом для булавок на запястье и перекинутой через локоть курткой «Тереза».

Позади неё начинался небольшой швейный цех.

— Que tal? (Что случилось? *(исп.)*) — испуганно спросила женщина.

Леди из службы безопасности оттащила Руби от двери с словами:

— Здесь нет ничего интересного. — Обратившись к Лоре, она сказала: — Мы звоним в полицию. — Руби и Лора позволили себя увести, ведь именно полиция была именно тем местом, куда они хотели сами направиться.

— Где ты? — раздраженно спросил Канингеми по сотовому.

Лора почти слышала, как он закатывает глаза.

— Я в 68-м участке. У меня нет номера отдела контрафакта, но я уверена, что детектив Бьюкенен будет рада услышать об этом.

— У нее был ордер на «Centennial», который мы, полицейские, должны были предъявить, прежде чем ломать двери.

— Пожалуйста, — сказала Лора, расстроившись. Она совсем не помогала.

— Сегодня ты читаешь в газетах, что Шелдон отрицает, что он убил Грейси. И парень в грузовом лифте, как его зовут?

— Олли?

— Оливеро, да. Он не узнал нашего человека. Так что Шелдон не мог подняться этим путем тем утром.

— Покажи ему мою фотографию.

— Зачем? Ты наконец — то решила признаться, что ты — убийца? Это облегчило бы мою жизнь.

— Я только однажды пользовалась грузовым лифтом. И, предположительно, Шелдон использовал его только один раз. Если Олли не помнит меня, значит, это просто означает, что он, вероятно, не запоминает тех, кого не видел много раз.

Повисло молчание, нарушаемое только хлюпающим шмыганьем Руби, которая закапывала капли в нос.

— А ты хороша, — сказал Канингеми. — Знаешь, если бы я не был занят, а ты не крутила с Сент — Джеймсом...

— Ты все равно был бы занозой в одном месте, — закончила Лора. — Мне нужно идти. — Она повесила трубку, не попрощавшись, что, вероятно, заставило Канингеми почувствовать, что он сказал что — то глупое.

Лора подтолкнула Руби локтем, но та никак не отреагировала.

— Ладно, что случилось? — спросила Лора.

— Когда кто — то любит тебя, разве он не должен хотеть помочь тебе, несмотря ни на что?

Разве он не должен гордиться тобой, когда вы делаете что — то хорошее или защищает тебя, когда случается что — то плохое?

— Скорее всего, — сказала Лора. — Если все упростить.

Руби вытерла слезу рукой.

— А если однажды произойдет что — то, что — то плохое. И что, если это моя вина?

— Точнее?

— Например, скажем, я живу в пригороде, и у меня есть машина.

— У тебя даже прав нет.

— Верно, но если мы переедем в Джерси или куда — нибудь в подобный район я их получу.

И скажем, у нас есть кот.

— Мне уже не нравится это место.

— Допустим, рано утром я отвожу детей в школу и очень спешу. Тут мне под колеса бросается кот или просто бродячая кошка, но я не замечаю этого и сбиваю её.

— Кота.

— Кота. Или, пусть, окна закрыты, и дети сильно шумят, как они обычно любят это делать, я не слышу его мяуканья и опять сбиваю его. Но по дороге оказывается, что мы что — то забыли, путь домашку одного из спиногрызов, я возвращаюсь и ...

— Я поняла.

— Ок, но что случается, если я боюсь позвонить мужу и рассказать ему, что я сделала?

Даже если в том, что я сделала, не было моей вины, а даже если бы и была? Даже если я поехала с тобой, хотя он велел мне не делать этого, потому что я хочу помочь тебе. И я признаю это. Я просто любопытна. И мне нравится помогать тебе, потому что это интересно и захватывающе. Неужели это так неправильно, что я должна остаться здесь на заснеженном юге Бруклина?

А потом из Руби полилось все то, о чем Лора догадывалась из первой часть разговора.

Майк точно не будет рад услышать Руби из полицейского участка, по крайней мере не снова. Особенно из Бруклина. И у особенности не будет рад услышать её из участка в Бруклине в таком прекрасном и приподнятом настроении. В прошлый раз он пригрозил ей,

что оставит её гнить там. Хотя она сказала ему, что он арестована и просто попросила приехать забрать её. Но, с таким же успехом, она могла попросить любого соседа, который отвез бы её куда угодно или спокойно добраться на метро.

Лора чуть не лопнула от возмущения.

— Пусть катится к черту, Рубс.

Руби кивнул, но, похоже, не разделяла энтузиазма Лоры.

— Разве ты не хочешь выйти за муж? — спросила Руби.

— Я хочу выйти замуж, иметь партнера по жизни, но, знаешь не такого мудака. Свадьба, не так много значит, по правде говоря.

— Ты заставляешь меня чувствовать себя идиоткой, когда так говоришь, — сказала Руби. — Потому что, во — первых, ты подразумеваешь, что Майкл — мудака, хотя это не так, и два, это похоже на то, что ты выше желания вечеринки и прекрасного платья в особенный день. Знаешь, от такой разумной как ты, мне хочется блевать. Потому что речь идет сейчас не только о платье и вечеринке. Речь идет о том, чтобы быть замужем. Не встречаться больше не с кем, не искать парней. Просто покончить со всей своей прошлой жизнью.

Лора должна была заткнуться, и голос в её голове настоятельно советовал её это сделать, но в крови все еще бурлили адреналин после стычки с Кармеллой.

— И какая жизнь тебя ждет с парнем, который запрещает тебе шопиться.

— Шопиться? Я в полицейском участке в Южном Бруклине.

Лора пожала плечами.

— Если мы что —нибудь купим, это станет похоже на шопинг.

— Я сейчас не настроена шутить, — сказала Руби, вставая. — И это не мой босс теряет работу. Я вообще не знаю, почему меня это заботит в первую очередь. — Она забрала со стола шарф и шляпку. — Я пыталась помочь тебе, но теперь это приводит к тому, что я медленно и верно расстаюсь со своим женихом. И это уже не круто.

Она вышла, прежде чем Лора успела предложить поехать домой вместе. Когда девушка вышла из участка, сестры и след простыл.

Этим утром Лора сделала то, чего никогда не делала раньше. Прямо в пижамных штанах она побежала в газетный киоск и купила три свежих номера разных изданий, прочла их, смотря новости по телевидению.

«Centennial» был на шаг впереди всех и без контрафактных товаров. Но, несмотря на это, на фотографиях из задних комнат были кронштейны с юбками «Фиона», с весны прошлого сезона, готовые к отправке в один из их магазинов в Нью — Джерси. По словам владельца, Шонды Гровниц, которая была вытащена на допрос прямо с репетиции свадебного ужина её сына, швейный цех существовал якобы для ремонта одежды и замены ярлыков, которые могли быть вырваны покупателями. Она категорически заявила, что «Centennial» ничего противозаконного не делала, и никакого контрафактного товара не продавал, о чем свидетельствует тот факт, что рассматриваемые предметы были сделаны на 40-й улице, а не в магазине. Лейблы Сент-Джеймс были пришиты не к тем моделям, за что они извиняются.

Кармеллу вообще ни в чем не обвиняли, потому что она не сделала ничего плохого, кроме как таскала с собой кучу пуговиц, которые сама спроектировала. Хотя тридцать синих курток «Тереза» в цеху пуговиц не имели. Она не причастна ни к чему и ни к кому, прямо как ваш незаметный товарищ с женой и детьми, связанный круговой порукой с гангстерами.

Все это отвлекало её от качественной подготовки к показу и влияло на отзывы о Джереми. В офис Лора вошла, как и любой хороший фрилансер в девять часов. Джереми находился в офисе, на его лице была кислая гримаса и молча кроил из ткани «Тиффани» модели для коллекции из матовой джерси, которая ещё на прошлой неделе считалась не нужной. Джереми выглядел больным и потерянным. Лора всерьез испугалась за состояние своего будущего мужа. Она вскользь сказала привет, и молча села за свою работу, не поднимая голову до полудня.

К тому времени Джереми уже не было. Его кабинет был пуст, и в залах не было и следа его присутствия. Андре с беспокойным видом рыскал по кабинетам.

— Ты его не видела? — спросил он, когда Лора пришла рассказать ему про новый код на двери подсобки.

— Нет. Может быть, на обеде или на площадке для показа?

Андре ушел, постукивая по мобильному телефону. Через пять минут он вернулся, надутый как индюк.

— Ты работала над матовым джерси? — Он принялся копошиться на её вешалке. Было ощущение, что он копается в ящике с её нижним бельем.

— Трикотажа — это к Тони. — Она вернулась к своим лекалам.

Не обращая внимания, он целеустремленно подошел к стойке Тони, покопался среди образцов, найдя нужные, повертел их в руках.

— Тебе стоит подождать, пока он не вернется с обеда.

— Здесь четыре. Должно быть пять.

— О, что — то пошло не по твоему божественному плану?

— Я не обязан отвечать на твои вопросы.

У нее не было времени на эту словесную перепалку.

— Загляни в коробку под столом. Там он держит вещи, с которыми не закончил.

Андре вытащил сколотый образец и нескорректированное лекало.

— Он должен закончить это до шоу, — сказала Лора, но Андре уже и след простыл.

Переживая, что Джереми слишком рано пытаются убрать, она последовала за Андре в коридор.

Ноэ, которая должна была быть занята на этой неделе на других примерках или бодро вышагивать по подиуму в Центральном парке, как ни в чем не бывало, шла по коридору.

Выглядела она при этом как самый обычный человек. Поравнявшись с Андре, она что — то прошептала ему на ухо. И дальше по коридору они пошли вместе, не переставая негромко переговариваться.

В ночь со среды на четверг Лора отправилась домой примерно в десять вечера. Утром в четверг у неё было только пара часов, перед тем как отправиться на крытую площадку для показов, чтобы на финальной репетиции сделать последние подрезы — подгонки.

Прошлым вечером, прогон прошел неплохо, за исключением того, что Ноэ споткнулась, к нескрываемому удовольствию других моделей. Она казалась раздраженной и задумчивой, хотя и пыталась скрыть это под маской доброжелательности и оптимизма.

Платье «Аманда» по — прежнему участвовало в показе, но то, как гаитянка прошла в нем, оставляло желать лучшего. В итоге, в конце дня Джереми сказал Лоре, что это не ее вина.

— Я отправлю её обратно к отцу на Гаити, если она пройдет так же в пятницу.

Джереми показался Лоре обеспокоенным чем — то, как будто больным. Его глаза были слегка мутными, а во время прогона он то и дело давился кашлем и хрипом, чего с ним никогда до этого не происходило. Не то, чтобы Лору отталкивала его болезнь, скорее она переживала, не заболел ли он. А Ноэ, шлейф от «Аманды» и возможно что — то еще.

— У неё что — то случилось, не так ли? Она должна выступить на шоу. Это платье не подойдет ни одной из других девушек. Вообще ни одной.

— Что у нее на стойке?

— Кроме платья «Аманда»? Кардиган «Карен» с брюками «Софи». Платье «Ханна», и не могу вспомнить что еще.

— Ничего страшного. Я думаю, она в порядке. — Но только в его словах не слышалось уверенности.

Тем же вечером, когда Лора подходила к двери своей квартиры, она обнаружила, что та открыта. А это могло означать что, либо её грабят, либо её уже ограбили, либо нагрянула Руби. К счастью, подтвердилось последнее. И к несчастью сестра сидела перед телевизором и заливалась слезами под аккомпанемент рекламы.

— Лора! — закричала она, и кинулась в объятия. Её лицо выглядело слегка опухшим, а глаза красными. Это могло означать лишь одно.

— Этот мудака бросил тебя, не так ли?

— Нет, — ответила Руби, прижимая к груди руку. — Это я его бросила. Он такой козел! Я даже не могу поверить, что когда — либо хотел быть с ним.

Лора, чей опыт расставаний всегда был по другую сторону баррикад, стояла посреди ее гостиной, удивляясь, почему тогда сестра плачет.

— Ладно, хочешь сходим куда-нибудь?

— Я ездила к маме, но её не было дома. Она ушла посмотреть новую квартиру. Даже не попросила поехать с ней. И ты на работе целый день и ночь. И Майкл ушел. Сказал, что никогда больше не хочет меня видеть. Знаешь, что он мне сказал? Что я шлюха и сука, и далее по списку. А знаешь почему? Нет, не потому, что я могла бы переспать с кем — то еще. Нет! Я должна была сидеть и ждать его, как преданный песик. А я взяла и ушла без спросу. Она был настоящим уродом. Думал, что я его собственность, и тебя недолюбливал. Совсем. Считал, что ты тусовщица.

— Я тусовщица? — Лора была слишком ошеломлена, чтобы ни упасть на диван рядом с сестрой.

— Да. Он считал, что ты никогда меня не слушаешь, а его ненавидишь.

— Ну, он прав насчет второй части.

Руби посмотрела на Лору красными глазами. Её губы слегка подрагивали.

— Почему ты не сказала мне?

— А какая разница? — это было не то, что Лора хотела бы ответить по правде. Но такой ответ хоть чуть — чуть смягчал расставание. И Лора выбрала его, вместо того, чтобы сказать суровую, но напрочь лишённую морали, правду. Однажды, если бы Руби вышла за муж, она бы перестала знакомится со всеми подряд. Во — вторых, это была маленькая месть за всех уведённых парней. И третья причина была самой жестокой. Настолько жестокой и злой, что Лора сама боялась себе в ней признаться. Она хотела, чтобы Руби страдала. — Прости. Я должна была сказать тебе, что я думаю.

— В следующий раз. — Руби вытерла потекшую тушь с век и приосанилась.

— В следующий раз, — согласилась Лора.

— Я думаю, что Стью тебе очень подходит, — сказала Руби. — И я говорю это только потому, что с этого момента мы не будем больше говорить о парнях, ок?

— А Джереми, значит, не подходит?

— У него уйма секретов. Как ты можешь не видеть все это.

Лора постаралась убедить себя, что Руби просто увидела его кашель. Кажется, это помогло.

— Пойдем куда — никуда? — спросила Лора.

Руби посмотрела на свою одежду: потертые треники, футболка с растянутой горловиной, оголяющей одно плечо и разношенные балетки.

Лора бросила её пальто.

— Поехали, прежде чем ты не решила переодеться.

И они вышли.

Стью уже был в «Тинкер Тейлор», зависал с Надалом. Он переоделся из формы «Кетчум» в свое привычное одеяние: рок — футболка с кардиганом и джинсами — скинни. Лора сразу же заметила что, «Ratt» в качестве принта на футболке, слишком мейнстрим. В ответ Стью лишь улыбнулся и заключил в объятия.

— Я вернулся в «Пылающие седла»! — Он отсалютовал пивом.

— Ого, где твой маршрут?

В разговор встрял Надаль.

— Я и Кимми расстались, поэтому я отказался от маршрута. — Тут Лора заметила его опухшие, красные глаза.

— Они пришли, умоляя вернуться, — сказал Стью. — Никто не знает этого маршрута так, как я. — Он повернулся к Надалю. — И эта сука Кимми была полной шмарой. Поэтому расставание должно было случиться.

— Хорошо, — сказала Лора Стью, — я рада, что ты вывернулся из челюстей корпоративного зверя.

Затем она удивила сама себя, обняв парня за талию. Его рука сразу же легла на её плечо.

Девушка почувствовала успокоение вперемешку со стыдом. У нее был свидание с Джереми в пятницу, и, обнимаясь со Стью, она чувствовала обман. Или обманом была пятница?

Руби сказала бы ей, не торопить события, но сестра была занята обсуждением расставаний с Надалем.

— Итак, — сказала Стью, и Лора поморщилась. Она была не готова говорить о каких — либо отношениях, по крайней мере, до утра субботы. — Шелдон подозревается в убийстве, ты раскрыла банду изготовителей подделок, и ты безработная.

— Почти безработная.

— Есть планы на неделю? Будем разлагаться как все? Или проведем мирные переговоры по Ближнему Востоку в твоей квартире? Назовемся «Лагерь Карнеги».

— Ты слишком хорош для такой шутки.

— Я позволю тебе отвести меня на ужин.

— Без проблем, — её язык опередил её мысли. — Может, подождем до показа? Как насчет следующей недели?

Она не знала, что она будет делать, если ее ужин с Джереми пройдет хорошо. Она просто должна будет отменить ужин со Стью и сказать ему, что она уже встречается. Но до тех пор, в течение нескольких дней, она была свободна.

Лора проснулась рано, с пустой и тяжелой как свинец головой. Ночь закончилась всего несколько часов назад. Они, вчетвером, перебрались из бара в закусочную. Всю дорогу по пятой авеню она со Стьюгорланили «MainstreamDogs». Руби и Нададь вырубались посреди ночи. Или это были Стью и она. Она не могла вспомнить подробности, только победный крик, который она издала, прежде чем ввалиться в квартиру, а дальше вакуум.

В итоге, похмелье пятничным утром принесло полное разочарование. Она должна была быть в самом приподнятом настроении. Показ случился только благодаря ей, только потому, что она смогла сохранить в офисе, пока Джереми не было. Пьер Севьон теперь знал её, а значит, она поднялась как минимум на десять ступенек вверх. Обманул бы он её своим предложением или нет, теперь уже было не важно. И у нее было свидание с Джереми. И пусть Стьюи не будет ждать вечно, но вполне может подождать несколько дней.

Она впихнула в себя две таблетки чего — то сильного, выбрала одежду, немного более красивую, чем она носила обычно, и вышла за дверь.

Все в мастерской — столы, коробки, стойки, книжные полки — были прижаты к стенам, за исключением швейных машин, которые грохотали и гудели, как сверла на строительной площадке. Гардеробные стойки были сгружены в центре комнаты, каждая с листом бумаги, прикрепленным к палке, с именем модели. На каждой стойке висели пакеты на молнии с полными образами: браслетами, ожерельями, сумочками, туфлями и разнообразными аксессуарами в полиэтиленовом пакете, закрепленными специальными молниями производства Джереми, чтобы не перемешалось. Стойки стояли в порядке выхода модели, начиная с той, кто будет открывать показ, кончая той, кто будет закрывать шоу. У каждой модели было около трех нарядов, и, в среднем, шесть минут, чтобы переодеться, поправить у стилистов макияж, укладку, и выстроится для выхода на подиум.

Лора, Тиффани, Чилли и горстка стажеров собрались вокруг стоек, надевая наряды и аксессуары на вешалки, проверяли и дважды перепроверяли, потому, что одна неправильная юбка означала неправильную юбку на подиуме. Или, что еще хуже, пустой подиум, в то время как модель будет переодеваться в правильную.

Лора даже не успела выпить и половину своего кофе. Она поставила его на стол и больше не сделала и глотка. Каждый раз, когда она собиралась утолить жажду, находилась работа. Она то гладила, то отпаривала, то подшивала что — нибудь. Головная боль все усиливалась и усиливалась.

Наконец, кронштейны были подогнаны к деревянным дверям грузового лифта. У Олли был напряженный день, но он сразу же узнал Лору. Это заставило её понервничать. Её лицо настолько же запоминающееся, как и у Шелдона. Но беспокойство улетучилось, как только месячный труд скрылся в недрах грузовика, чтобы через две мили оказаться в Центральном парке.

Лора вернулась, чтобы собрать вещи. Она была одной из последних, и поэтому единственной, кто видел, что на столе у Андре не было ничего, кроме степлера и коробки. Она осторожно подошла. Компьютер выключен. Коробка была запечатана плохо и доставлена вручную, судя по отсутствию штампов. Лора приоткрыла её и обнаружила около десяти метров зеленой саржи «Дельфы». Количество достаточного для, пожалуй, пяти рубашек. Она открыла ящик стола. Пустой. Еще один ящик. Ничего, кроме горстки крючков.

— Ты идешь? — спросила Тиффани, держа в руках коробку с буклетами и программками — Никто в восторге не будет, если мы опаздаем.

— Что случилось с Андре?

Тиффани пожалала плечами.

— Может, пересол на другой стол?

— Ты видела его сегодня утром?

— Да. А теперь, может, пойдём, прежде чем он убьёт меня? У меня буклеты. — Она указала на ящик в руках.

Лора помогла Тиффани дойти до лифтов. Её руки были заполнены книгами, и она совсем забыла, что на работу она пришла с чем — то горячим и утешающим. — Черт возьми, я забыла кофе на столе.

— Хочешь вернуться и забрать? — это был почти риторический вопрос. Двери лифта закрывались, да и Лоре не хватало руки. Она обреченно вздохнула.

В Центральном парке царил хаос.

Люди сновали повсюду. Норковые, лисьи, соболиные пальто. Кашемир. Мягкая кожа и блестящие аксессуары. Лора вспомнила, как в прессе муссировался вопрос о мертвых животных, и закурила сигареты, прижимая телефонк ее уху. На том конце провода её ответила голосовая почта Бьюкенена. Она быстро бросила сообщение об Андре и его крючках с рисунками, прежде чем чей — то кашемировый локоть чуть не врезался её в щеку.

Тиффани стояла у передних дверей, ее руки были полны брошюр. Как правило, Андре раздавал каталоги, так как он был на передовой между покупателями магазина и командой дизайнеров. Он принимал заказы и управлял взаимодействиями. Не Тиффани.

— Где Андре? — закричала Лора, стараясь перекрыть шум. Вопрос ушел вникуда. Тиффани пожалала плечами и посмотрела на часы. Шоу начиналось через час. Двери откроются через сорок минут.

Воздух за кулисами пропитался лаком для волос, дымом сигарет и паром. Стилисты расставляли коробки с косметикой и тониками для волос. В этом сезоне у Джереми был глянец и лоск, поэтому волосы девушек должны быть темными и зачесанными назад.

Даже блондинок перекрашивали в брюнеток.

Мама работала на подхвате, чтобы в любой момент что —нибудь подшить в ручную или изменить, и, когда Лора наблюдала, как она спокойно проворными пальцами управляет юбкой, она надеялась, что когда —нибудь сможет быть такой же.

Джереми был главным по моделям. Он через свои каналы узнавал, что они делали накануне, и где были в этот самый момент. Все девушки должны были быть зарегистрированы для работы в вечерних показах и относительно трезвы и здоровы. Они, принеся с собой запах сигарет, Джереми каждую встречал двойным поцелуем, показывая, что все под контролем, мимоходом комментируя их прически и украшения с предыдущих показов. Он излучал уверенность и спокойствие, и модели, знавшие, что успех шоу лежит на их плечах, любили его за это. Они собрались вокруг него, прежде чем разойтись по столикам. Лора не смотрела за всеми, потому что её внимание привлекла Томасина, хотя ничто в том, что она или Джереми сделали, не должно было вызвать подозрения. Это были модели. Они вешались на мужчин. Это то, что делали женщины, когда их мозги были не заняты работой.

Ноэ была среди опоздывающих. Она позвонила на час раньше, и заверила Джереми, что, не смотря на то, что пропустила пару показов утром, что, несомненно, испортит её

репутацию, его она не кинет. Она не сказала, где она, или почему нет времени в два самых важных дня в году. Но она поклялась, что будет.

— И ни у кого из агентств нет девушки метр семьдесят? — спросила Лора.

Джереми покачал головой.

— Ты когда — нибудь видела подиумную модель ростом метр семьдесят, кроме Ноэ? Его терпение было на исходе, как и его дыхание. Пришлось согласиться. За пять лет работы Лора не видела такую невысокую модель. Ноэ была почти карликом.

Ей потребовалась секунда, чтобы взглянуть на кронштейн Ноэ и найти выход. В лучшем случае это было плохое решение, и оно создавало много вопросов и шума. Все будут говорить, что нельзя просто взять и поставить девушку на подиум, по тому, что по подиуму нужно знать, как ходить, как смотреть, как нести одежду, чтобы она ни смотрелась на тебе мешком. Одна девушка с плохой походкой способна испортить шоу. И слово «как надо» встречалось тысячу раз.

Джереми стоял у выхода на подиум, выглядывая из — за занавеса. Половина аудитории уже была усажена, и первые модели одежде с вышивкой уже выстроились перед сценой.

Над ними висела рукописная табличка, которую они проклинали, но всегда повиновались и никогда не забывали: «УЛЫБАЙСЯ!».

И Лора знала того, кто мог улыбаться, даже если все шло наперекосяк.

— Джереми! — Он повернулся к ней. Выглядел ужасно. — Я знаю того, кто может выйти за Ноэ.

Все модели сделали вид, что не слушают.

— Веди её сюда.

— Ты даже не хочешь узнать кто это?

— Нет, — сказал он, снова выглядывая из — за кулис. — Просто приведи её.

Лора поискала Руби глазами в толпе. Выйдя из — под пресса людских тел, шума и дыма, она принялась яростно строчить смс: «Ты нужна за кулисами».

Ответ пришел менее чем за секунду: «Зачем?»

«Где ты?»

— О Господи! — Лора оторвала глаза от телефона, но он снова завибрировал: «Зачем???»

Тут она заметила Руби, которая печатала на телефоне и одновременно весело болтала с кем — то. Лора помахала её рукой. Руби заметила её и извинившись перед собеседником направилась вниз.

Лора схватила ее за руку и потянула за собой.

— Ау!

— Это лучшее, что когда — либо случалось с тобой, — сказала Лора. — И не смей жаловаться.

— А я о чем — то жалуясь? Кроме синяков на моей руке?

Лора ослабила ее хватку. Платье «Аманда» было без рукавов.

— Ты пройдешь по подиуму. — Когда Лора оглянулась на Руби, то поняла, что сестра понятия не имеет о чем она говорит. — У нас нет невысокой модели, а ты худая.

— Ни за что! — сказала Руби, дергаясь от Лоры.

— Ты хочешь сказать, что не сможешь? Потому что я никогда не слышал этого от тебя.

— Я не могу сделать то, к чему не готова. Здесь больше ста моделей, почему ты не можешь

...

— Заключение контракт за пятнадцать минут? Забудь это. Это должна быть ты. Ты мне должна.

— За что?

Тот Лора услышала голос детектива Канингеми, выкрикивающий её имя. Времени на споры не оставалось.

— За Фрэнка Ярис, Беннета Маттевич, Хэнка Данбара, и еще пяти или шести парней чьи имена я не помню.

Лицо Руби потемнело. Лора знала, что за последние годы на совести Руби были, по крайней мере, три кражи парней, свиданий и расставаний. Лора снова услышала Канингеми и заметила его светлую макушку поверх толпы. Она должна была опередить его. Скорее всего, он захочет снова потащить ее в участок. Лора и Руби переглянулись и единодушно пришли к решению.

Рубиподтолкнула Лору в спину. Они уклонились от норкового пальто, накидки из шиншиллы, розового пуделя, и кожаной сумки размером с индейку на День Благодарения.

Иногда Лора тащила за собой Руби, иногда сестра проталкивала её. Они натолкнулись на компанию шушукающихся силиконовых девиц, чьи лица блестели от макияжа, а количество ботокса вколотое в них растягивало кожу лица до самых ушей. Их глава заявила, что она и с места не сдвинется, чтобы пропустить кого — то, подобного её.

Единственным свободным путем остался проход у сцены. Туда Лора и направилась, по дороге едва не столкнувшись с Пьером Севьеном.

На входе в раздевалку Руби врезалась в Джереми.

Лора перевела дыхание.

— Нам нужно ее накрасить.

Джереми оценивающе посмотрел на Руби сверху вниз, как будто она была куском ткани для изделия. Модели, стоящие неподалеку сделали тоже самое. Томасина насмешливо хихикнула.

— Она больше в груди на 5 сантиметров, — сказал Джереми. — Могло быть и хуже. Одень ее и накрась ее.

Лора потащила Руби в кресло для макияжа и сказала помощнику стилиста, Мэнни, тихому, худому мужчине лет сорока.

— Работай.

Мэннитолько схватился за кисть, заноса её над лицом Руби, как та вскочила и закричала.

— Я не знаю, как ходить! Это безумие.

— Руби, ты великолепна. Просто будь собой. Ты затмишь их всех контрастом. Ты обычная девушка, и в тоже время уникальная. Не похожа на всех этих женщин. Поэтому я хочу, чтобы ты надела мое платье. Тебе надо лишь пройти. Пройти до конца. Остановиться...

Рубипрервала её.

— Я смотрела показы.

— Я отвечаю за твою стойку. Итак, ты придешь ко мне, я помогу тебе переодеться. Здесь мама, поэтому, если не хочешь моей помощи, можем попросить её. У тебя шесть минут между выходами. Всего их три.

Руби все еще выгляделанедоуменной, когда Мэнниуже во всю тонировал её волосы в

черный цвет.

— И, — сказала Лора, глубоко вздохнув, — у тебя в финале мамино платье. На этом все. Так что ты поцелована судьбой.

Руби посмотрела на себя в зеркало, Мэнни сделала все возможное за крайне короткое время. За ними началась музыка.

— У тебя все будет хорошо. — Сейчас Лора почувствовала, что говорит от чистого сердца.

— Хотела бы я, чтобы Майк был здесь.

Затем свет погас, заиграла более серьезная музыка, и начался показ. Модели успокаивались и натянули улыбку. Джереми наблюдал за ними со спины, чтобы посмотреть, кто идет за кем и когда.

Руби, снова откашлялась.

— Как я выгляжу? — Ее волосы были черными и гладко зализанными, затянутыми в плотный пучок на затылке. Ее щеки были припудрены белой пудрой, а подводка на глазах была почти в сантиметр толщиной.

— Необычно, как и все остальные. — Лора провела Руби к стойке и помогла ей снять ее рубашку. — Просто будь красивой, хорошо? Ты способна на это.

— Правда? — Рубиказалась действительно тронутой ее словами.

Лора помогла ей влезть в двадцати сантиметровую мини — юбку и усеянный стразами кардиган «Карен» с вырезом, под которым красовалась надпись.

— Эта штука с меня сползает.

Лора ответила ее подталкиванием к выходу. Джереми взглянул на нее, поправил кардиган, придав вид веселой прошедшей ночи, и вытолкнул к волкам. Стоящие за Лорой модели притихли, и в гробовой тишине Руби пошла. Она пошла походкой обычной девушки, лишь слегка размахивая руками. Ни размашистых шагов, никаких колебаний плечами, как будто она решила не подражать моделям вообще.

— О, боже мой. — Лора прижала ладонь ко рту.

— Я вижу, — сказал Джереми. — Левый.

Лора забыла застегнуть левый ботинок. Золотая пряжка шлепала по лодыжке Руби с каждым шагом, а ремень тащился по полу.

— Она упадет и разобьет себе лицо. — Лора внезапно пожалела о том, что так подставила сестру. Ни один парень не стоил такого. Но внутреннее равновесие несло Руби дальше и дальше по подиуму, и хотя Лора могла видеть только ее спину, улыбки людей в первом ряду говорили ей, что Руби справляется на ура. — Нет, с ней все будет в порядке.

Когда Руби дошла до конца, она сделала паузу и повернулась, подставляя лицо под вспышки камер и софитов. Модель, идущая перед Руби, скрылась за кулисами, и на дорожку вступила ТомасинаВэнте, неся шлейф сигаретного дыма. Руби обернулась и улыбнулась свое ослепительно улыбкой, как будто у неё в жизни все удалось. В эту секунду Лора не чувствовала ничего, кроме гордости и радости за свою сестру.

Томасина пошла вперед, мгновенно закрыв для Лоры Руби.

Руби еще раз улыбнулась публике и, махнув рукой, пошла в обратном направлении.

Когда Томасина перешла на путь Руби, Джереми не смог сдержать стон разочарования, и костлявый локоть Томасины впечатался аккурат в грудь Руби. Из — за неустойчивой обуви и отсутствия опыта, Руби потеряла равновесие, зацепившись за болтающийся ремешок.

Лора кинулась на сцену, чтобы поймать сестру, но Джереми схватил ее за предплечье и

отдернул. Девушке пришлось из — за кулис наблюдать, как её сестра рыбой падает на колени Пьера Севьена.

Томасина, впервые на подиуме, улыбнулась.

Поскольку платье Руби были последним из группы, музыка остановилась, как знак препинания, что дало каждому возможность посмотреть на Руби, оседлавшей Пьера Севьена, смеющегося вместе с Гортензией.

Руби встала, поправила юбку, Севьон отряхнулся, а затем дважды поцеловал Руби и предложил руку, как придворный. Она приняла его руку, и он сопровождал ее обратно к подиуму. Этот яркий жест вызвал у аудитории море оваций.

Руби помахала рукой, послала всем воздушный поцелуй и пошла обратно в раздевалку с ботинком в руке, в тот же момент, как первая модель следующей группы вступила на сцену. Лора сгробастала её в свои объятия и потащила к стойке.

— Ты в порядке? — Лора проверила ее на синяки или ссадины и не нашла ни одного.

— У меня все в порядке. Это было весело. Даже падение.

— Ты сделала то, на что не отважились бы другие, так что ты тут не причем. — Лора сняла юбку с Руби и отбросила ее в сторону. — И эта женщина такая сука. В следующем сезоне я оставляю булавку в её штанах.

— Этот детектив в зале. — Руби вылезла из кардигана и натянула в платье «Ханна», левая часть которого была выполнена из кожи, а правая из ткани с леопардовым принтом, делая девушку похожей на убийцу своего бывшего мужа. Руби вытянула руки по бокам. — Это ужасно приятно сидит. Ты действительно мастер.

— Спасибо. — Лора притащила ее к столу стилистов, чтобы подправить макияж. Ее телефон гудел, и, увидев, что Руби наконец — то в надежных руках, она посмотрела на идентификатор звонящего. Это был Канингеми, но она не могла ответить ему в середине шоу. Пусть подождет, пока все это не закончится.

Руби вернулся к очереди, встав перед Томасиной, которую Джереми чихвостил приглушенным голосом. Лора уловила слова «детское» и «мелочное». Она могла быть сколько угодно великолепной и прекрасной. Возможно, богатой. Но она пыталась повредить общему делу, и это не прощалось. Если богатые красивые женщины и были угрозой для Лоры, то Томасина была худшей из них.

Руби пошла. Лора сделала все возможное, чтобы завязать оба её ботинка настолько плотно, что, наверное, сестре стало даже неудобно ходить. Когда они с Томасиной поровнялись, Лора даже испугалась, что Руби отвелись той такой же комплемент.

— Ты довел Томасину до слез? — прошептала она Джереми. — У неё вся тушь потекла.

— Они все видели, что она сделала. Это удовлетворит их чувство справедливости. И фотографии ее лица будут на всех обложках.

Он заставил ее плакать для драмы. Потому что с таким коротким шоу ему нужно было место в газетах. Лара подумала, хотя она не хотела ничего, кроме как увидеть, как Томайна плачет, это было слегка жестоко. Она заглянула в пространство между возвращающейся Руби и Томасиной и подошла к кулисам, чтобы узнать где Канингеми.

Вместо этого она увидела Шелдон а.

— Что он здесь делает? — прошептала она про себя. Джереми, должно быть, тоже заметил его, потому что застыл, как камень. Лора прищурилась и увидела, что Померанц сидит рядом с Шондой Гровниц, владелицей «Centennial». Она наклонилась и прошептала: — Толстые, как воры, не так ли?

Джереми, взволнованно и отвлеченно, посмотрел на них секунду дольше, чем обычно.

— Друзья детства, — сказал он. — Грейси не выносила ее.

— Лора! — окликнула её Руби. Лора вернулась к стойке и помогла Руби снять «леопарда» и надеть «Аманду».

— Мама, — крикнула она, и мама появилась с булавками, все еще приколотыми к маленькому тканевому помидору на ее запястье. — Помоги мне с этим.

Вместе они расправили белое платье, когда Руби скользнул в кринолин. Это было, конечно же, свадебное платье мечты, которое она всегда хотела, но без церкви и алтаря.

— Вы видели Шелдон а? — спросила Руби, когда мама сделала окончательную корректировку, и Мэннинанес последние штрихи в её макияже.

— Вероятно, его не было в грузовом лифте тем утром. Какая жалость.

— У Олли хорошая память. — Лора застыла, когда почувствовала, что Джереми позади нее, дышит ей в ухо.

— Перед тем, как продолжить, Поменяют освещение. Не позволяй ей идти слишком рано.

— Он обнял Лору за талию и поцеловал ее в щеку, прежде чем ускользнул в неизвестном направлении. Руби и мама с удивлением посмотрели на нее, а она почувствовала, как покраснела.

— Лучше убедиться, что туфли хорошо завязаны. — Она дважды проверила ремешки.

Руби, задумчиво спросила.

— Интересно, кто стоял у лифта в тот раз.

Лора постучала рукой по ноге Руби, мол «все готово». О замечании Руби она решила подумать завтра или на вечеринке после шоу. А сейчас её нужно было дотащить сестру с пятиметровым шлейфом до подиума. Она подхватила шлейф и пошла за Руби. Модели с завистью косились на них. Эти девицы были слишком хороши, слишком совершенны и слишком завидовали, чтобы смотреть на них прямо. Закрывать показ, должно было стать их привилегией, но она досталась немодели.

Руби, очевидно, это не заботило. Она пробралась к ее выходу в своем великолепном шелковом платье, с вязаной отделкой и широко расставив руки, как будто это платье сделано для неё, приготовилась к выходу.

Джереми не был на своем посту под «УЛЫБАЙТЕСЬ!», так что никого не было, чтобы сказать ей, когда выходить. Последняя модель сошла с подиума и кивнула Руби, прежде чем скрыться из виду. Руби, шагнула вперед, но Лора удержала ее.

Погасли софиты.

— Я думаю, это игра со светом, — сказала Лора. Огни снова заискрились белым в черной темноте. Такое освещение идеально бы выделило кожу Ноэ, но её здесь нет, а есть только Руби. И это её выход. — А теперь иди.

И Руби вышла в ее красивом белом платье. Кринолин покачивался в так походке, и плечи были откинута с гордостью за себя в этом платье. Она широко распахнула руки, размахивая пальцами, представляя себя во всей своей славе, как мечтала. Ангельская.

Несмотря на то, что Лора могла видеть ее только со спины, сплошь усеянной мерцающим бисером, она знала, что ее сестра улыбается.

Мама похлопала Лору по плечу.

— Отличная работа.

Лора рассеянно положила руку в карман и нашла сложенный лист бумаги. Она открыла

его и прочитала: «Встретимся у меня в офисе» на плотном блочном листочке Джереми.

Должно быть, он положил ее в карман, когда он поцеловал. Конечно, это была не просто немотивированная привязанность. Все с Джереми было мотивировано.

Руби, закончила свой проход и направилась обратно, размахивая и даря поцелуи, так как настоящая модель никогда делать не будет. Нет, модель не знала бы, как это быть такой веселой, и Лора подумала, может ли это быть коллекция, которую она и ее сестра создали вместе. Она устала от надутых моделей и людей, которые слишком серьезно относились к себе. Это была только одежда, и не было никакой причины, чтобы не веселиться. Это было прекрасно и безусловно отличалось от всего, что обычно происходит на подиуме.

За Лорой собрались модели, все надменные и самолюбивые. На каждом показе проходил заключительный выход, где выходили модели, а следом за ними дизайнер под аплодисменты. Но Джереми нигде не было, и Бог знал только, где была Кармелла. Лора не хотела иметь с ней ничего общего, и за несколько секунд до того, как Руби вернулась с проходки, она ушла.

Шоу продолжалось, позволяя всем искупаться в овациях.

По пути Лоре удалось ускользнуть от Канингеми, который пробирался к ней на встречу через толпу репортеров и кронштейны с одеждой. Через несколько секунд она получила от него смс: «Не избегай меня».

Она закрыла свой телефон.

Вереница из такси тянулась из парка за угол, и Лора решила пробежать её пешком. Она не хотела, чтобы Джереми пришлось долго ждать. По пути её встретился лимузин Шелдон а, около которого стоял Дэвид. Лора подбежала к нему.

— Мне нужно к грузовому лифту в офисе.

— Ты шутишь. — Но весь её вид не предполагал шуток. — Ты посадила владельца этой машины в тюрьму, и теперь хочешь прокатиться?

— Я знаю, что он делал той ночью, когда ее убили.

Дэвид поднял бровь.

— Это должно меня успокоить?

— Шелдон и Грейси поругались не из — за Джереми. Он знал о Джереми, и ему было все равно. Ну, может быть не совсем все равно, но здесь он чист. Грейси рассказала ему об обнаруженных подделках и попросила разобраться с ними. А он ответил её, что все это произошло по её вине. Если бы она позволила им выпускать бюджетные коллекции под брендом Сент — Джеймс, такого бы не случилось. В ту ночь он поехал к Шонде и остался у неё на ночь. Но он не хотел сразу говорить об этом, потому что он не хотел втягивать Шонду, поэтому прикрылся покерным клубом.

Голос донесся до Лоры с заднего сиденья на другой стороне машины.

— Ты ведешь себя так, будто я не любил свою жену. — Шелдон наклонился, чтобы увидеть ее.

— Вы?

— Залезай, мисс Длинный Язык.

Лора проскользнула в заднее сиденье. Шонда Гровниц сидела рядом с Шелдон ом, лицом к лицу. На ней был скучный синтетический костюм, подходящий для ее бочкообразной фигуры слишком хорошо, чтобы купить такой в её магазине. Дэвид закрыл дверь и сел рядом с водителем.

Шелдон скрестил ноги и руки.

— Это не плохо для конструктора. Возможно, я не дал тебе большей свободы действия. — Лимузин двинулся по дороге, оставляя позади пассажиров, ожидающих такси. Он повернулся к Шонде. — Ты встречалась с Длинным Языком?

— Я Лора Карнеги. — Она протянула женщине руку.

Шонда пожала её и сказала.

— О, как хорошо. Мой отец знал Дэйла.

Шелдон проговорил.

— Никаких привязанностей, Шонда. Лора — конструктор и детектив — любитель. Она хороша только в одной из этих вещей. В другой этот детектив-любитель полный профан.

— Приятно познакомиться, Шонда. Простите, что вчера я ворвался в ваш магазин.

Шонда отмахнулась от извинений.

— Это Кармелла устроила мне все эти проблемы. Она солгала Грейси о лейблах в

наших подсобках, чтобы выторговать у той свою линию. Вот когда все началось. Настоящая подлизывающаяся сука.

— А что насчет вас, Шонда? — Спросила Лора. — Вы гарантируете мне, что каждая куртка «Galliano» в вашем магазине подлина? У моей сестры была целая охапка тем вечером, и все как один бренд.

— Я не говорю, что люди не ошибаются. — Жестко ответила Шонда, послав Лоре, полный ненависти взгляд.

— Вы отвезете меня в офис? — спросила Лора. Через минуту они выедут из Центрального парка, и Лоре меньше всего хотелось оказаться на Ист — Сайде.

— Я хочу сначала спросить тебя, — сказал Шелдон. — Почему ты не подписала тот контракт?

— Я понимала, как только ты составил контракт для Джереми, для меня это ничем хорошим не закончиться. Я была нужна, чтобы, по крайней мере, закончить модели для производства, и все это отправилось бы в «Sin — Top» или «IWU». А после ты бы выкинул меня, в лучшем случае выплатив компенсацию.

Шелдон гордо улыбнулся.

— Да я просто автор «100 способов «как развести на...»!»! Тебе следовало прочесть контракт твоего босса. Он просто гениален.

— И почему Пьер Севьен? Почему вы попросили оказать мне помощь?

Шелдон замолк, а затем, вздохнув, продолжил:

— Если Пьер предложил тебе помощь....

А вот над этим стоит поразмыслить. Если это был не Шелдон, и не Джереми, то кто? И когда? Может, Грейси попросила его до того, как ее убили, а Севьен все — таки решил исполнить его просьбу? Кармелла? Ноэ? Кто еще знал его?

Они выехали на Пятую. Лора смотрела в окно на мелькающие магазины, а Шелдон решил сменить тему.

— Я знаю, что вы все думаете. — Сказал он более мягким тоном. — Ты думаешь, мне было плевать на Грейси. Ну, хотя бы потому что, ты все время думала, что её убил я. Но ты должна понять, я мог бы разобрать этот бизнес на кусочки и остаться в плюсе. Но я пытался спасти его, потому что так хотела она. У нее был потрясающий вкус. Знаешь ли ты, что это значит? Не просто чувство стиля, а настоящий нюх. Ты либо рождаешься с таким, либо нет. А у неё он был с младенчества. Она создала этот мелкого поддонка из ничего. Я гордился ею. Тем, что она сделала. Она была похожа на художника. Только она могла бы превратить его в то, кем он является сегодня. — Лора не стала упоминать, что Грейси спала с этим мелким поддонком, или что его талант тоже имел место быть. Ведь каждому из нас нужны спасительные иллюзии. — И что она получила взамен? А? Он задушил её. И для чего? Ради денег? Любви? Как ты думаешь, Длинный Язык?

— Ты знаешь что — то, чего не знает полиция?

— Я знаю этого мелкого ублюдка.

— Не заводись, Шелдон. — Шонда похлопал его по руке. — Он всегда был тем, что готов в ногах ползать у таких людей как мы, пока не добьется желаемого...

Лора задавалась вопросом, кто эти «такие, как мы» люди. Очевидно, не бедные и забитые.

С другой стороны, какие люди плохо относились к Джереми? Кроме всех? Она собиралась спросить, но увидела, что Шонда вытащила пластиковый гребень из своего

клатча «Louis Vuitton». Это был простой черный мужской гребень, и она начала взбивать им свою челку, которая совершенно не подходила ей. Тут Лора поняла, как опусташенно чувствуют себя Шелдон и Шонда. Они не художники, не творческие люди и у них совершенно не было чувства стиля. Они были, прежде всего, бизнесменами, но Шонда почувствовала слабость Джереми, и позволила ему подзаработать, а Шелдон почувствовал, что его жена тяготеет к Джереми из — за схожих вкусов. Это были люди, которые нанимали домашних декораторов, чтобы заполнить свои книжные полки правильными названиями и выбрать рамки для фотографий своих детей. Они смотрели журналы не для вдохновения, а для того, чтобы что — то скопировать, и войти в элитный мир законодателей моды. Они были обычными людьми, но с деньгами.

Машина остановилась на пересечении 38-й улице и Бродвея.

— Спасибо за то, что подвезли. — Лора открыла дверь.

Шелдон осторожно сжал ее руку.

— Я хочу, чтобы ты услышала то, что я тебе говорю. Присмотрись к этому парню.

Он смотрел на нее крайне серьезно.

Она освободила руку.

— Спасибо, — сказала девушка, а затем вышла.

Вестибюль был пуст, за стойкой сидел только ночной сторож. Лора махнула рукой и подошла к лифту.

Она была в офисе несколько часов назад, но сейчас все было по-другому. Сейчас воздух казался тяжелее. Звуки — громче. Звуки лифта казались более медленными и пугающими, чем когда — либо прежде. Ей подумалось, подозревали Грейси, что её поездка на лифте две недели назад будет последней в её жизни.

Не случится ли с ней то же самое, что и с Грейси?

Она встряхнула головой, отгоняя дурные мысли. Джереми бы этого не сделал. Ни за что.

Он был на заводе.

Но фабрика находится не так далеко от офиса.

Не похоже, что он мог совершить убийство за несколько секунд до её прихода.

Нет, но она бы слышала шум.

Если бы она обратила на него внимание.

Если бы она не была так сосредоточена на том, чтобы придти во время и выпить кофе.

Почему же Канингеми звонил ей? Советовал держать подальше от Джереми?

Она стояла у входа в офис, её пальцы неравно перебирали пуговицы. Она так волновалась, что забыла пароль на секунду. Она могла вернуться. Она могла пойти домой. Забыть о Джереми и всех фантазиях, что преследовали её в течение пяти лет.

Голос в голове, звучащий, как мамины слова подозрением и просил вернуться к лифту и нажать кнопку.

Но она слишком много вложила себя в эти недоотношения. Поэтому Лора набрала пароль. Дверь щелкнула. Она вошла в вестибюль, и дверь за ней закрылась. Она оглянулась назад, в пустынный коридор. Последний шанс.

Прошла мимо стола Рене, в идеальный кабинет Джереми.

Но там никого.

Мастерская была также пуста.

За спиной хлопнула дверь, она повернулась и увидела Андре, выходящего из кладовки с образцом в руках. И лекалами на крючке. Её лекалами.

— Что ты здесь делаешь? Как ты узнал код от кладовки? Я только вчера его поменяла.

— Знаешь, я немного устал от твоих допросов. Ты — конструктор. Я — вице — президент по продажам. Или тебе нужно объяснение в картинках? — Он подошел к старому столу Кармеллы и открыл сумку, в которой лежала зеленая саржа для «Дельфы».

— Ты не можешь просто украсть его.

— Если у тебя проблемы, то можешь спросить у Джереми.

— Он сейчас должен быть здесь, так что держись. — Она двинулась по коридору, чтобы найти его, но Андре удержал её. Она была очень зла. Во — первых, из — за того, что Андре рылся в кладовке и пытался украсть её лекала, а во — вторых, Все происходило там, где она должна была встретиться с Джереми. Все было против них.

Когда он застегивал сумку, Лора вспомнила что — то о зеленой сарже для «Дельфы». Она должна была пойти на отделку моделей из матового трикотажа, пока Джереми не решил сменить контрастное на однотонное. У Андре в сумке было, вероятно, достаточно обрезков и манжетов на несколько сотен предметов одежды.

— Ты делаешь матовую коллекцию, — сказала она. — Это последний шаблон для футболки, не так ли? Ты кроишь его из старых рулонов на заводе. Но 40-я улица была закрыта, Андре. Её опечатали, потому что отдел борьбы с контрафактом нашел куртку «Тереза» в гардеробной Грейси. Он закрыт, так как стол для подделок нашел куртку Терезы в шкафу Грейси. И где вы теперь режете хорошие вещи?

Его глаза метнулись по комнате, а затем устремились на нее. Она почувствовала, как холод пробежал по позвоночнику. Она неожиданно поняла, что где он будет делать следующую партию подделок совершенно не важно. Все встало на свои места.

— Она узнала о вас, — сказала Лора. — Кармелла рассказала Грейси, что происходит, и узнала подробности от Ноэ, поэтому и кричала на нее в «Грот».

— Если бы ты знала хотя бы половину, то поняла бы, что я не делаю ничего незаконного.

Поэтому чем раньше полиция узнает, тем лучше.

— Грейси хотела тебя уволить. — Лора начала рассказывать историю, которая сложилась у неё в голове как паззл. — Она вернулась сюда той ночью и нашла тебя у измельчителя.

Она собиралась выкинуть тебя из бизнеса.

Андре набросил сумку себе на плечо, и Лора продолжила.

— Ты взял все образцы, и ты уезжаешь из города, поэтому тебе нужен последний шаблон.

Тебе нужно было продать свой дом и уехать. Потому что все кончено. Тебя разоблачили.

— В том, что я делаю, нет ничего плохого.

— Но это обман.

Но она прекрасно знала, что это не имеет значения. Люди хотели быть обманутыми. Им был нужен этот ярлык на воротнике. Они готовы были заплатить деньги за мнение чужих людей о них, а если они были не в состоянии, то кто — то вроде Андре всегда был бы готов изготовить эти ярлыки для них.

Андре засмеялся.

— Обман? Это ты лжешь себе, если думаешь, что кого — то заботит что фейк, а что нет.

Почему только богатые суки должны иметь то, что все хотят? Ты знаешь, что Джереми не станет выпускать модели XL, но я выпускаю. Я делаю те, размеры, который хотят.

Большой, маленький, какой угодно. Это вы, снобы, думаете, что только богачки должны иметь красивые вещи. Почему? Разве им и так не достаточно? Или потому что ты хочешь быть одной из них? Маленькая бедная девушка хочет вырасти и стать богатой, но не хочет запачкать ручки. Ок, но позволь сказать мне кое — что. У них у всех грязные руки, с их удобными браками и махинациями в своих маленьких благотворительных фондах.

Они все лгуны, и все погрязли в своей лжи.

Он повернулся, когда она попыталась пройти мимо него, и огромная сумка, у него на плече, опрокинула чашку кофе, которую она оставила на своем столе этим утром. Кофе разбрызгалось по новому коврику, телефону и ножницами. Её вспомнилась паника, которая охватила её утром, когда обнаружили тело Грейси.

Она схватила ножницы, когда он снова оказался перед ней. Возникла неудобная пауза во время которой Лора пыталась оценить, грозит ли её какая — нибудь физическая опасность.

— Ты был здесь, когда я уходила в эту субботу, и когда Грейси приехала в ту ночь, она застучала тебя. Почему ты уничтожил бумаги? Кто вас раскрыл?

— Ты действительно хочешь знать?

— Тогда ты спустился на грузовом лифте и вернулся поздно утром, скрываясь в толпе.

— Я спросил, хочешь ли ты знать, кто предупредил меня, что Грейси вышла на нас?

Андре шагнул вперед, и Лора отступила, решив, что её не так уж и интересно, кто помог Андре, потому что это мог быть только один из двух человек. Даже не так, это мог быть только один человек, который добратся до лекал, фабрики и ткани.

— Джереми, — выдохнула она.

— Умница. — Андре неожиданно шагнул вперед к ней. Она отступила назад, почувствовав спиной свой рабочий стол. Её загнали в пустой кабинет. Не думая и не останавливаясь, она вскинула руку, стараясь остановить мужчину.

Он схватился за свою руку и прижал её к себе, между прижатыми пальцами заструилась кровь.

— Что случилось? — спросила она, а затем почувствовала вес ножниц в руке. Она посмотрела на них. Лезвия быбликрасными. — Подожди, я принесу аптечку.

Когда она попыталась двинуться к залу, он преградил её путь собой. Кровь из его руки продолжала капать на пол и его ногу. В лицо резко дохнуло запахом его пота, а взгляд прошелся по его дневной щетине. Его плечи казались более широкими, аподвернутые рукава обнажили волосы на руках. Пай мальчик, которого она знала, и который работал с ней, исчез. На его место пришел опасный мужчина, который легко мог обидеть или ударить. За маской ребенка притаился грубый и яростный человек.

— Андре, я ...

— Сука, Лора. Ты настоящая сука. — Он бросил двадцати килограммовую сумку на пол между девушкой и выходом. Ей придется перепрыгнуть через нее, чтобы убежать.

Андре снова шагнул к ней, и у нее не было возможности отступить назад.

— Уважение, Лора. У тебя всегда было с этим проблемы. Ты должна была уважать мое пространство и уважать мою личную жизнь, и, прежде всего, ты должна была уважать мою власть. Ты понимаешь?

— Я тебя уважаю, Андре. Я действительно...

— Дай мне ножницы. — Он протянул к ней руку. Она ни на секунду не поверила этому примирительному жесту. Последнее, что она хотела сделать, это дать ему острый предмет.

— Я не хотела тебя ранить, — почти прошептала она. Ножницы ходили ходуном в её трясущихся руках.

— Дай мне ножницы.

— Я положу их на пол.

Он схватил ножницы. Она ахнула и выдернула их, чуть снова не поранив его.

Он вскрикнул так громко, что она прыгнула.

— Дай мне проклятые ножницы! — Она схватила ручки ножниц двумя руками и, трясясь, направила на него.

Он сделал шаг назад и поднял ладони.

— Нет, нет. Это... Я здесь не для того, чтобы причинить тебе боль. Я только увидел немного крови, а я её боюсь.

— Я понимаю, — ответила Лора, задаваясь вопросом, может ли она перепрыгнуть через эту вещевую сумку и добежать до выхода, не упав и не поранив себя ножницами.

Андре опустил руки.

— Я не могу разговаривать с тобой, когда у тебя есть такие вещи. Передай их, пожалуйста.

Руки все еще тряслись, Лора взяла ножницы за лезвия. Трясущиеся руки потянулись положить их на стол, но чуть не промахнулась. Взгляд снова зацепился за стол, залитый кофе.

Андре, поймав её взгляд, рванулся. Она ахнула, отскакивая назад, и он проскользил рукой по ножницам. Они упали и стукнулись об пол. Когда она потянулась, чтобы достать их, он схватил ее до синяков на предплечье.

— Отпусти меня!

— Забудь про ножницы.

Но она не могла забыть их. Они были ее. И снова были в кофе.

Еще раз?

Не в первый раз её ножницы тонут в кофе. Осознание поразило ее. В этот момент в голове сложилась вся картинка.

— Там никогда не было моей чашки, — сказала она. — Это была твоя чаша, и это была твоя салфетка в ведре в коридоре. Джереми не приносил мне кофе из «Хасбея», потому что он пришел с фабрики. Ты прибежал уничтожать бумаги на шредере, а потом решил взять кнопки для рыжей «Терезы». Ты поставил кофе на стол, и, когда Грейси увидела тебя, твоя сумка задела кофе. Завязалась ссора, и ты пошел за ней в кабинет Джереми и убил её. Вот почему кнопки были на полу. И поэтому тебе были нужны еще кнопки, потому что старые остались на месте преступления.

— Когда я уходил, она была жива. Это есть на пленке.

— Там есть женщина в меховой шапке, которая уходит через десять минут. Но это была не она. Это был ты. Ты убил её, а затем вышел через заднюю дверь, спустился по грузовому лифту, и Грейси появилась на ленте в своей меховой шапочке. Затем ты вернулись обратно в последний раз. Она уже была мертва.

Андре посмотрел на дверь и посмотрел на нее. Она отошла в сторону, но он только двинулся с ней.

— А потом пришла Кармелла, чтобы забрать кнопки с Марио, потому что им было по пути домой, но ты ничего не смог ей отдать. Ведь на кнопках лежал труп.

Андре снова шагнул вперед, пугая Лору. Его глаза выпучились. Щеки покраснели.

Кулаки сжались.

Лора попыталась закрыть рот, но она так быстро думала, что язык начал жить своей жизнью, отдельно от чувства самосохранения хозяйки.

— Это Джереми разрешил тебе закончить матовую майку? Почему он тебя прикрывает?

— Прикрывает меня? Он никогда ничего не делает для кого — то, только для себя. Он худший из всех них. Все это — его идея. Думаешь, он всю жизнь собирался жить под пятой этой старой суки? — Андре в запале пнул сумку и приблизился к девушке. — Ни ты, ни полицейские даже ни на минуту ни о чем не догадывались. Конечно, я был на пленке, придя после убийства, но ленивый детектив никогда не спрашивал, был ли я там раньше.

Они хотят, чтобы все это было вручено им на серебряном блюде, как и те покупатели, которые хотят носить дорогое. Они хотят обед и ужин из Индокитая. Они хотят, чтобы я все сделал за них.

— Блумингдейл никогда не просил этих кнопок.

— Но ты заметили, как это было совершенно естественно? Я что, ответственный за кнопки? Или я их раб? Лора, скажи мне. Ты, когда-нибудь теряла что-то дорогое? Когда-нибудь? Чувствовала шок? — С этими словами он больно схватил девушку за плечи и встряхнул. — Скажи, что какая-нибудь богатая сука никогда не рушила твой мир.

Он тряс её настолько сильно, что Лоре казалось, что у неё отвалится голова.

— Успокойся, Андре. Ты расстроен.

— Ты чертовски права, я расстроен! — Он снова встряхнул ее. — Ты хочешь испортить все, над чем я работал.

Его руки переместились с рук на шею, и внезапно стало поздно кричать.

— Тебе не следовало все портить. Не следовало!

Все случилось так быстро, что она не могла вывернуться. Она смогла только хвататься за его предплечья и пытаться глотнуть воздуха ртом.

Сквозь ускользающее сознание, она услышала дверной звонок. Горло стало сухим.

Мелькали мысли, чувствовала ли Грейси тоже самое, кто у двери, и Руби, когда ей было одиннадцать, которая нашла её раздетой и замерзающей в прачечной на нижнем этаже.

Руби накинула на нее куртку и повязала шарф. Было тепло.

Она почувствовала запах соленой кожи Джереми и услышала, как он рявкнул приказ.

Впервые она не расплывалась лужицей восторга или даже не радовалась, его голосу, потому что, Андре только сильнее сжал пальцы. Джереми шагнул вперед, словно мог что — то сделать. Был звук, разбившийся в её голове на тысячу осколков.

А потом все кончилось. Ее горло болело, голова пульсировала, и локоть болел, где ее ударили. Повсюду раздавались голоса. Казалось, прошла вечность, прежде чем она услышала голос, подозрительно напоминающий детектива Канингеми:

— Когда — нибудь ты доиграешься, Карнеги.

Стиралка была сломана, и с этим уже ничего нельзя было сделать.

Лора снова стукнула её, и вода растеклась вокруг бака. Мама покачала головой.

— Думаю, балансир полетел. Нужно достать одежду.

Лора открыла крышку и засунула руку. Стиральная вода всегда казалась более вязкой.

Не известно почему. Может, из — за мыла, а может, из — за грязи.

Вошла Руби с майским «Vogue», открытым на первых страницах, и ткнула фотографию атласной юбки Лоре в лицо.

— Мы сможем сделать такое в шелке Фуджи? Но до колена? И со складками здесь и под ребрами?

— Ты вообще ничего не знаешь о том, что на картинке? Конечно. — Лора начала вытаскивать джинсы, а мама дергала ручки. Они вытащили всю одежду и выключили машинку. Она довольно задрезжала и громким хлопком остановилась.

— Там же было все три пары джинс! — закричала Лора. Мама отодвинула несчастный аппарат от стены и принялась осматривать заднюю панель, прикидывая как её разобрать.

— Мы можем попросить у домовладельца новую. — Лора как и мама, и как оставившая свою работу Руби, были совершенно разбиты.

Она не смогла больше оставаться в «Т&С», также как и Лора не могла больше работать с Джереми. Предложение Пьера Севьена было настоящим, и как только это стало известно, она с Руби сразу же приняли его. Но это означало шесть месяцев непрерывающейся работы над линией, а Севьен не торопился их финансировать. Через месяц у них уже были эскизы и образцы тканей, но Севьен все еще обсуждал и обсуждал. Хуже того, как только ткани были куплены, им понадобилось место для выпуска линии, они решили, что выпустят коллекцию самостоятельно, но, Руби, как выяснилось, совершенно не умеет шить. Они решили. Что будут пока жить вместе с матерью, в коричневом каменном доме в Бэй — Ридже, Бруклин, примерно в пяти кварталах от «Centennial». Лора стала более серьезной, чем она когда — либо себе представляла. Она не могла позволить обрушиться критике на себя. И они все оставались сосредоточенными, до тех пор, пока, машинка не выкинула такой фортель.

— Джонни скажет, что вся проблема в том, что мы её перегружаем, — сказала Лора, помятуя об их домовладельце, сорокапятилетнем отставном полицейском, который скупил окрестности в последнем финансовом кризисе.

Руби вздохнула, все еще глядя на журнал, вероятно, разрабатывая план, как вытащить побольше идей. Она пролистала журнал, остановившись на странице с девушкой на фоне метели.

— Разве это не твоя куртка?

Лора присмотрелась. На самом деле это была последняя одежда, над которой она работала с Джереми из невероятно крепкого букле «Терри Дисторни». Лора прочитала надпись: «Пальто из валяного букле «Джереми Сент — Джеймс» — двадцать три сотни долларов». Она вернула журнал Руби.

— Этот парень может превратить любое дерьмо в шоколад на каждом шагу. — Прокомментировала сестра.

Что правда, то правда.

После того, как все узнали, что Джереми поддельывал самого себя, продажи реального и

«поддельного» товара взлетели вверх. Хотя все должно было нанести сокрушительный удар по бизнесу. Оказалось, что зарубежные и интернет — клиенты уже подозревали, что они получают не настоящий продукт, но потом обнаружили, что их шкафы полны подлинного «Сент — Джеймса». Люди перепродавали свои подделки по тем же ценам, что и подлинники, тем самым поднимая им цену. Джереми продолжил продавать свои подделки с минимальной 10-процентной скидкой, и поскольку он доказал, что может производить и более бюджетную одежду, заключил сделку с «Н&М».

Что касается полиции, то по всем правилам он был преступником, но адвокаты не дали его тронуть. Не было никакого реального закона против подделывания самого себя.

Шелдон мог подать в суд на имущество Грейси, но через две недели после того, как Канингеми сломал входную дверь в офис и арестовал Андре за убийство Грейси, Джереми и Шелдон объявили о своем партнерстве. Они были новыми лучшими друзьями. Лора подумала, о том, что, не рассказал ли Джереми Шелдон у о своем кистозном фиброзе.

Шелдон мог добавить в их новый договор какую —нибудь строчку, которая в случае не своевременной кончины Джереми принесла бы ему пользу.

Канингеми тоже было все равно. Он догадался, что убийца Андре, когда Лора упомянула семидолларовую чашку кофе. Детектив знал, что Андре живет рядом с Джереми, и рядом с «Has Bean», что заставило его предположить, что кофе, пролитый на ножницы Лоры, мог быть Андре. Они обыскали его квартиру и нашли не только билет в один конец на какую — то экзотическую землю, номер счета в гаитянском банке, но и отсутствующий Т.О.П., который, по — видимому, Андре взял у Грейси после того, как убил ее, потому что подумал, что это образец одной из подделок.

Счет в гаитянском банке привел к отцу Ноэ, который привел к тому, почему Ноэ не пришла утром на показы. Она-то всех и сдала, хотя и не знала, что Андре убил Грейси, но видела его в тот вечер в офисе.

— Я не мог дозвониться до тебя, — сказал ей Канингеми. — Знал, что ты близка к правде. И так же знал, что ты не сможешь держать язык за зубами, если столкнешься с Андре. Хотел предупредить тебя, чтобы ты не ходила в офис, но ты оказалась быстрее.

— Спасибо, что спас меня, — ответила Лора. — Я имею в виду, кроме той части, где я выполнила половину вашей работы за вас.

— В любой момент, когда захочешь быть убитой, просто позвони.

На этой дружественной ноте они положили трубки. С тех пор она ничего не слышала от детектива, и признаться честно иногда скучала по их шутливым перепалкам.

Лоура стояла у стирально — сушильной машины, а мама пыхтела и кляла её заднюю крышку. В руках у неё был какой — то гаечный ключ, которым она пыталась открутить шайбу.

— Тебе стиот быть милее, дорогая.

— С кем? — Она упустила из виду, о ком они сейчас говорят.

— С Джереми Сент — Джеймсом. — Мама приподняла бровь, глядя на дочь поверх шайбы.

— Я не хочу встречаться с ним.

Ключ заскрежетал, и задняя крышка отошла от стенок машинки.

— В этом бизнесе неплохо было бы иметь друзей. А теперь ты ему ровня.

Это было верно в теории, но не на практике. Она должна провести как минимум несколько успешных сезонов. Но и это не было причиной того, почему она не отвечала на

звонки. Она просто не могла его видеть. Он не был тем человеком, которого создало её воображение, и ей было слишком стыдно за свои собственные фантазии, чтобы видеться с ним.

— Она права, — сказала Руби, вырвав страницу из журнала. — Мы могли бы использовать его. — Больше всего Лора боялась этих слов.

Она вышла на улицу, на крыльцо, и наблюдая проходивших мимо гопников.

Поглаживая мобильник, как будто не знала кому хочет позвонить.

— Я захожу в лифт, — сказал Стью, вместо приветствия.

— Перезвоню.

— Неа. Это я не тебе.

— Мы решили, как назовемся, — сказала она.

— Да неужели? Держу пари, это что — то гротескное.

Они со Стью и Руби провели долгие вечерние дискуссии, обсуждая будущее имя фирмы.

Начинали с «LR», «L & R» и «Carnegie» перешли к сестрам Карнеги, «LR Carnegie», и в каждой утомительной перестановке того же самого, пока наконец Стью, не опрокинув в себя еще одну пинту пива, не назвал их самыми скучными людьми на планете, а затем спросил: «Что ты пытаешься сделать? Если это только ваши имена, и вы открылись, чтобы прославить себя, то окей. Но если вы хотите что — то привнести в портняжное искусство, то так и назовитесь».

— Портновский? — честно говоря, никто не помнил, кто в пьяном угаре об этом спросил.

Она или Руби.

— Одежда. Все, что связано с одеждой, — это портняжное ремесло. Разве вы ничего не учили в школе дизайна? Иисус. Послушай, просто решай, кем ты хочешь быть, и будь им полностью.

Это вызвало еще одно обсуждение, которое длилось недели. Что они пытались сделать?

Когда они вытаскивали дешевое пиво и говорили о том, что им нравится, возникла общая тема. Они хотели соединить противоположности. Вещи, которые не имели смысла, пока вы их не увидите. Дополнительные цвета. Рипы с тонким пошивом. Сексуальный и прилежный. Винтаж и постмодерн.

Поэтому, когда Лора сказала Стью название, она знала, что он будет доволен.

«Портняжный сэндвич».

— Ты серьезно?

— Почему нет? Если они могут назвать компанию «Свобода для человечества», мы можем назвать нашу компанию «Sartorial Sandwich». И когда мы будем делать бюджетную линию, мы сможем назвать ее «Sartorial Soup» или что — то в этом роде.

Стью рассмеялся.

— Это не мейнстрим.

Вскоре после этого они повесили трубку. Скоро они снова увидятся. С каждой такой встречей парень все меньше казался утешительным призом, и все больше становился тем, кто действительно подходит Лоре.

Наконец, она поняла это.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigoed.net